

Криминалистика

В. А. Ручкин

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА
ОРУЖИЯ**

**И СЛЕДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ,
ПРАКТИКИ И ДИДАКТИКИ**

МОСКОВСКИЙ
ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ
ИНСТИТУТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

В. А. Ручкин

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА
ОРУЖИЯ И СЛЕДОВ
ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ,
ПРАКТИКИ И ДИДАКТИКИ**

*Рекомендовано Редакционно-издательским Советом
Российской Академии образования к использованию
в качестве учебно-методического пособия*

Москва
2004

ББК 67.52
P92

Главный редактор
Д. И. Фельдштейн
Заместитель главного редактора
С. К. Бондырева

Члены редакционной коллегии:

А. А. Бодалев	Л. П. Кезина	А.
Г. А. Бордовский	М. И. Кондаков	В. Л. Коваленко
В. П. Борисенков	В. Г. Костомаров	В. В. Рубцов
С. В. Дармодехин	О. Е. Кутафин	Э. В. Сайко
А. А. Деркач	В. С. Леднев	В. А. Сластенин
Ю. И. Дик	В. И. Лубовский	И. И. Халеева
А. И. Донцов	Н. Н. Малафеев	В. М. Тиктинский-
И. В. Дубровина	Н. Д. Никандров	Шкловский

Рецензенты:

Стальмахов А. В. – зам. начальника Саратовского юридического института МВД России по научной работе, доктор технических наук, профессор;

Бишманов Б. М. – начальник кафедры оружейноведения и трасологии Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Кулагин Н. И. – заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России.

P92 Ручкин В. А. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: вопросы теории, практики и методики. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003, 344 с. ISBN 5-89502-571-4

В монографии рассмотрены достаточно распространенные объекты экспертно-криминалистического исследования – разнообразные виды индивидуального оружия (холодного, метательного, огнестрельного, пневматического, минно-взрывного, зажигательного, газового, электрического и др.), а также основные тенденции и направления его развития и совершенствования.

Освещаются содержание и формы использования специальных знаний, реализуемых в борьбе с «вооруженной» преступностью, и, прежде всего, такая важнейшая процессуальная форма, как криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения, решаются актуальные проблемы теории и практики ее производства, предлагаются эффективные модели подготовки специалистов в области названной экспертизы.

Работа предназначена для сотрудников правоохранительных органов, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических учебных заведений а также для всех, кто интересуется оружием, его историей, современным состоянием и перспективами развития.

ISBN 5-89502-571-4

ISBN 5-98333-005-5

© Московский психолого-социальный институт, 2004
© ООО «ПолиграфПрофи», 2004

Светлой памяти моего учителя
Заслуженного деятеля науки
Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора
Рафаила Самуиловича Белкина
посвящаю

Введение

Известно, что в незаконный оборот может быть вовлечен широкий круг разнообразных предметов, среди которых особое место занимает оружие как источник повышенной опасности. Оно зачастую служит орудием совершения таких преступлений, как разбой (ст. 162 УК РФ), террористические акты (ст. 205), убийства (ст. 105, 107, 108) и др. Так, анализ практики расследования разбоев показывает, что в среднем около 18 % подобных преступлений совершается с применением того или иного вида оружия, 62 % – с использованием предметов, конструктивно схожих с оружием (обычно ножей хозяйственно-бытового назначения), и 20 % – с использованием иных предметов. При этом удельный вес вооруженных разбоев в общей массе «вооруженной» преступности в отдельных регионах страны колеблется от 9,4 % в 1995 году до 15,7 % в 1999 году¹.

Оружие может быть не только орудием совершения преступления, но и предметом преступления. Например, в качестве такового оно рассматривается в статьях 222–226 УК РФ. Результаты изучения экспертной практики свидетельствуют, что почти в 100 % случаев назначения криминалистической экспертизы холодного и метательного оружия перед экспертом ставится вопрос об относимости представляемых на исследование объектов к названным видам оружия (то есть направлен на определение предмета пре-

¹См.: Корецкий Д. А., Косматенко А. А., Коваленко В. И., Мясников К. А. Состояние вооруженной преступности в Ростовской области и меры борьбы с ней. – Ростов-на-Дону, 2001. С. 10.

ступления). При назначении судебно-баллистических экспертиз указанный вопрос ставится и решается в 60 % случаев, а взрывотехнических – в 85 %.

В целом, для современного этапа развития общества характерно возрастание степени вооруженности преступной среды. В последнее десятилетие наше общество пережило в буквальном смысле слова бум «вооруженной» преступности. Пик ее пришелся на 1997 год, когда в стране было зарегистрировано свыше 39 тыс. преступлений, совершенных с применением оружия, из которых около половины составили преступления, связанные с использованием наиболее опасных видов оружия – огнестрельного, минно-взрывного, газового. Число осужденных за незаконные действия и нарушение правил обращения с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами в том году достигло почти 23 тыс.

В последующие пять лет в динамике «вооруженной» преступности наметился некоторый спад. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные: в 1998 году регистрируется уже около 36 тыс. преступлений, совершенных с применением оружия, из которых 18,6 тыс. приходится на преступления, связанные с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; в 1999 году – соответственно 30,4 тыс. и 16,0 тыс.; в 2000 году – 25,5 тыс. и 13,0 тыс.; в 2001 году – 24,8 тыс. и 12,6 тыс.

Однако на этом фоне в качестве тревожной тенденции остается постоянный (из года в год) рост хищений либо вымогательства огнестрельного оружия, деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. По данным ГИЦ МВД России, их количество в 1998 году (по сравнению с 1997 годом) возросло на 67,3 %; в 1999 году – на 29,7 %; в 2000 году – на 3,8 %; в 2001 году – на 14,5 %. Так, только в 2001 году в каждом третьем субъекте Российской Федерации подобный рост составлял от 1,5 до 3 крат.

Ежегодное пополнение количества оружия, находящегося в незаконном обороте, представляет собой существенный, дестабилизирующий оперативную обстановку фактор. По оценкам специалистов, в России находится в незаконном обороте лишь огнестрельного оружия около 1,5–2 млн единиц. Так, на 1 января 2000 года на централизованном учете ГИЦ МВД России значилось более 51 тыс. похищенных и утраченных нарезных стволов и боевой техники, в том числе 1337 пулеметов, 18528 автоматов, 1501 гранатомет, свыше 23000 пистолетов и револьверов². Поэтому на протяжении ряда лет не снижается актуальность борьбы с незаконным оборотом оружия. Органами внутренних дел в этом направлении предпринимаются колоссальные усилия. Об их масштабах свидетельствуют следующие данные: лишь в 1998 году из незаконного оборота было изъято около 140 тыс. единиц огнестрельного оружия; 22 тыс. единиц газового; 6,4 тыс. взрывных устройств; 12 тыс. единиц холодного оружия; 6,1 млн штук боеприпасов к огнестрельному оружию.

Особо следует отметить, что одно из негативных проявлений «вооруженной» преступности – сохранение в обществе высокой социальной напряженности, обусловленной прежде всего достаточно большим количеством преступлений (в основном террористической направленности), связанных с использованием минно-взрывного оружия. Так, в течение 1999 года в стране прозвучало 972 криминальных взрыва, унесших сотни человеческих жизней.

Как одну из вынужденных реакций государства на подобные проявления можно рассматривать увеличение в действующем УК РФ (относительно УК РСФСР) диспозиций составов преступлений, в которых предусмотрен квалифицирующий признак вооруженности, до 31 статьи.

²Терасимов С. И. Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия и меры по его предупреждению. – М., 2000. С. 3.

Неутешительной остается и статистика раскрытия преступлений, совершенных с применением оружия. Например, количество нераскрытых преступлений данной категории в 1998 году составляло 9,4 тыс.; в 1999 году – 8,0 тыс.; в 2000 году – 5,8 тыс.; в 2001 году – 6,9 тыс.

Современный преступный арсенал представлен большим разнообразием оружия, функционально и конструктивно созданного в различных вариантах его применения (индивидуального, группового и др.), действия (летального и нелетального), изготовления (заводского, кустарного, самодельного) и т. п.

Наряду с исторически сложившимся и хорошо известным оружием (холодным, метательным, огнестрельным, пневматическим, минно-взрывным, зажигательным), составляющим основную массу «оружейных» объектов экспертного исследования, отмечается перманентное появление его новых видов, подробное изучение которых еще потребует времени. Одни виды и образцы оружия используются в преступных целях очень часто, другие – реже, третьи – пока не применяются, но их применение вполне возможно и поэтому уже сейчас должно учитываться в прогностическом плане. При этом вместе с оружием в преступных целях используется также широкий круг объектов, имеющих то или иное подобие с ним.

Анализ современной «вооруженной» преступности показывает³, что в ее структуре лидирующее место занимают преступления, связанные с использованием ручного стрелкового оружия (в основном огнестрельного и реже – ствольного газового и пневматического). Несколько меньший процент составляют преступления, совершаемые с применением холодного и метательного оружия. Небольшой процент (относительно названных видов оружия)

³Подробнее об этом см. § 3 гл. 1 настоящей работы.

приходится на преступления, связанные с применением или угрозой применения минно-взрывного и зажигательного оружия. Однако в последние годы наметилась устойчивая тенденция роста преступлений, связанных с двумя последними видами оружия. И, наконец, в структуре современной «вооруженной» преступности отмечаются случаи совершения или угрозы совершения преступлений с использованием нетрадиционных видов оружия и оружия массового поражения.

Наглядным подтверждением применения последнего служат случаи использования биологического оружия, имевшие место после известных терактов, совершенных в США 11 сентября 2001 года. Учитывая возможность подобного, законодатель ввел в УК РФ уголовную ответственность за производство или распространение оружия массового поражения (ст. 355), а также незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ст. 189).

Здесь следует выделить одну характерную для последних лет развития оружия особенность: сложившийся на сегодняшний день арсенал вооружений имеет отчетливо выраженную тенденцию к расширению за счет новых видов так называемого «нелетального» оружия. В этой связи Д. А. Корецкий справедливо отмечает: «Традиционное оружие исконно предназначено для причинения смерти или увечий. Между тем развитие гуманистических идей, характерных для цивилизованного общества, неизбежно приводит к идее экономного применения обоснованного насилия, сводящего к минимуму причинение телесных повреждений и исключаящего наступление смертельного (летального) исхода. Реализация этого принципа привела к появлению принципиально нового, внутренне противоречивого терминологического слово-

сочетания «нелетальное» оружие (НО), или оружие не- смертельного действия (ОНД)»⁴.

Учитывая отмеченную тенденцию, можно с полной уверенностью прогнозировать постоянный рост доли нетрадиционных видов оружия в общей массе «оружейных» объектов судебно-экспертного исследования.

Конечно, происходящие процессы в динамике преступности в целом и «вооруженной» в частности постоянно находятся в поле зрения правоведов, криминалистов и судебных экспертов, одной из основных задач которых остается выявление определенных тенденций как в динамике преступности, так и в практике борьбы с ней, и своевременное, адекватное «реагирование» на эти проявления.

Сегодня, на наш взгляд, прежде всего требуется обстоятельный анализ наблюдаемой на современном этапе развития криминалистики и судебной экспертизы тенденции объединения существующих направлений исследования различных видов оружия в одно.

В основе названного интеграционного процесса лежат объективные закономерности. Так, при всей, на первый взгляд, конструктивной несхожести различных видов оружия многолетней практикой борьбы с преступностью подтверждено, что в механизме их противоправного применения, его последствиях, целях и мотивах использования много общего. Ввиду этого преступления, совершенные с применением разного оружия, характеризуются и общими закономерностями возникновения информации

о них, а также собирания, исследования, оценки и использования доказательств.

Кроме того, процесс становления оружия, как это видно на примере его эволюции⁵, характеризуется общей направленностью, свидетельствует о цельности и системности знаний о нем, общих тенденциях и закономерностях его развития, что соответственно предполагает единый методический подход к научному изучению проблемы оружия вообще и экспертно-криминалистическому исследованию оружия в частности. Такой подход соответствует и позиции законодателя, понимающего оружие как вполне конкретную, самостоятельную категорию (устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели)⁶.

Эти обстоятельства позволяют говорить о необходимости изучения оружия не «разрозненно» по его отдельным видам, а в криминалистике в рамках одной отрасли криминалистической техники, в судебной экспертизе – в качестве структурного элемента ее общей теории – экспертного учения, обладающего определенной самостоятельностью, целостностью структуры, общностью группы предметов исследования.

Так, анализ литературы подтверждает, что в настоящее время необходимость изучения различных видов оружия в рамках одной отрасли криминалистической техники⁷

⁴Корецкий Д. А. Нелетальное оружие: понятие, виды, классификация. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всерос. «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. материалов – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 400.

⁵См.: Ручкин В. А. Эволюция ручного оружия. Учеб. пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2001.

⁶См.: Федеральный Закон «Об оружии» // СЗ РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

⁷Плескачевский В. М. предлагает называть ее «криминалистическим оружейведением» (см.: Проблемы формирования криминалистического оружейведения в свете укрепления общественного порядка. // Укрепление общественного порядка и законности в правовом государстве. Межвуз. сб. науч. тр. – М., 1989. С. 203–211).

и единой интегрированной учебной дисциплины у многих уже не вызывает сомнений⁸.

Это мнение в наиболее концентрированном виде изложено Н. П. Яблоковым. В частности, он пишет: «В криминалистической же литературе указанные направления исследований, включающие все отмеченные выше объекты, долгое время раздельно рассматривались в криминалистической технике. Однако общность их существа и предназначенность для поражения цели, общность многих методических особенностей исследования, одинаково широкое и нередко одновременное использование различных видов оружия (в том числе и взрывных устройств и взрывчатых веществ) при совершении одних и тех же преступлений, обуславливающих необходимость параллельного их исследования, закономерно поставили вопрос о целесообразности выделения и закрепления в криминалистической технике самостоятельного направления исследований в виде ее отдельной отрасли»⁹.

⁸См., например, Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. / Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. – М.: НОРМА, 2000. С. 247–281; Криминалистика. Учебник. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. С. 251–281; Криминалистика. Учебник. / Под ред. проф. А. Г. Филиппова. – М.: Юриспруденция, 2000. С. 63–74; Криминалистика. Учебник. / Под ред. проф. А. Г. Филиппова (отв. ред.) и проф. А. Ф. Вольнского – М.: «Спарк», 1998. С. 119–140; Криминалистика. Учебник для вузов МВД России. Т. 2: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. / Редкол.: Смагоринский Б. П. (отв. ред.), Вольнский А. Ф., Закаатов А. А., Филиппов А. Г. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1994. С. 67–90; Криминалистика. Учебник для среднего профес. образования. / Под ред. А. А. Закаатова и Б. П. Смагоринского – Волгоград: ВА МВД России, 2000. С. 67–90; Криминалистика. Учебник для вузов. / Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 2000. С. 146–161; Владимиров В. Ю. Теория и практика криминалистического оружиеведения. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – СПб, 2002.

⁹Криминалистика. Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. С. 251–252.

Безусловно, продолжает развиваться и общая теория судебной экспертизы. В последние годы наметилась тенденция усложнения ее структуры, в частности, появление новых структурных элементов общей теории – частных теорий отдельных родов и видов судебных экспертиз. В контексте действия названной тенденции в теории и практике судебной экспертизы возникла потребность в формировании учения об оружии и следах его применения как частной теории отдельного рода криминалистической экспертизы.

В первую очередь, это обуславливалось потребностями экспертной практики в комплексном подходе к проблеме оружия, который до сих пор не обеспечен надежными теоретическими основами и научно обоснованными методическими рекомендациями исследования некоторых новых видов оружия и подобных ему устройств. Так, в 1980–1990-х годах появился ряд ранее неизвестных отечественной практике экспертного исследования объектов (например, газового, электрического, некоторых образцов метательного оружия), оценка и распознавание которых по сути поставила в тупик практических работников. В теории и практике судебной экспертизы остро встал вопрос создания методических основ оценки и распознавания как названных, так и некоторых других объектов, встречающихся в практике работы правоохранительных органов. На «вызов времени» появляется ряд научных работ, посвященных методике изучения новых для практики экспертно-криминалистического исследования объектов¹⁰. В целом

¹⁰См., например, Владимиров В. Ю. Криминалистическое исследование газового оружия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1996; Винниченко А. С. Теоретические и методические основы криминалистического исследования метательного оружия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1998; Коровкин Д. С. Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999; Гобеев А. С. Ручное оружие как объект криминалистического исследования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999.

эти работы объединяет одно обстоятельство: предлагаемые их авторами методики создаются не «с чистого листа», а строятся на базе или с учетом ранее разработанных и апробированных на практике методик исследования холодного и огнестрельного оружия, что наглядно свидетельствует об общности методических подходов к исследованию различных видов оружия и необходимости создания единого учения об оружии и следах его применения как частной теории отдельного рода криминалистической экспертизы, которая занималась бы разработкой общеметодических положений экспертного исследования различных видов оружия, подобных ему устройств и следов их применения.

Действительно, единство в методическом подходе к исследованию оружия в целом, общность задач идентификационного, диагностического и ситуационного характера, решаемых при его исследовании, а также необходимость выявления имеющихся естественных системных связей между различными видами оружия в целях соответствующего сближения методик их экспертного исследования в итоге не могли не привести к формированию учения об оружии и следах его применения как частной теории отдельного рода криминалистической экспертизы.

Кроме того, по-новому взглянуть на проблемы экспертного исследования оружия и следов его применения потребовал от ученых и практиков впервые принятый в 1993 году Федеральный закон «Об оружии». Стало ясным, что, с одной стороны, изучение оружия, перечисленного в статье 1 названного Закона, целесообразно в рамках одного рода криминалистической экспертизы, с другой, – исследование различных видов оружия в рамках судебно-баллистической экспертизы явно выходит за ее пределы как по содержанию, так и по форме. Обнаружилась острая потребность в разработке научных основ выделяющегося рода криминалистической экспертизы оружия и следов его применения. Все это явилось еще одним убедительным

подтверждением необходимости формирования самостоятельного учения об оружии и следах его применения, являющегося частной теорией (то есть теоретической основой) названного рода криминалистической экспертизы.

Для того чтобы формирующаяся частная экспертная теория не представляла собой искусственное образование, требуется наряду с разработкой ряда ее положений методическое обоснование интеграционных связей внутри названной теории. И здесь нельзя не отметить, что подобному методическому обоснованию интеграционных связей в значительной степени способствуют знания об истории оружия, тенденциях и закономерностях его развития, позволяющие выделить общее, объединяющее все виды оружия, выступая при этом не только исторически, но и в определенном смысле методически объединяющим знанием.

Таким образом, к концу 1990-х годов был накоплен, систематизирован и обобщен большой фактический материал (включая судебно-следственную и экспертную практику), послуживший исходной базой для построения гипотезы о формировании учения об оружии и следах его применения. При этом неоднозначно решался вопрос о месте названного учения в науке¹¹.

С течением времени стало очевидным, что учение об оружии и следах его применения должно занять свое место не в системе частных криминалистических теорий, а в общей теории судебной экспертизы в качестве одной из составляющих ее частных теорий отдельного рода криминалистической экспертизы, а именно – криминалистической экспертизы оружия и следов его применения. Т. В. Аверьянова совершенно справедливо отмечает: «На

¹¹См.: Ручкин В. А. О концептуальных основах криминалистического учения об оружии и следах его применения // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. Сб. науч. тр. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 248–254; Ручкин В. А. Оружие и следы его применения. Криминалистическое учение. – М.: Юрлитинформ, 2003.

современном этапе происходит дифференциация самой криминалистики. Это привело к формированию на ее "стыках" с другими науками новых отраслей знания: судебной психологии, логики расследования и пр. Интеграция же проявляется в комплексном исследовании объектов криминалистики и решении ее задач посредством использования возможностей других наук. Нечто похожее можно сейчас наблюдать в общей теории судебной экспертизы. Ее формирование еще не завершено... Содержание и структура общей теории судебной экспертизы для своего определения потребовали решения вопроса о том, какие данные других отраслей знания должны быть консолидированы в рамках этой теории¹². Представляется, что данные об экспертно-криминалистическом исследовании оружия и следов его применения, ранее накапливавшиеся в криминалистике, на современном этапе должны быть консолидированы в рамках общей теории судебной экспертизы.

Итак, учитывая наличие в теории и практике судебной экспертизы ряда нерешенных проблем, препятствующих эффективной борьбе с «вооруженной» преступностью, рост которой принял крайне опасный характер для нашего общества, автор попытался дать комплексный анализ накопившихся проблем с целью обоснования единого методического подхода к исследованию индивидуального оружия в рамках отдельного рода судебной экспертизы – криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, а также предложения более эффективных моделей подготовки специалистов в области названной экспертизы.

¹²Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. – М.: Академия МВД России, 1994. С. 117.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОРУЖИЯ И СЛЕДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В БОРЬБЕ С «ВООРУЖЕННОЙ» ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В современных условиях эффективность раскрытия и расследования преступлений напрямую зависит от использования в уголовном процессе специальных знаний. «Специалисты, – справедливо отмечает В. А. Снетков, – в особенности профессиональные судебные специалисты, располагают большими возможностями эффективно содействовать расследованию преступлений практически на любом этапе процесса получения и использования доказательств, в том числе при их собирании, исследовании, проверке, оценке»¹³.

Широкое использование специальных знаний в уголовном процессе в настоящее время обуславливается все возрастающими возможностями применения данных естественных и технических наук в раскрытии и расследовании преступлений, а также необходимостью повышения объективизации самого процесса судебного исследования доказательств. Вполне очевидно, что роль специальных знаний в эффективном раскрытии и расследовании преступлений со временем будет возрастать. Уже сейчас успех расследования немыслим без их использования в процессе его производства. «Расследование нередко оказывается успешным, – отмечал Н. А. Селиванов, – именно благодаря своевременному

¹³Снетков В. А. Уголовный процесс и криминалистика в деятельности специалиста // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. Сб. науч. трудов. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 110.

и достаточно полному использованию помощи сведущих лиц»¹⁴.

Своеобразным признанием повышения роли специальных знаний в собирании, исследовании и использовании доказательств явилось расширение полномочий специалиста в новом уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Теперь в соответствии со статьей 58 УПК РФ специалист привлекается к участию в процессуальных действиях не только для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, но и для применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, постановки вопросов эксперту, разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Все возрастающее значение специальных знаний в процессе расследования даже побудило Е. И. Зуева сделать, на наш взгляд, ошибочное предложение о разработке «самостоятельного криминалистического учения о специальных познаниях»¹⁵. По этой же причине отдельные авторы предложили выделить в УПК самостоятельную главу, посвященную использованию специальных знаний в борьбе с преступностью¹⁶.

В структуре современной преступности, как мы уже отметили ранее, существенную долю занимает «вооруженная»

преступность. При этом, по данным ГИЦ МВД России, в 2000 году в ряде регионов страны наблюдался значительный рост этой категории преступлений (Республике Алтай – 72 %, Еврейской автономной области – 65 %, Калининградской области – 37,9 %). В 2001 году в отдельных регионах (Карачаево-Черкесия, Белгородская, Воронежская, Волгоградская области) также отмечался существенный прирост вооруженных посягательств (от 30 % до 45,1 %).

Анализ судебно-следственной и экспертной практики показывает, что расследование значительной части подобных преступлений просто невозможно без использования специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения. В этом заключается одна из специфических особенностей процесса расследования указанной категории преступлений.

Так, о масштабах использования специальных знаний эксперта-криминалиста, специализирующегося в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, свидетельствуют следующие данные ГИЦ МВД России. В стране в 1997 году было проведено 64003 судебно-баллистические экспертизы и 49958 экспертиз холодного оружия; в 1998 году – соответственно 70589 и 49977; в 1999 году – 77111 и 51275; в 2000 году – 74025 и 46724; в 2001 году – 70402 и 45369. «Пиковым» по количеству выполненных экспертиз явился 1999 год. В последующем наметился некоторый спад в объемах выполнения судебно-баллистических экспертиз и экспертиз холодного оружия (в 2000 году снижение соответственно составило 4 % и 8,9 %; в 2001 году – 4,9 % и 2,9 %).

Однако в настоящее время в криминалистике и судебной экспертизе задействованы далеко не все «резервы» эффективного применения специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения для успешного раскрытия и расследования преступлений. В частности, требуют более пристального внимания ученых и практиков проблемы уточнения (с точки зрения современного уголовного права)

¹⁴Селиванов Н. А. Привлечение специалистов к расследованию. – М., 1973. С. 3.

¹⁵Зуев Е. И. Роль специальных познаний в раскрытии преступлений // Криминалистические средства и методы раскрытия преступлений. Сб. науч. тр. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1982. С. 19.

¹⁶См.: Степанов В. В. Проблемы средств доказывания по делам о преступлениях, совершенных организованными группами // Социально-экономические, правовые, оперативно-розыскные и экспертно-криминалистические проблемы борьбы с организованной преступностью. Матер. науч.-практ. конф. – Саратов, с. 115; Фирсов Е. П. Правовые основания и формы использования специальных познаний в расследовании преступлений // Криминалистическая экспертиза: трасологические и судебно-баллистические исследования. Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Б. Н. Морозова – Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. С. 9.

криминалистики и судебной экспертизы) состава и уровня специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения, оптимизации форм их использования в процессе раскрытия, расследования преступлений, определения путей повышения эффективности названных знаний в уголовном процессе, выяснения перспектив их развития.

§ 1. Содержание и формы использования специальных знаний в области криминалистического и судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения при раскрытии и расследовании преступлений

В настоящее время усилиями нескольких поколений ученых и практиков в криминалистике и судебной экспертизе накоплен определенный объем знаний об оружии и следах его применения. Его требуется осмыслить, упорядочить, систематизировать с выведением соответствующих закономерностей и следствий и в виде логически организованной суммы знаний (или, иначе говоря, – учения) органически «вписать» в стройную систему общей теории судебной экспертизы¹⁷.

Составляющие эту сумму знания, с точки зрения участников процесса как субъектов – носителей указанных знаний, далеко не равнозначны. В этом плане можно выделить два уровня знаний:

- 1) общеизвестные, имеющие массовое распространение и потому доступные любому участнику процесса;
- 2) специальные, то есть приобретенные в результате обучения или практического опыта и доступные узкому кругу лиц, участвующих в уголовном процессе.

Специальные знания, как известно, не включают в себя знания в области права, хотя во многих случаях и приобре-

¹⁷Здесь следует подчеркнуть, что названная сумма знаний (учение) будет иметь прикладное значение не только для судебной экспертизы, но и для криминалистики.

таются в процессе профессионального юридического образования. Однако это положение, справедливо считающееся в уголовно-процессуальной и криминалистической науке аксиомой, в последнее время подвергается «ревизию»¹⁸. Так, А. А. Эксархопуло утверждает: «Сегодня становится ясно, что в том обилии нормативных актов, принятых за последние годы, которые необходимо знать при расследовании новых видов преступлений и которыми приходится руководствоваться следователям, прокурорам, судьям в своей работе, ни один юрист профессионально в требуемом объеме разбираться не в состоянии»¹⁹. Из этого он делает неверный, на наш взгляд, вывод о том, «что научный анализ обстоятельств преступления, установленных в ходе расследования или судебного разбирательства специалистами в области правовой науки на уровне экспертизы, выводы которой давали бы основание отдать предпочтение тому или иному варианту решения проблемы уголовно-правовой квалификации содеянного либо тому или иному варианту принятия процессуального решения, не противоречит нормативным правилам назначения и проведения судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве»²⁰.

Общеизвестно, что решение правовых вопросов – это прерогатива органов расследования и суда. В уголовно-процессуальном законодательстве четко прописано, что к специальным относятся знания лишь в науке, технике, искусстве или ремесле. В этой связи Т. В. Аверьянова правильно пишет: «Вопросы же права являются прерогативой органов расследования. И хотя нередко эксперт – предста-

¹⁸См., например: Эксархопуло А. А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: «Спарк», 2001. С. 23–28; Кокорев Л. Д. Процессуальные проблемы использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве // Вопросы уголовного процесса. Межвуз. сб. Вып. 1. – Воронеж, 1977. С. 9.

¹⁹Эксархопуло А. А. Указ. соч. С. 26.

²⁰Там же, с. 27.

витель экспертного учреждения – обладает достаточными познаниями в области права, он (точно так же, как лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд, обладая специальными (неюридическими) познаниями, по закону не вправе заменить эксперта) не имеет права вторгаться в область деятельности органов расследования, совмещая в одном лице функции эксперта и органа расследования. Если же эксперт при разрешении вопросов берет на себя функции, относящиеся к сфере деятельности следствия и суда, то его заключение лишается силы судебного доказательства. Экспертиза не толкует закон»²¹.

Специальные знания нельзя ограничивать только знаниями, получаемыми в процессе профессионального образования. Следует согласиться с мнением П. П. Ищенко о том, «что в определении специальных знаний и навыков, используемых в уголовном судопроизводстве, не должно быть требований, связанных с образованием, так как известно, что существует много специальностей (а значит и специальных знаний и навыков), носители которых официально не получили специального образования»²².

На наш взгляд, специальные знания должны включать не только теоретические знания в науке, технике, искусстве или ремесле, применяемые в целях доказывания, но и умения, навыки, приобретенные в процессе как профессиональной, так и любой другой практической деятельности. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением тех авторов, которые под специальными понимают лишь профессиональные знания²³. Конечно, они составляют основу специальных знаний, но не исчерпывают их полностью. Напри-

мер, носителем некоторых специальных знаний в области экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения может выступать лицо, помимо своей профессии получившее знания, навыки и умения в процессе увлечения спортивной стрельбой или охотой.

Очевидно, что специальные знания в области криминалистического и судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения нельзя ограничивать лишь знаниями в криминалистической технике, позволяющими эффективно применять научно-технические средства и приемы для собирания и исследования доказательств. Практика показывает, что они являются основными и наиболее востребованными, но не единственными. Так, в криминалистической практике для решения вопросов о способе изготовления оружия (огнестрельного, холодного и др.), а также причине поломки либо нарушения целостности его отдельных узлов, деталей нередко привлекаются в качестве специалистов технологи в области оружейного дела и металловеды, абсолютно несведущие в криминалистической технике. В этой связи наиболее предпочтительной представляется позиция Т. В. Аверьяновой, заключающаяся в том, что «специальными являются знания, приобретенные субъектом в процессе обучения и практической деятельности в науке, технике, искусстве, ремесле и основанные на знании научных разработок в соответствующих областях знаний, используемые для решения вопросов, возникающих при расследовании и рассмотрении в суде конкретных дел»²⁴.

В криминалистической литературе нередко можно встретить термин «специальные познания»²⁵. В современ-

²¹Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: «Спарк», 2001. С. 33.

²²Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). – М.: Юрид. лит., 1990. С. 6.

²³См., например, Закатов А. А., Оропай Ю. Н. Использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании преступлений. – Киев: РИО МВД УССР. С. 81; Ищенко П. П. Указ. соч., 1990. С. 8.

²⁴Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 31.

²⁵См., например, Эйсмэн А. А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). – М.: Юрид. лит., 1967. С. 89–92; Зуев Е. И. Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю. – М.: ВНИИ МВД СССР. 1975; Поташник Д. П., Устьянцева Т. В. К вопросу о понятии и содержании специальных познаний эксперта-криминалиста // Применение научных методов при расследовании преступлений и изучении преступности. Матер. Всесоюз. науч. конф. Ч.1. Вып. 1. – М., 1973. С. 159–164 и др.

ной философии «познание» трактуется как «общественно-исторический процесс творческой деятельности людей, формирующий их знания, на основе которых возникают цели и мотивы человеческих действий»²⁶. Поэтому, исходя из приведенного определения, более точным, на наш взгляд, будет использование термина «специальные знания».

Специальные знания (имеются в виду их состав и уровень) представляют собой категорию подвижную, отражающую на определенный отрезок времени степень развития науки, техники и ремесла в рассматриваемой сфере деятельности. «То, что некоторое время назад было известно лишь немногим, – отмечал А. А. Эйсман, – становится доступным всем, но наряду с этим беспрестанно появляются новые научные данные, пополняющие перечень специальных знаний»²⁷. Следует лишь добавить, что этот процесс непрерывный и обусловлен научно-техническим прогрессом. Причем со временем все отчетливее просматривается тенденция ускорения процесса пополнения перечня специальных знаний за счет появления новых научных данных.

Граница между знаниями, которые со временем переходят в разряд общеизвестных, доступных всем, и знаниями, составляющими суть специальных, также постоянно изменяется и никогда не может быть абсолютно жесткой. Более того, по мере развития общества здесь также наблюдается определенная тенденция – тенденция все ускоряющегося процесса «размывания» границ между названными видами знаний. Эта тенденция также является одним из проявлений действия научно-технического прогресса. «Все более широкая связь науки с производством, распространение научных воззрений среди всех слоев населения изменяют и характеристики повседневной практики, приближая ее к практике науки, и характеристики здравого

смысла, приближая его в известной мере к научному познанию»²⁸.

С учетом отмеченной тенденции в спорном вопросе о разграничении специальных и общеизвестных знаний более предпочтительной представляется точка зрения, согласно которой четкую границу между ними провести объективно невозможно, так как в силу ее исторической подвижности она, прежде всего, определяется судебно-следственной практикой и носит во многом субъективный характер. Мнение Д. П. Поташника и Т. В. Устьянцевой о том, что «необходимость проведения достаточно четкой границы между общими и специальными знаниями имеет серьезные процессуальные мотивы уже хотя бы потому, что от этого зависят основания назначения экспертизы»²⁹, звучит, конечно, заманчиво, но вряд ли осуществимо на практике.

Состав и уровень развития современных специальных знаний в области криминалистического и судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения – результат их длительного исторического развития. Формирование названных специальных знаний происходило под влиянием ряда факторов и было детерминировано потребностями следственной и судебной практики. Чем чаще и больше возникало в процессе судопроизводства вопросов, требующих привлечения соответствующих специалистов, тем активнее шел процесс формирования специальных знаний, быстрее увеличивался их объем. И чем разнообразнее были интересующие следствие и суд вопросы, тем разнородней по содержанию становились специальные знания. Со временем этот процесс привел к тому, что специальные знания в области криминалистического и судебно-экспертного исследования оружия и следов его

²⁶Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. С. 348.

²⁷Эйсман А. А. Указ. соч. С. 92.

²⁸Философский словарь. – М., 1972. С. 135.

²⁹Поташник Д. П., Устьянцева Т. В. Указ. соч. С. 160.

применения по содержанию стали синтетическими³⁰. Здесь следует заметить, что названные специальные знания в итоге стали не только элементом криминалистической техники, но и прежде всего теоретической основой криминалистических экспертиз различных видов оружия и следов их применения.

Проявление синтетического характера специальных знаний во многом происходило под влиянием тенденции дифференциации и интеграции знаний. Наряду с зарождением новых направлений внутри отдельных отраслей науки и практической деятельности, использовавшихся в качестве специальных знаний при исследовании оружия и следов его применения, шел также активный процесс образования новых «пограничных» областей специальных знаний, сопровождавшийся установлением между этими новыми областями знаний более тесных связей, их постепенным взаимопроникновением, развитием и применением общих для них методов исследования.

Интересно отметить, что у истоков формирования специальных знаний не всегда стояли профильные специалисты. По истечении времени оказывалось, что в числе основного (основных) субъекта – носителя сформировавшихся специальных знаний не оказывалось тех специалистов, с которых собственно и начинался процесс формирования этих знаний. Очевидно, это одна из специфических особенностей становления специальных знаний, носящих синтетический характер.

Наглядным подтверждением вышеизложенных тезисов служит процесс формирования специальных знаний в области исследования огнестрельного оружия и следов его применения.

³⁰Подробнее о синтетическом характере криминалистики см.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001. С. 9–46.

В России процесс научного становления названных специальных знаний начался во второй половине XIX века с работ судебных медиков, в частности, Н. Щеглова, И. Милотворского, Н. Москалева и др. Еще ранее в фундамент этого научного «здания» были заложены работы в области баллистики (военной). Однако историческая «миссия» основателей специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения все же выпала на долю судебных медиков. Достаточно вспомнить, что в нашей стране становление судебной баллистики, лежащей в основе учения об оружии и следах его применения, связывают с известным судебным медиком – В. Ф. Черваковым, который обобщил, критически осмыслил, логически организовал и органически «встроил» в систему криминалистики обширный конгломерат специальных знаний из различных областей науки и практической деятельности, выведя тем самым их на качественно иной уровень³¹.

В настоящее время содержание специальных знаний специалиста (эксперта) – баллиста составляет комплекс базирующихся на положениях общей теории судебной экспертизы и криминалистики и адаптированных для решения практических задач данных из военно-технических наук, механики, физики, химии, металловедения и технологии производства, математики, кибернетики, судебной медицины и биологии, фотографии, топогеодезии, охотоведения, спортивной стрельбы и др.

Очевидно, что этот перечень данных как применительно к судебно-баллистическим исследованиям, так и проблеме исследования оружия в целом не может быть исчерпывающим. С расширением круга «оружейных» объектов он постоянно увеличивается. Практика показывает, что попытки точного определения перечня этих данных, а значит и четкого установления содержания специальных знаний

³¹См.: Черваков В. Ф. Судебная баллистика. – М.: Юриздат, 1937.

в области исследования оружия и следов его применения – занятие бесперспективное. Вероятно, здесь нужно исходить из той совокупности данных, которые требуются для исследования исторически сложившихся видов оружия и которые соответственно будут являться своеобразным «фундаментом», ядром специальных знаний применительно к проблеме оружия и следов его применения в целом. Принимая во внимание наличие естественных системных связей между различными видами оружия, общие закономерности их развития и единую целевую предназначенность – поражение цели, а также преемственность и системность знаний об оружии, представляется, что названный выше «фундамент» будет являться неким системообразующим началом специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения, достаточным для разработки научно-методических основ изучения новых «оружейных» объектов и формирования соответствующего состава и уровня новых специальных знаний.

Специальные знания в области исследования оружия и следов его применения по своему составу разнообразны. Субъектами-носителями этих знаний, например, могут быть следователи; лица, осуществляющие дознание; прокуроры; оперативные работники; специалисты (эксперты) – сотрудники судебно-экспертных учреждений и иные лица, сведущие в области оружия (его изготовления, ремонта, применения, хранения, уничтожения, исследования, в том числе криминалистического, и т. п.), а также следов его применения (их обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и использования в уголовном судопроизводстве). Поэтому, учитывая сложившуюся практику использования специальных знаний в уголовном процессе и исходя из уровня владения ими различными участниками процесса, на наш взгляд, специальные знания могут быть разделены на две группы: специальные знания в широком и узком понимании. Иначе их можно условно назвать

специальными знаниями общего характера и узкопрофессионального.

Субъектами – носителями специальных знаний общего характера в процессе раскрытия и расследования преступлений выступают обычно следователи, дознаватели, прокуроры и оперативные работники. Теоретически не исключается, что субъектами – носителями специальных знаний может являться любой участник уголовного процесса: обвиняемый, потерпевший, свидетель и др. Однако доказательственное значение результатов применения в уголовном процессе специальных знаний, например, следователем и обвиняемым, будет иметь принципиально разное значение.

Субъекты – носители специальных знаний узкопрофессионального характера в области исследования оружия и следов его применения – это прежде всего вышеназванные специалисты (эксперты). Конечно, объем специальных знаний и уровень владения ими не у всех специалистов (экспертов) одинаков. Так, специалист (эксперт) – криминалист является субъектом – носителем специальных знаний как общего, так и узкопрофессионального характера, чего не скажешь, например, о таких узкопрофильных специалистах, как технолог оружейного производства, саперы и другие специалисты военного дела.

Специальные знания узкопрофессионального характера могут быть доступны, например, следователю, прокурору, оперативнику. Однако это не правило, а скорее редкое исключение из него. Более того, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством в случаях обязательного использования специальных знаний в судопроизводстве следователь, даже обладающий ими, не может их использовать, то есть совмещать функции следственного органа и специалиста в одном лице. Совмещение же функций следственного органа и эксперта вообще запрещено. Обладание специальными знаниями узкопрофессионального характера – это прерогатива специалистов (экспертов).

Учитывая, что оружие является специфическим объектом исследования и зачастую проходит в качестве вещественного доказательства по делам о тяжких преступлениях, следователи и оперативные работники на практике совершенно небезосновательно прибегают в большинстве случаев к помощи соответствующих специалистов, не полагаясь при этом лишь на свои специальные знания. Так, зачастую без проведения специалистом (экспертом) – криминалистом исследования либо криминалистической экспертизы обнаруженных или изъятых объектов, подозреваемых в принадлежности к оружию или боеприпасам, существенно затруднялась (а иногда и исключалась) не только возможность возбуждения уголовного дела по статьям 222, 223, 226 УК РФ, но и дальнейшая перспектива его расследования.

В целом, преступления, связанные с применением оружия, характеризуются широким использованием помощи специалистов. В процессе раскрытия и расследования этой категории преступлений чаще всего используются специальные знания сотрудников государственных судебно-экспертных учреждений: экспертно-криминалистических подразделений МВД России; лабораторий судебной экспертизы Минюста России; бюро судебно-медицинских экспертиз Минздрава России. Наиболее привлекаемыми специалистами названных судебно-экспертных учреждений являются эксперты-криминалисты, судебные медики (в том числе сотрудники медико-криминалистических лабораторий ЭКП МВД России), эксперты-взрывотехники (пожаротехники), эксперты по физико-химическому исследованию вещественных доказательств. Конечно, перечень специалистов, привлекаемых для раскрытия и расследования названной категории преступлений, гораздо шире. В него могут входить также сотрудники негосударственных экспертных учреждений, частные практикующие эксперты и иные сведущие лица. Обычно используются специальные знания узкопрофессионального характера сапе-

ров, взрывников, пиротехников, военных баллистов, специалистов в области проектирования, изготовления, ремонта и хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, ученых оружейников (в том числе сотрудников музеев, экспонирующих оружие), металлургов, специалистов в области топогеодезии, охотоведения, спортивной стрельбы и др.

Нами уже отмечалось, что в новом уголовно-процессуальном законодательстве России существенно повышена роль специальных знаний в судопроизводстве. Помимо расширения полномочий специалиста (ст. 58 УПК РФ), более четко регламентирована деятельность судебного эксперта³², повышено доказательственное значение результатов его деятельности. В частности, теперь доказательством по уголовному делу является не только заключение, но и показания эксперта (ст. 74 УПК РФ). Интересно отметить также, что по новому УПК РФ можно использовать помощь специалиста и при избрании такой меры процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество (ст. 115).

Согласно УПК РФ (ст. 168) «следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста». Прямое же указание в УПК РФ дается на участие специалиста лишь в следующих следственных действиях: осмотре трупа и эксгумации (ст. 178), освидетельствовании (ст. 179), личном обыске (ст. 184), осмотре и выемке почтово-телеграфных отправок (ст. 185), контроле и записи переговоров (ст. 186), допросе несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля (ст. 191), получении образцов для сравнительного исследования (ст. 202).

Однако это не означает, что следователь не может привлечь специалиста для участия в иных следственных дей-

³²См: Федеральный Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5.04.2001 г.; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый Государственной Думой 22.11.2001 г. (глава 27).

ствиях. Статьей 168 УПК РФ следователю такое право предоставлено. Поэтому представляется некорректным обращать внимание законодателя на «четкое указание... на право следователя вызывать специалиста во всех случаях необходимости применения специальных знаний»³³. На наш взгляд, не это должно «послужить достаточным сигналом к расширению практики участия специалистов в расследовании преступлений»³⁴, а стремление самих следователей к повышению своих специальных знаний и, как следствие, – их готовность к использованию достижений науки и техники в процессе раскрытия и расследования преступлений, особенно связанных с применением оружия. Например, по исследованиям В. П. Зезьянова, больше половины опрошенных специалистов, участвовавших в следственных действиях, указывают на слабые специальные знания следователей³⁵. Аналогичного мнения придерживается и В. Н. Махов. В частности, он отмечает: «Следователь, как правило, использует ограниченный круг знаний о сохранившихся следах преступления; закономерностях их образования, существования, изменений; о методах их обнаружения, полного и правильного использования в целях получения, а также проверки и оценки доказательственной информации»³⁶.

Практика показывает, что лица, осуществляющие предварительное расследование преступлений, связанных с применением оружия, далеко не всегда четко понимают реальные возможности и формы использования специалистов в этом процессе. Наряду с поручением специалисту выполнять действия, нередко не связанные с использова-

³³Снетков В. А. Указ. соч. С. 108.

³⁴Там же, с. 108.

³⁵Зезьянов В. П. Роль, место и значение специальных знаний в криминалистике. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1994. С. 12.

³⁶Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1993. С. 40.

нием им своих специальных знаний, а также назначением экспертиз в случаях, не требующих самостоятельного экспертного исследования, допускаются ряд других ошибок. В этой связи Ю. Т. Шуматов справедливо указывает на то, что «пределы и формы использования специалиста еще окончательно не определены»³⁷. Особенно негативное влияние на практическую деятельность специалиста и, как следствие, на качество всего процесса раскрытия и расследования преступлений, оказывают спорность вопросов о процессуальном значении некоторых действий специалиста и их неурегулированность в соответствующих статьях нового УПК РФ.

Теории и практике криминалистического и судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения в настоящее время известно несколько форм реализации специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений. Они различаются, прежде всего, по процессуальному (доказательственному) значению результатов их использования в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. По этому признаку выделяют две формы использования специальных знаний в процессе раскрытия и расследования преступлений: процессуальную и непроцессуальную.

В соответствии с новым уголовно-процессуальным законодательством можно выделить такие процессуальные формы использования специальных знаний, как:

- применение в процессе следственных действий следователем, лицом, проводящим дознание, прокурором следственных специальных знаний;
- участие специалистов в производстве следственных действий и применении мер процессуального принуждения (наложения ареста на имущество – ст. 115 УПК РФ);

³⁷Шуматов Ю. Т. Использование специальных познаний на предварительном следствии. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1996. С. 73.

– привлечение сведущих лиц для производства экспертиз;

– участие эксперта в допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК РФ (ст. 80 УПК РФ).

Из числа названных процессуальных форм использования специальных знаний прежде всего следует выделить те, которые согласно новому УПК РФ (ст. 146) могут быть реализованы до возбуждения уголовного дела, то есть при производстве осмотра места происшествия, освидетельствования, а также при назначении судебной экспертизы. Думается, что с введением в новый УПК РФ статьи 146 облегчится и ускорится процесс выявления фактов, указывающих на признаки преступления и существенные для дела обстоятельства, закрепления следов преступления, установления лиц, его совершивших. Так, до принятия нового уголовно-процессуального кодекса, полученные оперативным путем единичные боеприпасы и взрывные устройства в целях признания их таковыми подвергались специалистом исследованию с составлением справки, не имевшей доказательственного значения. При этом методика исследования объектов на принадлежность их к боеприпасам и взрывным устройствам обязательно предполагает применение разрушающих методов. В итоге получалось, что после исследования специалистом этих объектов они уничтожались и в последующем уже не подлежали экспертному исследованию, а справка специалиста, получаемая по результатам исследования, не имела доказательственного значения. Зачастую это приводило к отказу в возбуждении уголовного дела по статьям 222, 223, 226 УПК РФ. Кроме того, происходила утрата возможных вещественных доказательств, роль которых в процессе доказывания трудно переоценить.

Трудность возникала также и в случаях установления наличия на определенных объектах (включая лиц, стрелявших из огнестрельного, газового оружия либо совершивших определенные действия со взрывчатыми веществами и взрывными устройствами) продуктов выстрела и взрыва, которые со временем утрачиваются либо подвергаются необратимым изменениям. В этой связи А. В. Корякин писал: «В этих случаях незамедлительность исследования – эффективный способ извлечения заключенной в них доказательственной информации, а справка по его результатам – основной носитель сведений об имевшем место факте и данных, которые могут указывать на признаки преступления, способ и условия его совершения, виновных лиц, объем причиненного ущерба и т. п. Однако очевидно, что такая справка, подтверждая или опровергая предположение оперативного работника, не служит эквивалентом утраченных объектов»³⁸.

С получением возможности назначать судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела ситуация несколько изменилась. Сейчас следователь в указанных и подобных им случаях вправе быстро и эффективно в процессуальном порядке использовать специальные знания по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего.

Последнее очень важно при раскрытии и расследовании террористических актов по «горячим» следам, особенно в условиях проведения антитеррористической операции в Чеченской Республике. В частности, может существенно облегчиться проблема установления лиц, скрывшихся с места применения оружия (огнестрельного, минно-взрывного, зажигательного). Тем более что

³⁸Корякин А. В. Некоторые вопросы доказательственного значения результатов специальных исследований // Проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Матер. междунар. научн.-практ. конф. 24–26 мая 1995 года. Ч. 3. – Иркутск, 1995. С. 96.

сейчас разработаны несложные, доступные не только специалистам, но и сотрудникам милиции общественной безопасности экспресс методы выявления следов продуктов выстрела на теле и одежде стрелявшего³⁹.

Помощь специалистов может понадобиться на любой стадии расследования преступлений, связанных с использованием оружия, в процессе любого следственного действия. Однако практика расследования этой категории преступлений показывает, что чаще всего специальные знания специалистов используются при проведении таких следственных действий, как осмотр места происшествия, освидетельствование, обыск, выемка, получение образцов для сравнительного исследования, следственный эксперимент. Для этих целей обычно привлекаются специалисты-криминалисты, судебные медики, специалисты-взрывотехники, саперы, пиротехники.

Особенно ценна помощь специалиста-криминалиста, привлекаемого для участия в осмотре места происшествия, связанного с использованием оружия⁴⁰. Здесь он может помочь следователю выполнить следующую работу:

– зафиксировать обстановку места происшествия, а также обнаружить оружие, следы его применения и зафиксировать различными способами их состояние и характеристики;

³⁹См.: Стаценко В. Г. Правовые и технико-криминалистические основы выявления следов выстрела на стрелявшем и их использование в процессе розыска. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001.

⁴⁰См., например, Плескачевский В. М. Осмотр места происшествия по делам, связанным с применением огнестрельного оружия. Учеб.-метод. пособие. – М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1992; Чулков И. А. Участие специалиста-криминалиста в осмотре места происшествия, связанного с применением огнестрельного оружия. Лекция. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1994; Ищенко П. П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. – М.: «Берегивя», 1994. С. 112–152; Контемиров В. Т., Ручкин В. А., Шапочкин В. И. и др. Особенности осмотра места происшествия, связанного со взрывами и обнаружением взрывных устройств. Практ. пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2000.

– провести предварительное исследование оружия и следов его применения с целью установления обстоятельств применения оружия (характера повреждений на объекте; вида и модели применявшегося оружия; направления, дистанции, количества и очередности выстрелов, взаиморасположение стрелявшего либо наносившего удар и потерпевшего; очага взрыва и т. п.);

– уяснения причинной связи между обнаруженными на месте происшествия следами применения оружия и происшедшим событием; определения механизма образования следов применения оружия и их пригодности для идентификации; построения версий и др.;

– изъять и упаковать оружие и следы его применения, а также отобрать из их числа объекты для предстоящей экспертизы;

– выявить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Значительную часть преступлений, связанных с использованием оружия, составляют убийства с применением огнестрельного оружия. Очень важно, чтобы в осмотрах мест происшествий по такой категории преступлений наряду с судебным медиком принимал участие специалист-криминалист, специализирующийся в области судебной баллистики (специалист-баллист). На практике, ввиду недостаточности названных специалистов и их сконцентрированности в основном в ЭКП МВД, ГУВД, УВД субъектов России (республиканское, областное, краевое звено), они не в состоянии обеспечить выезды на места происшествий по всем преступлениям, связанным с применением огнестрельного оружия. Очевидно, здесь приоритет нужно отдавать осмотрам мест происшествий по делам об убийствах с применением огнестрельного оружия и, прежде всего, неочевидным.

В этом плане заслуживает внимания позиция тех руководителей экспертных подразделений, которые в целях эффективного проведения осмотра по убийствам

с применением оружия практикуют включение в состав следственно-оперативной группы двух специалистов: специалиста-баллиста и техника-криминалиста, где деятельность последнего будет направлена на собирание иных материальных следов.

Правильная, своевременная и грамотная организация участия специалистов (в области исследования оружия и следов его применения) в осмотрах мест происшествий, особенно по делам о тяжких преступлениях, – залог их быстрого и полного раскрытия и расследования.

Решение о приглашении того или иного специалиста, как правило, принимает следователь, за исключением случаев, оговоренных в законе.

Так, судебный медик независимо от усмотрения следователя обязательно привлекается для осмотра трупа, в частности, убитого с применением оружия (ст. 178 УПК РФ). По закону следователь может также по своему усмотрению пригласить для участия в следственном действии специалиста, но только определенной профессии, например, врача для освидетельствования подозреваемого в применении оружия (ст. 179 УПК РФ).

В этой связи А. А. Закатов и Ю. Н. Оропай совершенно справедливо различают три разновидности участия специалиста в производстве следственных действий:

- а) обязательное участие конкретного специалиста;
- б) участие, по усмотрению следователя, специалиста названной в законе профессии;
- в) участие специалиста любой профессии по усмотрению следователя⁴¹.

Проблемы участия специалистов в следственных действиях в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе проанализированы достаточно подробно. Вместе с тем, на наш взгляд, требует более пристального внимания

⁴¹Закатов А. А., Оропай Ю. Н. Указ. соч. С. 8.

проблема использования помощи специалиста в области исследования оружия и следов его применения при производстве допроса, особенно по делам, связанным с применением самодельных взрывных устройств. В этих случаях в качестве специалиста рекомендуется приглашать взрывотехника. Помощь же сапера здесь малоэффективна, так как он обучен работе лишь со штатными образцами минно-взрывного оружия. Основная цель участия взрывотехника в допросе – получение от допрашиваемого максимума информации о взорванном устройстве для последующего установления его типовой и видовой принадлежности, а также конструктивных особенностей, указывающих на изготовителя⁴². Ценность этих сведений объясняется тем, что при осмотре места происшествия обнаруженные самодельные взрывные устройства обычно не изымаются, а подлежат уничтожению. В этом плане существенное значение имеет участие взрывотехника и в подготовительном этапе допроса (консультирование следователя по конкретизации обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе допроса, грамотному формулированию вопросов и т. п.), и в процессе его проведения, когда с разрешения следователя он может задавать допрашиваемому вопросы, помогающие полнее описать применявшееся взрывное устройство.

При раскрытии и расследовании преступлений, связанных с применением оружия, в процессе проведения одного следственного действия зачастую используется помощь группы специалистов. Чаще всего участие нескольких специалистов наблюдается при осмотре места происшествия по делам об убийствах с применением хо-

⁴²Шапочкин В. И., Ручкин В. А., Субботина М. В., Мокринский О. А. Особенности производства отдельных следственных действий по делам, связанным с использованием боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всерос. «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. материалов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 318–322.

лодного, метательного, огнестрельного, газового и подобного им оружия (специалист-криминалист, судебный медик), боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ, то есть минно-взрывного оружия (специалист-криминалист, судебный медик, взрывотехник, сапер). Если же названные преступления сопровождались пожаром (что нередко для практики их расследования), то в дополнение к уже названным специалистам в состав следственно-оперативной группы включается также специалист-пожаротехник или пиротехник. В подобных случаях и, особенно, при обнаружении на месте взрыва нераззорвавшихся взрывных устройств или криминальных взрывах, сопровождавшихся большими разрушениями и пожарами, в состав следственно-оперативной группы, выезжающей на место происшествия, может входить четыре и более специалистов. Их помощь нужна для того, чтобы следователь мог получить от каждого участвующего специалиста необходимые сведения, согласовать и «увязать» их и составить всестороннее целостное представление о происшедшем событии. Естественно, на первый план здесь выступает проблема организации и тактики участия группы разнопрофильных специалистов в одном следственном действии, не получившая в настоящее время ни законодательного разрешения, ни должного освещения в криминалистической и уголовно-процессуальной литературе.

Исследование названной проблемы показало ее большую актуальность в современных условиях борьбы с терроризмом, сложность и неоднозначность возможных путей решения, а также необходимость законодательного урегулирования этой проблемы⁴³. Покажем это на конкретном

⁴³См.: Игнашин В. И. Техничко-криминалистическое обеспечение и особенности взаимодействия участников следственно-оперативной группы при поиске, локализации и обезвреживании взрывных устройств на месте происшествия. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001.

примере. Известно, что работа следственно-оперативной группы на месте происшествия в условиях реальной опасности взрыва вносит существенные поправки в характер проводимых мероприятий, отчего организация деятельности следственно-оперативной группы становится многоступенчатой. На каждом ее этапе обозначается лидирующая роль то одного, то другого специалиста, входящего в состав группы. Это лидерство обуславливается функциональными обязанностями специалиста на конкретном этапе его работы. Главное здесь, чтобы приоритетность функций одних специалистов над другими не была антагонистической и не противоречила общему замыслу следственного действия. Понятно, что эта задача может быть успешно решена только в условиях четкого взаимодействия не только участвующих в следственном действии специалистов, но и всех членов следственно-оперативной группы, четкого понимания решаемых ими задач. Эффективность расследования подобных преступлений во многом зависит от «совершенства тех процессуальных норм и тактико-криминалистических рекомендаций, которые регулируют процесс взаимодействия следователей и специалистов в ходе предварительного расследования»⁴⁴. Пока же на практике, как справедливо отмечал В. В. Циркаль, «обычно та или иная форма взаимодействия специалистов возникает стихийно, что неизбежно увеличивает процент неправильных решений»⁴⁵.

На наш взгляд, в целях оптимизации форм использования специальных знаний в процессе расследования преступлений, особенно убийств, сопряженных с применением

⁴⁴Гусев А. В. Некоторые проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 114.

⁴⁵Циркаль В. В. Участие группы специалистов в следственных действиях // Криминалистика и судебная экспертиза. Республ. межведом. науч.-метод. сборник. Вып. 19. – Киев, 1979. С. 62.

оружия, в Уголовно-процессуальный кодекс целесообразно ввести статью «Одновременное участие нескольких специалистов в следственном действии», в которой необходимо изложить основы разграничения функций, с одной стороны, следователя и специалистов, с другой, – между специалистами. «Это бы позволило следователям, – указывает А. В. Гусев, – правильно планировать свою работу, а также работу специалистов, принимающих участие в следственном действии»⁴⁶.

Завершая рассмотрение проблемы участия специалистов в следственных действиях, хотелось бы обратить внимание еще на один ее аспект. В новом УПК РФ, как уже отмечалось ранее, показания эксперта рассматриваются в качестве доказательства (ст. 74). Но не понятной для нас причине показаниям специалиста, участвовавшего в следственном действии, в такой «привилегии» законодателем отказано, хотя мнения о необходимости положительного решения данной проблемы высказались и ранее⁴⁷.

Представляется целесообразным дополнить УПК РФ еще одной статьей – «Допрос специалиста, участвовавшего в процессуальном действии», а показания специалиста рассматривать в качестве доказательства. Учитывая, что в следственных действиях по делам о преступлениях, связанных с применением оружия, очень часто используется помощь специалиста, сформулированное нами предложение позволило бы существенно расширить доказательственную базу по данной категории дел,

⁴⁶Гусев А. В. Указ. соч. С. 114.

⁴⁷См., например, Чулков И. А. Участие специалиста в осмотре места происшествия по делам о преступлениях, совершенных с использованием огнестрельного оружия // Совершенствование криминалистических и оперативно-розыскных средств и методов в борьбе с преступлениями. Сб. материалов 4 Межвузов. науч.-практ. конф. адъюнктов и соискателей. – М., 1984. С. 62–65; Махов В. Участие специалиста в расследовании преступлений // Соц. Законность, 1969. № 5. С. 27; Гончаренко В. И. Научно-технические средства в следственной практике. – Киев, 1984. С. 35.

способствуя тем самым их быстрому расследованию и изобличению виновных.

Наряду с помощью специалистов широко используется и помощь сведущих лиц (экспертов) при производстве экспертных исследований. Обычно это различные виды криминалистической экспертизы оружия и следов его применения или разного рода комплексные экспертные исследования (они являются предметом отдельного исследования последующих разделов нашей работы).

В процессе раскрытия и расследования преступлений, связанных с использованием оружия, активное применение находят и специальные знания следователей (дознавателей). Безусловно, «самостоятельное применение следователем специальных познаний вполне допустимо, если оно не противоречит закону, не вызывает уничтожения или изменения материальных следов преступления, вещественных доказательств, не связано с унижением человеческого достоинства и способствует достижению объективной истины по делу»⁴⁸. Здесь речь идет, прежде всего, о специальных знаниях общего характера. Такие знания следователи (дознаватели) получают в процессе образования и последующей профессиональной деятельности. Со временем объем этих знаний увеличивается. Д. П. Поташник и Т. В. Устьянцева даже отмечали тенденцию «все более глубокого овладения следователями и судьями специальными познаниями в области криминалистической техники»⁴⁹.

Действительно, объективно происходит нарастание объема криминалистически значимой информации, в том числе и в области исследования оружия и следов его применения. Значительную ее часть составляют специальные знания общего характера. Конечно, познать их в полном объеме в процессе профессионального обучения будущие

⁴⁸Зуев Е. И. Указ. соч., 1975. С. 39.

⁴⁹Поташник Д. П., Устьянцева Т. В. Указ. соч. С. 161.

следователи не в состоянии. Речь должна идти об усвоении лишь оптимального, сбалансированного объема этих знаний, образно говоря, «фундамента», с которого можно начинать первоначальную профессиональную деятельность следователя и на котором в последующем в процессе активной практической деятельности и систематического повышения своей квалификации «разовьется» и будет «стоять» профессионал высокого класса. Это одна из актуальнейших и сложнейших задач современной криминалистики как учебной дисциплины, которая выходит за рамки нашего исследования.

Следует лишь заметить, что при всей многогранности, а также сложности и неоднозначности решения проблемы обучения следователей специальными знаниями, в том числе и в области криминалистического исследования оружия и следов его применения, их профессиональная подготовка в целом отвечает современным требованиям и не уступает уровню подготовки аналогичных специалистов в зарубежных странах⁵⁰.

Как известно, непосредственное применение следователем своих специальных знаний не требует процессуальной регламентации. При производстве следственных действий следователь может реализовать их в различных формах. Практика показывает, что обычно он использует свои профессиональные знания в области исследования оружия и следов его применения:

– для обнаружения, фиксации, изъятия и упаковки вещественных доказательств, связанных с применением оружия;

- осмотра и предварительного исследования вещественных доказательств и выдвижения следственных версий;
- подготовки и назначения судебной экспертизы;
- применения несложных технических средств в исследовании материалов уголовного дела.

Названные специальные знания являются составной частью знаний следователя в области криминалистической техники. Последние он использует для работы с широким спектром самых разных следов и вещественных доказательств, а также фиксации хода и результатов следственных действий. При этом чем шире он владеет знаниями в криминалистической технике, тем качественнее может выполнять работу и с «оружейными» объектами.

Анализ следственной практики показывает, что следователь обычно использует свои специальные знания и обходится без помощи специалиста в случаях, когда имеет дело с достаточно известными и распространенными образцами холодного, метательного, пневматического, газового, огнестрельного оружия и при этом для работы с ними и следами их применения не требуется сложных технико-криминалистических средств и приемов. В случаях же расследования преступлений, связанных с использованием взрывных устройств, взрывчатых веществ, а также достаточно редких образцов оружия, следователь вынужден обращаться за помощью специалиста.

Предварительное исследование вещественных доказательств, связанных с использованием оружия, следователь вправе проводить сам, если для этого у него имеются необходимые специальные знания. Как известно, его результаты доказательственного значения не имеют, однако они дают следователю возможность выдвигать определенные версии и планировать соответствующие следственные действия.

При подготовке и назначении судебной экспертизы (в основном криминалистической) в отношении «оружейных» объектов следователи нередко обходятся собствен-

⁵⁰См., например, Белкин Р. С. Указ. соч., 1997. Т. 3. С. 435–465; Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000 (раздел I «Концепции юридического образования на современном этапе, проблемы преподавания криминалистики», с. 5–71) и др.

ными специальными знаниями. Трудности они испытывают, в основном, в получении образцов для сравнительного исследования и формулировании вопросов эксперту.

И все же практика расследования преступлений, связанных с использованием оружия, свидетельствует, что многие следователи при производстве следственных действий вынуждены очень часто обращаться за помощью соответствующих специалистов как носителей специальных знаний узкопрофессионального характера. Необходимость привлечения специалистов объясняется здесь следующими обстоятельствами:

1) отсутствием у следователя необходимых специальных знаний для проведения предварительных исследований обнаруженных либо изъятых объектов, прежде всего, в целях установления их относимости к тому или иному виду оружия;

2) появлением новых, еще не известных следователю приемов и научно-технических средств по работе с «оружейными» объектами;

3) недостаточным овладением следователем быстро развивающимися и совершенствующимися в современных условиях технико-криминалистическими средствами и методами работы с различными видами оружия и следами их применения;

4) необходимостью экономии времени, когда применение технико-криминалистических средств и приемов при работе с оружием и следами его применения носит затяжной характер и отвлекает следователя от выполнения ряда других обязанностей;

5) необходимостью одновременного применения нескольких технико-криминалистических средств в процессе проведения следственного действия;

6) требованиями обеспечения безопасности участникам следственного действия при работе с определенными видами оружия, например, минно-взрывным;

7) стремлением при прочих равных условиях к более качественному выполнению работ с «оружейными» объектами специалистами, обладающими большим опытом, чем следователь;

8) наличием у следователя мотивированных соображений поручить выполнение тех или иных действий определенным специалистам в области исследования оружия и следов его применения;

9) необходимостью получения следователем квалифицированной помощи для грамотной постановки вопросов эксперту по исследованию «оружейных» объектов в отношении имеющихся по делу материалов;

10) необходимостью разъяснения следователю возникающих в процессе следственного действия вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста в области исследования оружия и следов его применения;

11) отсутствием либо недостаточным овладением следователем навыками применения некоторых технических средств в исследовании материалов уголовного дела.

Приведенный перечень обстоятельств не может быть исчерпывающим.

К непроцессуальным формам использования специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения при раскрытии и расследовании преступлений можно отнести:

– применение оперативным работником своих специальных знаний при проведении оперативно-розыскных мероприятий;

– применение следователем собственных специальных знаний в организационно-технической работе, не связанной с проведением следственных действий;

– использование следователем и оперативником своих специальных знаний в разработке профилактических рекомендаций;

– консультации специалиста;

– сообщение специалистом справочных сведений следователю и оперативнику;

– оказание специалистом организационно-технического содействия следователю и оперативному работнику в выполнении определенных работ, не связанных с производством следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях;

– проведение специальных исследований предметов и документов до возбуждения уголовного дела (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» от 13.03.1992 г.);

– обучение специалистом следователей и оперативников современным приемам и методам исследования оружия и следов его применения, работе с новыми научно-техническими средствами, а также их внедрение специалистом в следственную и оперативно-розыскную деятельность;

– участие специалиста в разработке профилактических предложений.

Е. И. Зуев выделяет также такой вид непроцессуальной помощи, как участие специалиста в подготовке назначения экспертизы⁵¹. Однако при ближайшем рассмотрении этого вида помощи оказывается, что его суть сводится лишь к консультативной деятельности специалиста. Логичнее рассматривать вопросы оказания помощи следователю при подготовке назначения экспертизы как одно из направлений консультативной деятельности специалиста, являющейся непроцессуальной формой использования его специальных знаний.

Данные, полученные в результате непроцессуальных форм использования специальных знаний, не имеют доказательственного значения. Однако это не означает, что

названные формы использования специальных знаний не нужны в процессе раскрытия и расследования преступлений. Практика свидетельствует об обратном. Они способствуют «квалифицированному расследованию преступлений, в частности, правильному выбору и использованию технических средств и тактических приемов по собиранию, исследованию и оценке доказательств, построению следственных версий, выявлению и анализу обстоятельств, облегчавших совершение преступлений»⁵².

Из всех непроцессуальных форм использования специальных знаний прежде всего следует выделить консультации специалиста; сообщение специалистом справочных сведений следователю и оперативному работнику; обучение специалистом следователей и оперативников современным приемам и методам исследования оружия и следов его применения; работе с новыми научно-техническими средствами, а также их внедрение специалистом в следственную и оперативно-розыскную деятельность.

Очевидно, самой распространенной непроцессуальной формой использования специальных знаний является консультативная деятельность специалиста. Т. В. Аверьянова совершенно справедливо пишет: «Именно при использовании доказательств весьма существенную помощь следователю (суду) может оказать справочно-консультативная деятельность. Этой области деятельности специалиста в литературе уделено явно недостаточное внимание. Между тем продуктивные формы такой деятельности многообразны: это содействие при формировании вопросов экспертиз и оценке сложных экспертных заключений, при формировании базы выдвигаемых версий и выведении следствий из них, определении момента предъявления допрашиваемому изобличающих доказательств и т. п.»⁵³.

⁵¹Зуев Е. И. Указ. соч., 1975, с. 12.

⁵²Зуев Е. И. Указ. соч., 1975, с. 4.

⁵³Аверьянова Т. В. Указ. соч., с. 30.

На наш взгляд, непроцессуальная деятельность (в том числе и справочно-консультативная) может осуществляться различными специалистами. В этой связи представляется неверным утверждение В. Д. Кормы о том, что «если процессуальную форму помощи могут выполнять любые специалисты, то непроцессуальную – только специалисты-криминалисты, деятельность которых закреплена в подзаконных ведомственных актах – приказах, инструкциях, наставлениях и пр. и имеет преимущественно розыскную направленность»⁵⁴.

За консультацией следователь и оперативник, безусловно, могут обратиться к любому специалисту. Как показывает практика, в процессе раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением оружия, чаще всего обращаются к сотрудникам государственных судебно-экспертных учреждений (экспертам-криминалистам, техникам-криминалистам, экспертам-взрывотехникам, судебным медикам), а также сведущим лицам, не состоящим в штате названных учреждений (саперам, пиротехникам, специалистам в области проектирования, изготовления, ремонта и хранения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ). Конечно, наиболее широкими и универсальными специальными знаниями обладают эксперты-криминалисты⁵⁵, особенно специализирующиеся в области исследования оружия и следов его применения (например, эксперты-баллисты и эксперты по исследованию холодного и метательного оружия). В ряде случаев дефицит экспертов-

⁵⁴Корма В. Д. Процессуальные и криминалистические вопросы участия специалиста-криминалиста в собирании следов по делам об убийствах, совершенных с применением огнестрельного оружия // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (28–29 февраля). – Тула: ТулГУ, 2000. С. 200.

⁵⁵Подробнее об этом см.: Астапкина С. М., Дубровицкая Л. П., Плесовских Ю. Г. Участие специалиста-криминалиста в расследовании преступлений. Учеб. пособие. – М.: УМЦ при ГУК МВД России, 1992.

криминалистов названной специализации вынуждает следователей и оперативников обращаться за консультацией к иным специалистам, которые не всегда способны оказать действенную помощь. В этой связи П. П. Ищенко пишет: «Анализ лиц, привлекаемых для оказания консультативной помощи, показывает, что ими, как правило, пытаются заменить недостающих специалистов-«криминалистов». Все они способны оказать только консультативную либо техническую помощь по простейшей фиксации, выполненной на любительском уровне»⁵⁶. И в целях ослабления остроты нехватки специалистов им предлагается, на наш взгляд, половинчатое решение проблемы – создание института нештатных специалистов⁵⁷. Представляется, что полное решение этой проблемы все же заключается в концентрации усилий по радикальному улучшению системы подготовки экспертов-криминалистов⁵⁸.

Перечень вопросов, по которым возможны консультации, практически не ограничен. Обычно консультации проводятся в целях:

- ознакомления следователей и оперативников с современными возможностями исследования оружия и следов его применения;
- выявления перспектив использования в доказывании комплекса признаков, которыми характеризуются обнаруженные либо изъятые образцы оружия, а также следы их применения;
- разъяснения способов хранения изъятого оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и следов их применения;
- определения перечня технико-криминалистических средств и конкретных специалистов, которые могут

⁵⁶Ищенко П. П. Указ. соч. С. 20.

⁵⁷Там же, с. 20–21.

⁵⁸Этот вопрос детально рассматривается нами в заключительной главе предлагаемой работы.

потребоваться для работы с «оружейными» объектами в процессе проведения предстоящих оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий;

- ознакомления следователя и оперативника с методическими и тактическими особенностями применения конкретных технико-криминалистических средств и приемов в процессе предстоящей работы с «оружейными» объектами;

- разъяснения особенностей проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, в процессе которых будут совершаться определенные действия с оружием (например, особенности проведения следственного эксперимента для установления возможности слышать звук выстрела в определенных условиях);

- оказания помощи в выдвижении версий исходя из наличия определенных образцов оружия или обстоятельств его применения;

- изложения правил и техники оперативного получения материалов для сравнительного исследования в конкретных ситуациях;

- содействия в подготовке назначения экспертизы, а также объективной оценке экспертного заключения.

Отдельного рассмотрения заслуживает последнее направление консультативной помощи специалиста.

Известно, что следователь назначает экспертизу, когда для решения возникшего по делу вопроса требуются специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла. Однако и для самого принятия решения о целесообразности назначения экспертизы и выполнения соответствующих подготовительных мер для ее последующего успешного проведения, как правило, тоже требуются специальные знания, которыми сам следователь не располагает. В подобных случаях он вынужден обращаться за консультацией к специалисту – эксперту-криминалисту, специализирующемуся в области криминалистической

экспертизы оружия и следов его применения, эксперту-взрывотехнику, пиротехнику и др. Такие консультации обычно требуются следователю для уяснения:

- необходимости назначения экспертизы (как правило, криминалистической);

- времени и места проведения экспертизы, иногда с указанием конкретного сведущего лица (эксперта);

- вида экспертизы и круга вопросов, которые необходимо поставить на разрешение эксперта, а также правильности их формулирования;

- перечня объектов, подлежащих направлению на экспертизу, и достаточности имеющихся у него материалов для успешного проведения экспертного исследования;

- объема сведений из материалов уголовного дела, относящихся к предмету экспертизы и необходимых для квалифицированного проведения исследования;

- мер предосторожности, которые необходимо предпринять в отношении оружия и следов его применения до назначения экспертизы и в процессе транспортировки в судебно-экспертное учреждение для проведения экспертного исследования;

- возможных путей и порядка получения недостающих образцов для сравнительного исследования (например, пуль и гильз со следами проверяемого огнестрельного оружия; проб грунта с мест взрыва и т. п.);

- круга дополнительных вопросов эксперту и перечня дополнительных объектов, направляемых на экспертизу (обычно в случаях назначения дополнительной и повторной экспертиз);

- целесообразности назначения комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения, а также перечня сведущих лиц (экспертов), компетентных проводить такое исследование;

- тактики действий в отношении заявленных участниками процесса (подозреваемым, обвиняемым, их защит-

ником и др.) ходатайств о назначении судебной экспертизы оружия и следов его применения (в том числе дополнительной и повторной).

Специфичность объектов будущей экспертизы и, прежде всего, требования повышенной безопасности к оружию, боеприпасам и их составным компонентам, предполагают обязательную консультативную помощь специалиста при подготовке назначения экспертизы. Такого правила придерживается и экспертно-криминалистическая практика.

Оценка обоснованности и достоверности содержащихся в заключении выводов и, особенно, научной состоятельности и правильности выбранной экспертом методики исследования оружия и следов его применения также зачастую вызывает у следователя затруднения. И здесь тоже как нельзя кстати окажется консультативная помощь специалиста. Сообщенная им информация облегчает следователю оценку экспертного заключения, а в случае установления недостоверности выводов эксперта помогает выбрать новых экспертов, которым может быть поручена экспертиза.

Одним из эффективных путей облегчения оценки следователем заключений эксперта является стандартизация (сертификация) методик экспертного исследования оружия и следов его применения.

В настоящее время такая стандартизация (сертификация) проведена лишь в отношении экспертных методик установления принадлежности объектов к холодному, метательному и огнестрельному оружию⁵⁹. Представляется, что в перспективе должны пройти соответствующую

⁵⁹См.: Государственный стандарт РФ (ГОСТ Р 51215-98) «Оружие холодное. Термины и определение». – М., 1998; Сборник информационных листов холодного (метательного) оружия и предметов хозяйственно-бытового назначения, сходных с ним, прошедших сертификационные криминалистические испытания в 1994–1999 гг. – М., 1999; Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.

стандартизацию (сертификацию) и остальные методики экспертного исследования оружия и следов его применения⁶⁰.

Безусловно, и при наличии подобных методик экспертного исследования следователь в отдельных случаях будет вынужден обращаться за консультационной помощью к специалисту.

Консультации особенно ценны для следователя и оперативника, когда в проводившихся оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях, где требовались специальные знания в области исследования оружия и следов его применения, не принимал участия специалист. Так, у следователей в подобных случаях зачастую возникают вопросы о перспективах дальнейшего использования в доказывании изъятого оружия и следов его применения.

Инициатором оказания консультативной помощи, как правило, является следователь или оперативник. Однако такая инициатива может исходить и от специалиста, ранее принимавшего участие в оперативно-розыскном мероприятии или следственном действии, в ходе которых он проводил определенную работу с «оружейными» объектами.

Эффективному раскрытию и расследованию преступлений, связанных с применением оружия, в значительной степени способствует такая непроцессуальная форма использования специальных знаний, как сообщение специалистом справочных сведений следователю и оперативнику. Названная справочная деятельность в основном осуществляется сотрудниками экспертно-криминалистических и иных подразделений МВД России, одной из функций которых является ведение различных учетов и коллекций оружия и следов его применения. В частности, в настоящее время

⁶⁰См., например, Карлин И. П. Методика исследования холодного оружия // Теория и практика криминалистического оружиеведения. Матер. науч.-практ. конф. 21 апреля 1998 года. – СПб, 1998. С. 3–5.

мя на федеральном и местном уровнях ведутся следующие учеты и коллекции оружия, а также следов его применения:

- централизованный криминалистический учет похищенных и изъятых документов и номерных вещей, в том числе холодного, метательного и пневматического оружия (ГИЦ МВД России);

- централизованный розыскной учет утраченного и выявленного огнестрельного оружия и другого вооружения – АИПС «Оружие» (ГИЦ МВД России);

- федеральная коллекция пуль, гильз и патронов со следами оружия, изъятых с мест преступлений, и утраченного (похищенного) оружия (федеральная пулегильзотека, которая ведется ЭКЦ МВД России);

- местные коллекции пуль, гильз и патронов со следами оружия, изъятых с мест преступлений, и утраченного (похищенного) оружия (местные пулегильзотеки, которые ведутся экспертно-криминалистическими подразделениями МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВДТ, УВД (ОВД) УРО МВД России).

Кроме того, в ИЦ МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации в обязательном порядке помещаются сведения об огнестрельном оружии (утраченном и выявленном), а также находящемся у граждан и организаций по разрешению органов внутренних дел.

Централизованному учету утраченного и выявленного огнестрельного оружия и другого вооружения подлежат оружие, имеющее индивидуальный номер, а также утраченное (утерянное, похищенное) и выявленное (изъятое, найденное, добровольно сданное) вооружение следующих видов: боевое ручное стрелковое, служебное, гражданское (охотничье и спортивное) нарезное и гладкоствольное огнестрельное оружие всех моделей, газовое оружие; гранатометы и огнеметы; ствольные и реактивные артиллерийские системы; боеприпасы и взрывные устройства, имеющие индивидуальный номер; специаль-

ные приспособления, например, нож разведчика стреляющий (НРС-2) и т. п.

Федеральные и местные пулегильзотеки ведутся в целях установления фактов использования изъятого, найденного и добровольно сданного нарезного огнестрельного оружия, а также самодельно изготовленного, переделанного или приспособленного под патроны для нарезного оружия при совершении преступлений на территории России.

Дополнительно к названным учетам и коллекциям экспертно-криминалистическими подразделениями на местах могут создаваться и иные коллекции, например, коллекции самодельного огнестрельного оружия для установления единого источника его происхождения.

В связи с увеличивающимся числом преступлений с использованием взрывных устройств весьма актуальной стала проблема создания новых автоматизированных информационно-поисковых систем самодельных взрывных устройств (СВУ), не имеющих индивидуального номера. Так, при расследовании указанной категории преступлений для оперативно-следственных аппаратов крайне необходима справочная информация, позволяющая выявить единый источник происхождения самодельных взрывных устройств и их элементов, обнаруженных либо изъятых у различных лиц. Существенный интерес для следователей и оперативников представляет также установление профессиональных навыков и оборудования (инструментов), использовавшихся лицом – изготовителем самодельного взрывного устройства.

Исходя из анализа современной следственной и экспертной практики представляется целесообразной разработка специальной автоматизированной информационно-поисковой системы (АИПС) самодельных взрывных устройств, содержащей справочный материал, позволяющий устанавливать общую групповую принадлежность представляемых на экспертное исследование объектов

(то есть элементов конструкции самодельных взрывных устройств), источник их происхождения, профессиональные навыки изготовителя и др.⁶¹

Анализ экспертной практики показал, что целесообразно было бы включить в названную АИПС разделы, содержащие справочные сведения о номенклатуре изделий, их основных характеристиках и областях применения: химических источниках тока; материалах и изделиях кабельной промышленности, компонентах и элементах радиоаппаратуры; часовых механизмах и их элементах; металлах и сплавах; изделиях промышленного изготовления, наиболее часто используемых при изготовлении СВУ (корпуса баллонов огнетушителей, автосифонов и т. п.); липких лентах⁶².

Учитывая, что при снаряжении СВУ зачастую используются дымные и бездымные пороха, а также пиротехнические составы, в предлагаемую АИПС целесообразно включить и справочные сведения о них. Тем более что в разработанных в ЭКЦ МВД России АИПС «Заряд» и «ВВ» эти сведения отсутствуют.

Таким образом, предлагаемая АИПС должна отличаться от используемой сейчас во взрывотехнических подразделениях ЭКП МВД России АИПС «Взрыв» большей детализацией конструкций СВУ и их конструктивных элементов (включая исполнительные механизмы) с одновременным учетом производственных механизмов и профессиональных навыков, использовавшихся изготовителем СВУ.

Информационно-справочный характер сообщаемых специалистом сведений позволяет следователю и оперативнику осуществлять с их помощью проверку имеющихся

материалов и устанавливать факты, имеющие существенное значение в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с применением оружия. Эти сведения могут сообщаться специалистом в устном и письменном виде. Последние оформляются в виде справок. Хотя они и содержат сведения о доказательственных фактах, они не являются доказательствами в процессуальном смысле. «Такие сведения, – правильно отмечает Е. И. Зуев, – реализуются путем назначения по уголовному делу экспертизы либо используются в оперативной работе»⁶³.

В литературе уже высказывалось мнение о придании справке специалиста, ввиду наличия в ней сведений о доказательственных фактах, значения письменного доказательства⁶⁴. Мы разделяем эту позицию при условии обязательной проверки содержания справки уголовно-процессуальными средствами. Представляется, что в этом случае она, согласно новому УПК РФ, могла бы рассматриваться в качестве иного документа как одного из доказательств (ст. 74). Такое решение проблемы, на наш взгляд, расширило бы доказательственную базу по уголовным делам о преступлениях, связанных с применением оружия.

Справки могут выдаваться по просьбе следователя или оперативника и другими специалистами, не являющимися сотрудниками судебно-экспертных учреждений. В практике раскрытия и расследования преступлений, связанных с криминальными взрывами, зачастую приходится запрашивать интересующие следователя и оперативника справочные сведения от саперов, взрывников, пиротехников и специалистов в области проектирования, изготовления, ремонта и хранения боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ.

⁶¹См.: Шапочкин В. И., Ручкин В. А., Гераськин М. Ю. К вопросу о создании новых автоматизированных информационно-поисковых систем самодельных взрывных устройств во взрывотехнической экспертизе // Проблемы использования автоматизированных систем в экспертной практике. Сб. науч. тр. – Саратов: СЮИ МВД России, 2000. С. 76–77.

⁶²Там же, с. 76.

⁶³Зуев Е. И. Формы участия специалиста-криминалиста в оперативно-розыскных мероприятиях. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1973. С. 17.

⁶⁴См., например, Зуев Е. И. Указ. соч., 1975. С. 29 и др.

В целях улучшения организации справочной и иной помощи от названных специалистов представляется целесообразным иметь их списки в следственных и оперативных подразделениях. Такие списки обеспечат своевременное обращение за необходимой помощью (включая получение справочных сведений), что будет способствовать повышению эффективности раскрытия и расследования преступлений, связанных с криминальными взрывами.

В условиях быстрого развития и обновления научно-технических средств, совершенствования приемов и методов исследования доказательств возрастает значение методической и технической помощи, оказываемой специалистом следователю и оперативнику. В частности, по делам, связанным с применением оружия, возникает практическая необходимость в систематическом обучении следователей и оперативников современным приемам и методикам исследования оружия и следов его применения, работе с новыми, постоянно поступающими на вооружение экспертно-криминалистическими подразделениями технико-криминалистическими средствами, активном внедрении передового опыта работы специалистов в следственную и оперативно-розыскную деятельность. В принципе, обучение следователей и оперативников новым средствам, приемам и методикам работы с «оружейными» объектами специалист может осуществлять как в процессе проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, так и вне их рамок. Последнее представляется наиболее целесообразным и эффективно на занятиях в системе служебной подготовки следственных и оперативных работников и их индивидуальных стажировок, а также систематически проводимых научно-практических семинарах с привлечением опытных сотрудников экспертно-криминалистических подразделений (экспертов-криминалистов, экспертов-взрывников, экспертов по физико-химическому исследованию вещественных доказательств). В программу

такого обучения целесообразно включать следующие вопросы:

- методика использования поисковых приборов, технических приемов и экспресс-методов обнаружения и фиксации оружия и следов его применения: стреляных гильз, снарядов (пуль, дроби, картечи), пыжей, прокладок, осколков боеприпасов и ВУ, не прореагировавших частиц ВВ, продуктов взрыва, пораженных преград со следами ножевых, осколочных, термических, огнестрельных и других повреждений, следов и продуктов выстрела на частях оружия, стрелявшем и окружающей обстановке и т. п.;
- технико-криминалистические средства и приемы предварительного исследования и осмотра вещественных доказательств, связанных с применением оружия;
- технология изъятия, упаковки и транспортировки оружия и следов его применения;
- способы хранения (в том числе консервации) «оружейных» объектов, по которым предполагается назначение экспертизы;
- методика получения образцов для сравнительного исследования при назначении криминалистической экспертизы оружия и следов его применения;
- современные возможности криминалистического и судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения и др.

Перечисленные вопросы могут также освещаться в различных изданиях, например, специальных обзорах, бюллетенях, специально предназначенных для следственных и оперативных работников.

В заключение следует отметить, что на практике наибольший эффект достигается в том случае, когда непроцессуальные формы использования специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения реализуются в совокупности, в их разумном сочетании, взаимодополняя друг друга.

§ 2. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения как важнейшая процессуальная форма использования специальных знаний

Одной из важнейших процессуальных форм использования специальных знаний при раскрытии и расследовании преступлений является судебная экспертиза. Ее субъектом Т. В. Аверьянова рассматривает только судебного эксперта исходя из того, что «субъектом всякого, в том числе и экспертного, исследования выступает только непосредственный исполнитель, осуществляющий это исследование»⁶⁵.

Оружие и следы его применения могут быть объектом изучения судебного эксперта и соответственно подвергаться различным судебно-экспертным исследованиям. В системе этих исследований важнейшее место отводится криминалистической экспертизе оружия и следов его применения.

Как и всякая судебная экспертиза, она базируется на определенных теоретических основах и, прежде всего, положениях учения об оружии и следах его применения как структурного элемента общей теории судебной экспертизы. Происходящий в последние годы процесс формирования названного учения, естественно, не мог не привести к трансформации взглядов на криминалистическую экспертизу оружия и следов его применения, ее предмет, объекты, структуру и место в системе судебных экспертиз. В настоящее время на повестку дня встал вопрос переосмысления ряда еще вчера казавшихся неизменными положений и разработки концепции криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, отвечающей современному уровню развития теории и практики судебной экспертизы.

Начало активному процессу переосмысления отдельных теоретических положений и чисто практических во-

⁶⁵Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 37.

просов криминалистической экспертизы положил Федеральный закон РФ «Об оружии», впервые принятый в мае 1993 года и предложивший собирательное понятие оружия. В этой связи А. Е. Михальчук справедливо отметил: «Данный нормативный акт закономерно предполагает своеобразную "ревизию" ряда теоретических положений проблематики криминалистического исследования оружия (во всем его многообразии), а также практических методик криминалистической экспертизы оружия. В частности, следует констатировать, что Законом по сути создана нормативная база для выделения **единого, комплексного судебно-экспертного исследования оружия** (выделено мной. – В. Р.)»⁶⁶. По его мнению, криминалистическая экспертиза оружия должна представлять собой комплекс сложных и разносторонних исследований, включающих в себя методики практической работы с несколькими группами объектов, основные из которых будут составлять группы оружия, выделенные в Законе РФ «Об оружии» (холодное, метательное, огнестрельное, пневматическое, газовое), а также боеприпасы к различным видам стрелкового оружия, боеприпасы взрывного действия (ручные гранаты, мины, атипичные взрывные устройства самодельного изготовления), следы выстрела, огнестрельные и иные повреждения, инструменты и др.⁶⁷

Изложенная А. Е. Михальчуком позиция не осталась незамеченной. В 1996 году нами также было высказано мнение о целесообразности комплексного экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения в рамках криминалистической экспертизы оружия и следов его применения. При этом предлагалась следующая

⁶⁶Михальчук А. Е. О криминалистической экспертизе оружия // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений (современное состояние и перспективы развития судебной экспертизы). – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 33.

⁶⁷Михальчук А. Е. Указ. соч. С. 33–35.

щая структура названной экспертизы: теоретические основы криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, базирующиеся на одноименном учении; экспертные исследования (экспертизы) холодного, метательного, пневматического, газового, огнестрельного оружия и подобных ему по устройству либо некоторым принципам действия стреляющих устройств; основы комплексного исследования боеприпасов (взрывных устройств) и взрывчатых веществ; экспертные исследования вновь появляющихся видов оружия – электрического, лазерного (в перспективе)⁶⁸.

А. С. Подшибякин в 1997 году также поддержал позицию о едином, комплексном судебно-экспертном исследовании оружия. «Общность группы предметов исследования (и холодное, и огнестрельное оружие относятся к группе оружия), – указывает он, – позволяют, как мы полагаем, говорить об оружейной экспертизе, которая включает в себя экспертизу огнестрельного и холодного оружия»⁶⁹.

Проблема создания на базе «криминалистического оружейноведения» соответствующей судебно-экспертной отрасли рассматривалась и В. В. Зыряновым в диссертационном исследовании. В частности, оно содержало главу – «Криминалистическое оружейноведение как отрасль криминалистической техники и теоретическая основа судебно-экспертной отрасли знания»⁷⁰. Освещая названную проблему, В. В. Зырянов отмечал, что «криминалистическое оружейноведение – это отрасль криминалистической техники, которая изучает оружие, следы его применения и разрабатывает технические средства, приемы обнаружения,

⁶⁸Ручкин В. А. О предмете и системе курса «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения» // Теория и практика экспертных исследований в свете Закона Российской Федерации «Об оружии». Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1996. С. 9–12.

⁶⁹Подшибякин А. С. Указ. соч., 1997. С. 17.

⁷⁰Зырянов В. В. Проблемы криминалистического оружейноведения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1998. С. 7.

фиксации и экспертные методики исследования с целью расследования и предупреждения преступлений», подчеркивая при этом «общую направленность экспертных исследований (выделено мной. – В. Р.)»⁷¹.

Из изложенного вытекает однозначный вывод: В. В. Зырянов также предлагает исследовать различные виды оружия (в частности, огнестрельное, холодное оружие, взрывные устройства и оружие с иными поражающими факторами) в рамках единого экспертного исследования (экспертизы), базирующегося на судебно-экспертной отрасли знания, теоретическую основу которой составляет «криминалистическое оружейноведение».

В. М. Плескачевский, изучая проблему оружия в криминалистике, по сути тоже пришел к выводу о необходимости создания общей методической базы экспертно-криминалистического исследования различных видов оружия⁷².

Идея формирования единой криминалистической экспертизы оружия и следов его применения нашла поддержку и у ряда других авторов⁷³. Так, В. П. Тарасов и А. С. Гобеев пишут: «В настоящее время имеется достаточное количество предпосылок для теоретической разработки и практического создания оружейноведческой экспертизы как нового вида криминалистической экспертизы. Теоретическое ре-

⁷¹Там же, с. 10.

⁷²Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 331.

⁷³См., например, Гобеев А. С. Ручное оружие как объект криминалистического исследования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999. С. 8, 18, 19; Тарасов В. П., Гобеев А. С. // Некоторые теоретические предпосылки создания криминалистической оружейноведческой экспертизы как самостоятельного вида // Теоретические и прикладные проблемы экспертно-криминалистической деятельности. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 1999 года. Ч. 2. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. С. 63–65; Подшибякин А. С., Черенкова Н. В. Криминалистическая экспертиза в борьбе с незаконным изготовлением оружия и преступным обращением с ним // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 174–177.

шение этой задачи позволит экспертам-криминалистам четко определить границы своей компетенции в рамках оружейведческой экспертизы, а органам дознания, следствия и суду облегчит постановку вопросов при назначении экспертизы, включающей в себя все виды ручного оружия, определяемые Законом РФ "Об оружии", и исторически сложившихся его образцов»⁷⁴.

На аналогичной позиции стоят и А. С. Подшибякин с Н. В. Черенковой. Вот их суждение по данной проблеме: «Вместе с тем необходимо отметить, что в связи с появлением Закона РФ "Об оружии" были высказаны мнения о выделении единого, комплексного судебно-экспертного исследования оружия и, соответственно, об оружейведческой экспертизе (А. Е. Михальчук, В. М. Плескачевский). В принципе такой подход представляется допустимым, особенно если учесть более широкое распространение комбинированного оружия (холодного с огнестрельным и пр.). По-видимому, оправдано и включение в группу объектов криминалистической экспертизы оружия, следов выстрела, огнестрельных и иных повреждений – материалов, веществ, инструментов, использовавшихся для изготовления, кустарной сборки или ремонта оружия или боеприпасов. Указанный подход обуславливается как концепцией Закона РФ "Об оружии", так и имеющимися теоретическими исследованиями»⁷⁵.

Итак, в целом (не учитывая термин «оружиеведческая экспертиза» как, на наш взгляд, не совсем корректный), изложенные выше мнения различных авторов вполне заслуживают внимания и однозначно свидетельствуют о необходимости выделения самостоятельного рода криминалистической экспертизы, а именно: криминалистической экспертизы оружия и следов его применения.

⁷⁴Тарасов В. П., Гобеев А. С. Указ. соч. С. 64.

⁷⁵Подшибякин А. С., Черенкова Н. В. Указ. соч. С. 175.

Выделение этого рода экспертизы явилось вполне закономерным итогом постоянного развития и совершенствования специальных знаний в области исследования оружия и следов его применения, в частности, трансформации и приращения указанных знаний. Процесс трансформации и приращения знаний затрагивает и предмет, объект, задачи и методы исследования. Детально исследовав данную проблему, Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов и Е. Р. Россинская писали: «Увеличение знания по предмету экспертизы способствует появлению новых экспертиз, выделению их в самостоятельные. Так, на базе исследования признаков письменной речи из судебно-почерковедческой экспертизы выделилась судебно-автороведческая; из судебно-баллистической – взрыво-техническая и т. д. Приращение специальных познаний об объектах экспертизы увеличивает возможности их исследования, способствует появлению новых объектов»⁷⁶.

Как известно, «родоначальником» криминалистической экспертизы оружия и следов его применения явилась судебно-баллистическая экспертиза. Изначально она представляла собой отдельный вид судебно-медицинских исследований, в частности, огнестрельных повреждений.

С расширением в экспертной практике круга «оружейных» объектов для их экспертно-криминалистического исследования, естественно, уже не доставало специальных знаний в области судебной медицины. Предпринимавшиеся попытки расширения предмета судебной медицины и борьба за «универсальное направление» в ней были объективно обречены на провал⁷⁷. Органы следствия и суды наряду с судебными медиками, исследовавшими огнестрельные повреждения, для изучения оружия привлекают

⁷⁶Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 439.

⁷⁷Торвальд Ю. Сто лет криминалистики (пути развития криминалистики). Пер. с немец. – М., 1974. С. 385.

в качестве «экспертов по стрельбе» оружейников и охотников, которые могли собрать и разобрать оружие, обладали специальными знаниями о стрельбе, устройстве и изготовлении оружия. Для исследования боеприпасов (их компонентов) и продуктов выстрела стали активно применяться специальные знания из химии.

С использованием данных судебной фотографии и микроскопии применявшиеся к этому времени специальные знания в области исследования оружия и следов его применения приобретают качественно иной уровень. Становится возможной идентификация огнестрельного оружия по следам на пулях и гильзах.

Перед Великой отечественной войной идет активный процесс накопления специальных знаний, основу которых наряду с разнопрофильными научными данными пока еще составляет практический опыт. Со временем такая «аккумуляция» разнопрофильных научных знаний и практического опыта (прежде всего раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением оружия), а также возросшие возможности созданных научно-технических средств закономерно приводят к необходимости появления в уголовном процессе нового субъекта – носителя специальных знаний в области экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения – специалиста (эксперта) – баллиста.

Безусловно, на первоначальном этапе его специальные знания базировались на положениях также формировавшейся науки криминалистики и экспертно-криминалистической практике исследования оружия и следов его применения. Исследования, проводимые специалистами (экспертами) с применением этих специальных знаний, получают название судебно-баллистических. Однако в этот период уровень развития специальных знаний эксперта-баллиста находился еще в начальной стадии их формирования. На их основе еще невозможно было решать

многие, возникавшие на практике вопросы. Поэтому шел постоянный процесс пополнения этих знаний.

К 1970-м годам специальные знания специалиста (эксперта) – баллиста уже обеспечивали решение многих вопросов, возникавших в процессе расследования и судебного разбирательства дел, связанных с применением оружия. В этот период И. Ф. Крылов справедливо отмечал: «Современная судебно-баллистическая экспертиза доказала способность давать ответы на многие вопросы, точное решение которых еще недавно представлялось трудным, а часто и невозможным. Достигнутые возможности основываются на использовании точных приборов и сложных, в большинстве случаев комплексных методов исследования. Применение их значительно повысило научную достоверность и доказательственное значение этого вида экспертизы»⁷⁸.

Однако на всем протяжении формирования судебно-баллистической экспертизы новому субъекту экспертной деятельности (эксперту-баллисту) приходилось постоянно сталкиваться с увеличением и качественным изменением объектов исследования, что, соответственно, побуждало его к совершенствованию своих специальных знаний.

Количественное и качественное изменение объектов судебно-баллистической экспертизы на определенном этапе ее развития привело к тому, что в сферу действия названной экспертизы вошел весь спектр объектов «огнестрельного происхождения»: заводское и самодельное огнестрельное оружие и боеприпасы к нему; их части и составные компоненты; материалы и инструменты для изготовления оружия и снаряжения боеприпасов; следы применения огнестрельного оружия (стреляные гильзы, снаряды, продукты выстрела на пораженных преградах, оружии, частях использовавшихся боеприпасов, стрелявшем, окружающей обстановке, огнестрельные повреждения и др.). Казалось бы, названным

⁷⁸Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. – Л.: Изд. ЛГУ, 1975. С. 79.

кругом объектов и должна ограничиться судебно-баллистическая экспертиза, поскольку она изначально формировалась как экспертиза огнестрельного оружия, боеприпасов к нему и следов их применения. Однако объектная «экспансия» на этом не закончилась.

Эксперт-баллист как субъект экспертизы в своей деятельности начинает сталкиваться с рядом объектов, которые уже «откровенно» не вписываются в традиционный круг объектов огнестрельного характера. Прежде всего, это разного рода огнестрельные и неогнестрельные стреляющие устройства и патроны к ним (ракетницы, строительно-монтажные пистолеты, устройства для забоя скота, ружья для подводной охоты и т. п.), пневматическое оружие, заводские и самодельные образцы минно-взрывного оружия (штатные боеприпасы взрывного действия, самодельные взрывные устройства и проч.) и другое. Так, анализ литературы конца 1970-х – начала 1990-х годов свидетельствовал, что некоторые авторы сферу действия судебно-баллистической экспертизы ограничили установлением фактов, связанных с использованием лишь огнестрельного оружия⁷⁹. Другие, наоборот, распространяли ее действие на установление фактов, связанных с применением не только огнестрельного оружия, но и широкого круга других объектов, например, различных стреляющих устройств (в том числе стреляющих пулями с отравляющими, дымовыми, красящими и другими зарядами), пневматического оружия, взрывных устройств, пиротехнических, осветительных и сигнальных средств ближнего действия, огнеметов, газового ствольного оружия и т. п.⁸⁰

⁷⁹См., например: Словарь основных терминов теории и практики судебно-баллистической экспертизы. – М.: ВНИИСЭ, 1984. С. 67.

⁸⁰См., например: Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. – М.: Юрид. лит., 1979. С. 21; Аханов В. С. Криминалистическая экспертиза огнестрельного оружия и следов его применения. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979. С. 9; Тихонов Е. Н. Судебно-баллистическая экспертиза. – Барнаул, 1991. С. 35–36.

В 1980–1990-х годах круг объектов судебно-баллистической экспертизы существенно пополняется газовым и газобаллонным (разновидность пневматического) оружием, в основном пистолетами и револьверами. При этом часть из них переделывается в огнестрельное оружие и используется в преступных целях. Для экспертной практики этого периода стало характерным широкое исследование на основе специальных знаний наряду с огнестрельным переделанного и непеределанного газового и газобаллонного оружия, разнообразных стреляющих устройств, имеющих с огнестрельным оружием некоторые общие признаки по конструкции и принципу действия.

Экспертная практика последнего десятилетия убедительно показала, что круг объектов судебно-баллистической экспертизы уже далеко вышел за пределы огнестрельного оружия и следов его применения. При этом часть объектов она все же смогла «переварить», другая часть просто оказалась для нее «чужеродной».

Таким образом, объектное «пополнение» оказалось настолько масштабным, что на повестку дня встал вопрос переосмысления не только ряда вопросов судебно-баллистической экспертизы, но и теоретических и практических положений экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения в целом.

Следует заметить, что указанный процесс изменений коснулся всей цепочки: предмет – объект – методы (методики) судебно-баллистической экспертизы – специальные знания.

Параллельно с накоплением, совершенствованием и изменением специальных знаний в судебно-баллистической экспертизе аналогичные процессы происходили также в направлении исследования других видов оружия, то есть в целом в области экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения.

Так, способы и приемы исследования холодного и метательного оружия длительное время рассматривались в рамках проведения следственных и судебных действий. Подтверждением этого являются различные издания работы Ганса Гросса «Руководство для судебных следователей». Так, в «Руководстве к расследованию преступлений», являющемся переводом с 6-го немецкого издания, переработанного и дополненного И. Н. Якимовым, содержится глава VII «Об оружии», в которой наряду с огнестрельным рассматривается также «ударное, колющее и режущее оружие» и даются отдельные рекомендации о действиях на месте преступления, где применялось названное оружие⁸¹.

В нашей стране активизация изучения холодного оружия, а также отдельных образцов метательного оружия с целью разработки методики их экспертного исследования началась с выходом 29 марта 1935 года Постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хулиганством». Учеными и практиками предпринимаются попытки по разрешению проблемы распознавания и оценки объектов, относимых к категории холодного оружия, разработки методики его исследования. На первых порах «криминалистика же не была готова дать какие-либо научно-обоснованные данные в этом плане»⁸². Только к концу 1940-х годов формулируется первое понятие холодного оружия. Оно было предложено Н. В. Терзиевым в 1948 году⁸³.

⁸¹Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений. Перевод с 6-го немец. изд., перераб. и дополн. И. Н. Якимовым. – М.: Изд. НКВД РСФСР, 1930. С. 69–70.

⁸²Тихонов Е. Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия. Учеб. пособие. 2-е изд., дополн. и перераб. – Барнаул, 1987. С. 10.

⁸³Терзиев Н. В. Идентификация в криминалистике // Советское государство и право, 1948. № 12. С. 41.

В 1950-е годы холодное оружие, отдельные образцы метательного оружия и следы их применения привлекают внимание уже целого ряда ученых-криминалистов и практиков. Продолжается начатая Н. В. Терзиевым работа по определению понятия холодного оружия, а также разработке вопросов его экспертно-криминалистического исследования⁸⁴.

На наш взгляд, пик научных разработок по проблемам исследования холодного и отдельных образцов метательного оружия, а также следов их применения приходится на 1960–1970-е годы. В этот период получила разрешение начатая еще в 1950-х годах дискуссия о том, нужны ли специальные познания при решении вопроса об относимости исследуемых предметов к холодному оружию, уточнялось понятие холодного оружия и система его классификации, более детально прорабатывались вопросы, связанные с назначением и производством криминалистической экспертизы холодного оружия, серьезное внимание уделялось разработке криминалистического исследования холодного оружия, методик его экспертного исследования, включая особенности оценки некоторых образцов национального

⁸⁴См., например, Выдря М. Криминалистическая экспертиза холодного оружия // Соц. Законность, 1955. № 5. С. 53–54; Любарский М. Г. Криминалистическое исследование холодного оружия // Тезисы докладов восьмой расшир. конф. Ленинградского отделения всесоюз. научн. общества суд. медиков и криминалистов. – Л., 1954. С. 45; Емельянов Н. И. Краткие сведения о холодном оружии. – Л., 1957; Самончик А. Н. Криминалистическое исследование холодного оружия. – М., 1959; Любарский М. Г. Понятие – «холодное оружие» // Бюллетень Ленинградской НИЛСЭ. – Л., 1959. № 1. С. 15–32; Шванков В., Яблоков Н. Борьба с незаконным владением холодным оружием служит предупреждению преступлений // Соц. Законность, 1959. № 7. С. 32–35; Яблоков Н. П. К вопросу об экспертизе холодного оружия // Теория и практика криминалистической экспертизы. Вып. 2. – М.: Госюриздат, 1956. С. 334–354 и др.

холодного оружия⁸⁵. Наиболее полное отражение вопросы исследования холодного, некоторых образцов метательного оружия и следов их применения получили в трудах А. С. Подшибякина. В 1975 году им впервые высказывается гипотеза о создании криминалистического учения о холодном оружии⁸⁶. Это явилось своеобразным итогом всех предшествующих исследований, посвященных проблеме изучения холодного оружия и следов его применения.

⁸⁵См., например, Рассейкин Д. П. Расследование преступлений против жизни. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1965; Железняк А. С. К вопросу о производстве экспертизы холодного оружия // Сб. материалов по обмену опытом экспертной практики. – М.: ОТУ МВД СССР, 1967. С. 155–164; Плещачевский В. М. Экспертиза холодного оружия и некоторые процессуальные вопросы, связанные с ней // Вопросы судебной экспертизы. Сб. 3. – Баку: Азерб. НИИСЭ, 1966. С. 110–125; Устинов А. И., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Холодное оружие. Практ. пособие. – М.: ВШ МВД РСФСР, 1961; Бородин С. В., Палнашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. – М.: Юрид. лит., 1963; Голдованский Ю. П. Задачи экспертизы по установлению холодного оружия и ее место в системе судебных экспертиз // Труды ВНИИСЭ МЮ СССР. Вып. 4. – М., 1972. С. 218–223; Голдованский Ю. П., Тахо-Годи Х. М. Экспертиза по установлению самодельного холодного оружия. Метод. пособие. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1973; Седова Т. А. К вопросу о понятии холодного оружия в криминалистической литературе и судебно-следственной практике // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л.: Изд. ЛГУ, 1970. С. 132–152; Подшибякин А. С. Вопросы криминалистического исследования холодного оружия. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1975; Подшибякин А. С. Теория и практика криминалистического исследования холодного оружия (уголовно-правовой и криминалистический аспекты). Дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1975; Подшибякин А. С. О следах применения холодного оружия, владения и пользования им // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 3. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1978. С. 27–32; Тихонов Е. Н. Уголовно-правовая и криминалистическая оценка холодного оружия. – Томск: Изд. ТГУ, 1976; Холодное оружие и бытовые ножи. / Под ред. А. И. Устинова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1978; Свадовский И. В. Некоторые вопросы экспертного исследования национального холодного оружия и национальных бытовых ножей // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 2. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1974. С. 23–27; Любарский М. Г. Финские ножи // Бюллетень № 2 Ленинградской НИЛСЭ. – Л., 1961. С. 12–19 и др.

⁸⁶Подшибякин А. С. Вопросы криминалистического исследования холодного оружия. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1975.

В целом можно констатировать, что в начале 1970-х годов были сформулированы научные основы исследования холодного оружия, разработана методика проведения криминалистической экспертизы названного вида оружия. При этом следует отметить, что в рамках экспертно-криминалистического исследования холодного оружия были освещены и вопросы исследования отдельных образцов метательного оружия.

В последующие годы работы по указанной проблеме велись в основном в направлении совершенствования общей методики экспертного исследования холодного и определенных образцов метательного оружия. Параллельно с этим осуществлялась также разработка отдельных методик исследования вновь появляющихся в экспертной практике разновидностей холодного и метательного оружия⁸⁷.

С использованием в преступных целях минно-взрывного оружия (то есть взрывных устройств и их обязательного конструктивного элемента – заряда ВВ) возникла потребность в разработке методики его экспертно-криминалистического исследования. Естественно, исходной базой для формирования теоретических основ исследования этого вида оружия явился эмпирический материал, накапливавшийся в течение длительного времени.

В нашей стране до начала Великой Отечественной войны сколько-нибудь заметных работ по экспертно-криминалистическому исследованию ВУ, ВВ и следов их при-

⁸⁷См., например, Дьяконов П. А. О новом типе ударно-раздробляющего холодного оружия // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 10. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1981. С. 9–13; Поповцев С. А., Алексеев Н. Р. «Нунчаку» – холодное оружие многоцелевого назначения // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 11. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1982. С. 8–14; Устинов А. И., Филиппов В. В. Криминалистическое исследование некоторых видов холодного оружия народов Востока. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1984; Тихонов Е. Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия. Учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 1987 и др.

менения не отмечалось. В начальный период войны в связи со значительным увеличением в практике работы правоохранительных органов различного рода ВУ и ВВ наблюдается активизация их исследований. «Использованная терминология, стиль изложения данных, – по мнению И. Д. Моторного, – с полным правом позволяет считать это первыми технико-криминалистическими исследованиями ВВ и ВУ»⁸⁸.

В послевоенный период (до конца 1950-х годов) работы в указанном направлении в основном носили закрытый характер и проводились структурами госбезопасности, прежде всего, в рамках расследования диверсий⁸⁹. С накоплением практического материала проблема экспертно-криминалистического исследования ВУ, ВВ, следов их применения все более обострялась. И, наконец, с начала 1970-х годов названной проблеме начинает уделяться должное внимание: разрабатываются методические рекомендации по работе с ВУ, ВВ и следами их применения в рамках проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий при раскрытии и расследовании определенных категорий преступлений, а также активно формируются методики судебно-экспертного исследования указанных объектов⁹⁰. Активность научных разработок в этом направлении позволила

⁸⁸Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом. Монография. – М.: Издатель Шумилова И. И., 1999. С.10.

⁸⁹См. об этом подробнее: Моторный И. Д. Указ. соч. С. 10.

⁹⁰См., например, Расследование убийств, совершенных с применением взрывчатых веществ / Под ред. А. М. Ларина. – М.: Прокуратура СССР, 1975; Цветкова В. Н. Исследование взрывчатых веществ методом тонкослойной хроматографии // Матер. науч. семинара 14–16 сентября 1973 года. – М., 1973; Исаев Л. К., Цветкова В. Н. Применение методов тонкослойной хроматографии и ИК-спектроскопии при исследовании некоторых промышленных ВВ // Экспертная практика и новые методы исследований. – М.: ВИНТИ, 1975; Винокуров С. Назначение судебно-технических экспертиз при расследовании преступного обращения со взрывчатыми материалами // Соц. Законность, 1976. № 8 и др.

А. Р. Шляхову в 1979 году заметить, что «в структуре судебно-баллистической экспертизы в настоящее время формируется новый (четвертый) вид – исследование взрывчатых веществ и специальных взрывных устройств»⁹¹.

Таким образом, к середине 1970-х годов экспертно-криминалистическое исследование ВУ, ВВ и следов их применения сформировалось в самостоятельное направление, и началась разработка его теоретических основ.

Как известно, в криминальных целях наряду с оружием в качестве средства совершения преступления используются и разного рода устройства, предметы, конструктивно и (или) функционально подобные исторически сложившимся видам оружия. В теории и практике судебной экспертизы какие-либо специальные методики по их исследованию не разрабатывались. Распознавание и оценка таких объектов обычно проводилась с использованием методических рекомендаций, разрабатывавшихся в свое время применительно к исследованию того или иного исторически сложившегося вида оружия, к которому изучаемый объект был ближе всего в конструктивном и (или) функциональном плане. Так, практика исследования самодельного огнестрельного оружия и боеприпасов к нему свидетельствует, что для их изготовления нередко использовались конструктивно и (или) функционально близкие им устройства промышленного или хозяйственно-бытового назначения: ракетницы и сигнальные (осветительные) патроны к ним; стартовые (сигнальные) пистолеты и револьверы; строительно-монтажные пистолеты и патроны к ним; ружья и пистолеты для подводной охоты; аппараты для забоя скота и патроны к ним и т. п. Перечисленные объекты применялись в криминальных целях и без переделки или приспособления. В подобных случаях для их исследования

⁹¹Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. – М.: Юрид. лит., 1979. С. 21.

наряду с нормативно-технической документацией, регламентирующей их выпуск и эксплуатацию, обычно использовались и разработанные в криминалистике и судебной экспертизе методические рекомендации по отнесению объекта к огнестрельному оружию. В литературе можно встретить публикации, указывающие на необычные случаи использования названных объектов в криминальных целях, в которых не ставилась цель разработки методики их криминалистического исследования⁹².

На рубеже 1960–1970-х годов наметилась тенденция консолидации (объединения) различных направлений криминалистического (в том числе и экспертного) исследования оружия в одно. Первая попытка изучения огнестрельного и холодного оружия в рамках одного криминалистического исследования была предпринята В. С. Ахановым в 1969 году. Подготовленная им глава в учебник криминалистики называлась «Криминалистическое исследование оружия и следов его применения»⁹³. Однако такое объединение представляло тогда чисто механическое соединение разделов, посвященных исследованию огнестрельного и холодного оружия. Причем сам автор этого не отрицал.

Идея расширения сложившейся к тому времени отрасли криминалистической техники «Судебная баллистика» путем включения в нее вопросов криминалистического исследования других видов оружия (в частности, холодного) и изменения самого названия отрасли на «Криминалисти-

⁹²См., например, Демин Н. С. Пистолет для подводной охоты как объект судебно-баллистического исследования // Экспертная техника. Вып. 34. – М.: ЦНИИСЭ, 1971. С. 39–41; Далин В. Н. Судебно-баллистическое исследование пистолета ППО-2 / Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 17. – Киев: Вища школа, 1978. С. 67–69; Свадовский И. В. О возможности производства выстрела из пистолета СМП-3М без упора и разблокировки // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 7. – М.: ВНИИСЭ, 1973. С. 3–4 и др.

⁹³Криминалистика. Т. 1 / Под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова. – М.: ВШ МВД СССР, 1969. С. 271–297.

ческое исследование оружия и следов его применения» не осталась незамеченной⁹⁴.

Тенденция расширительного толкования «Судебной баллистики» как в названии, так и в ее содержании была характерна в этот период не только для соответствующих разделов некоторых программ и учебников по криминалистике, но и для отдельных учебных пособий, научных исследований⁹⁵. Отмеченные тенденции послужили своеобразным «сигналом» для интеграционных процессов в структуре криминалистического (в том числе и экспертного) исследования оружия и следов его применения. Так, в 1988 году В. М. Плесакачевский выдвинул гипотезу о существовании в криминалистике комплекса объектов, объединяемых криминалистическим понятием оружия, и предложил в корне изменить традиционный подход к решению проблемы оружия. В частности, он писал: «Традиционный подход к решению проблем оружия всегда базировался на раздельном, практически изолированном анализе огнестрельного и холодного оружия, следов их действия. Однако в настоящее время важным (но не единственным) доводом о необходимости комплексного подхода к проблемам оружия является то, что потребности судебно-следственной практики в исследовании разнообразных предметов, используемых для поражения человека, не обеспечены надежными теоретическими основами и методическими рекомендациями»⁹⁶.

⁹⁴Программа по криминалистике. Для учебных заведений МВД СССР. – М., 1971.

⁹⁵См., например, Русаков М. Н. Криминалистическое исследование оружия и следов его применения. Учеб. пособие. – Омск: ОВШМ МВД СССР, 1981; Тихонов Е. Н. Проблемы теории и практика установления групповой принадлежности в криминалистической экспертизе оружия. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1982.

⁹⁶Плесакачевский В. М. Криминалистическое понятие оружия и его классификации // Совершенствование криминалистических средств и методов в борьбе с преступностью. Межвузов. сб. науч. трудов. – М., 1988. С. 11.

На наш взгляд, отмеченная работа явилась наиболее убедительным аргументом о необходимости объединения различных направлений исследования оружия в одно и, по сути, дала «старт» возникновению и становлению учения об оружии и следах его применения как теоретической основы экспертно-криминалистического исследования как исторически сложившихся, так и вновь возникших видов оружия.

В 1990-х годах уже явно наблюдается тенденция объединения различных направлений исследования оружия в одно.

Наиболее заметными в этом отношении явились монография В. М. Плескачевского «Оружие в криминалистике. Понятие и классификация», изданная в 1999 году, и докторская диссертация В. Ю. Владимирова⁹⁷. В частности, монография В. М. Плескачевского внесла существенный вклад в становление теоретических основ экспертно-криминалистического учения об оружии и следах его применения. В ней были изложены общие методические подходы к изучению проблемы оружия в криминалистике, сформулировано понятие оружия, даны системы его классификаций, явившиеся базисными положениями для формирования учения об оружии и следах его применения и получившие дальнейшее развитие в ряде других работ⁹⁸.

Для окончательного формирования учения об оружии и следах его применения как частной теории отдельного

⁹⁷Владимиров В. Ю. Указ. соч., 2002.

⁹⁸См., например, Криминалистика. Учебник / Под ред. проф. А. Г. Филиппова. – М.: Юриспруденция, 2000 (глава 6 «Криминалистическое исследование оружия и следов его применения (криминалистическое оружейведение)», авт. В. М. Плескачевский); Криминалистика. Учебник для средн. профес. образов. / Отв. ред. А. А. Закатов и Б. П. Смагоринский. – Волгоград: ВА МВД России, 2000 (глава 7 «Криминалистическое оружейведение», авт. В. А. Ручкин, А. С. Гобеев); Ручкин В. А. О концептуальных основах криминалистического учения об оружии и следах его применения // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. Сб. науч. трудов. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 248–254 и др.

рода судебной экспертизы, в частности, криминалистической экспертизы оружия и следов его применения еще потребуются значительные усилия ученых. И здесь, на первоначальном этапе, одним из наиболее спорных и сложных моментов, как мы уже отметили, явилось определение места названного учения в науке.

Параллельно с процессами консолидации различных направлений изучения оружия в одно закладывались также основы исследования некоторых нетрадиционных видов оружия⁹⁹. Вообще, формирование в рамках учения об оружии и следах его применения как частной экспертной теории научных положений и разработка на их основе методик судебно-экспертного исследования нетрадиционных (вновь появляющихся) видов оружия на ближайшее будущее, по нашему мнению, следует рассматривать в качестве основной тенденции развития названной нами частной теории.

Таким образом, отмеченные выше процессы закономерно привели к тому, что специальные знания в области экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения приобрели в настоящее время качественно иной уровень, увеличивающий научные возможности этих знаний, позволяющий существенно расширить горизонт научного видения и вести речь о формировании учения об оружии и следах его применения как частной экспертной теории – теоретической основе выделяющегося рода криминалистической экспертизы, а именно: криминалистической экспертизы оружия и следов его применения. «Формирование новых видов, родов экспертиз, – справедливо отмечала Т. В. Аверьянова, – является главным обра-

⁹⁹См., например, Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 303–320; Ручкин В. А. Указ. соч., 2001. С. 102–105; Федоров А. В. О нетрадиционном оружейведении // Теоретические и прикладные проблемы экспертно-криминалистической деятельности. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 1999 года. Ч. 1 / Под общ. ред. В. П. Сальникова и И. П. Карлина. – СПб, 1999. С. 310–311 и др.

зом результатом расширения научных и технических возможностей»¹⁰⁰.

Указанная частная теория будет представлять собой каркас, благодаря которому образуется тесная взаимосвязь всех звеньев системы экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения, возрастет ее целостность, четче вырисуются внутренняя архитектура и внешние связи¹⁰¹.

Следует подчеркнуть, что накопление, изменение и совершенствование указанных специальных знаний предопределило формирование в криминалистической технике отрасли «Криминалистическое исследование оружия и следов его применения», которая, в свою очередь, обусловила выделение самостоятельного рода криминалистической экспертизы оружия и следов его применения. «Введение в криминалистику такой отрасли знания, как «оружиеведение», – справедливо отмечают В. П. Тарасов и А. С. Гобеев, – с обоснованием ее предмета, объектов предопределяет и обоснование присущей ее методики экспертного исследования как системы научно обоснованных методов, приемов и технических средств»¹⁰².

Процесс изменения и совершенствования экспертно-криминалистических знаний в области исследования оружия и следов его применения протекал под воздействием двух тенденций: дифференциации и интеграции научных знаний вообще и в криминалистической экспертизе в частности.

Так, если в 1940–1950-х годах объективная компетенция эксперта-криминалиста включала в себя основы зна-

ний практически всех существовавших тогда экспертно-криминалистических специальностей, то современный «информационный взрыв» привел к необходимости узкой специализации знаний. В результате внутри одной системы начался процесс формирования узких видов и разновидностей экспертиз. Причем в условиях научно-технического прогресса отмечается постоянное увеличение объема специальных знаний, которыми должен владеть судебный эксперт, включая и эксперта-криминалиста. В этой связи Т. В. Аверьянова правильно, на наш взгляд, указывает: «Сложный и многокомпонентный характер современных криминалистических познаний фактически не позволяет овладеть ими в полном объеме любому эксперту-криминалисту, в связи с чем возникает задача разделения их на некие части в зависимости от узкой специализации эксперта. Но если разделять, то встает вопрос: по какому критерию? Возможно, по принятым экспертным специальностям?»¹⁰³.

Отмеченный процесс дифференциации знаний в криминалистической экспертизе не обошел стороной и систему разрозненных экспертно-криминалистических исследований оружия и следов его применения.

«Вместе с тем криминалистической экспертизе, – констатирует Е. Д. Богодухова, – как любой другой отрасли научного знания свойствен кумулятивный характер: на каждом новом этапе суммируются прошлые достижения и каждый полученный результат входит элементом в общую конструкцию ее теории. Все это определяет основные исходные моменты происходящего процесса интеграции специальных знаний как другой стороны процесса становления криминалистической экспертизы»¹⁰⁴.

¹⁰⁰Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. – М.: Академия МВД России, 1994. С. 114.

¹⁰¹Сухова Т. Э. Интеграция знаний по предмету и объекту исследования в судебной экспертизе // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (28–29 февраля). – Тула: ТулГУ, 2000. С. 188.

¹⁰²Тарасов В. П., Гобеев А. С. Указ. соч. С. 64.

¹⁰³Аверьянова Т. В. Указ. соч. С. 32.

¹⁰⁴Богодухова Е. Д. Процесс дифференциации и интеграции знаний в современной криминалистической экспертизе // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1987. С. 101–102.

Интересно отметить, что интеграционные процессы, происходящие в криминалистической экспертизе оружия и следов его применения, обуславливаются к тому же и интегративным характером учения об оружии и следах его применения как теоретической основы названной экспертизы.

Под воздействием интеграционных процессов объединение в один род криминалистической экспертизы существовавшего комплекса разрозненных экспертных исследований оружия и следов его применения происходило на основании общности их предмета, объектов и методов. Так, суть предмета всех экспертных исследований, входящих в названный комплекс, составляют фактические данные, то есть обстоятельства дела, связанные с использованием оружия, устанавливаемые на основе специальных знаний, сформированных, прежде всего, в рамках экспертного учения об оружии и следах его применения. Единым для всей системы экспертных исследований является и объект – оружие во всех его проявлениях. При этом разнообразные проявления оружия не выходят за пределы естественных системных связей между его различными видами. Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов и Е. Р. Россинская справедливо рассматривают оружие и боеприпасы в качестве родового объекта (то есть материального образования с одинаковой системой свойств)¹⁰⁵.

Единство методов экспертных исследований обуславливается общностью методического подхода к изучению оружия и следов его применения, основанного на едином понятии оружия и общих закономерностях его развития, использования в качестве средства совершения преступления, а также собирания и исследования возникающих при этом доказательств.

¹⁰⁵Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 434.

Интеграционный процесс объединения системы разрозненных экспертно-криминалистических исследований оружия и следов его применения в один род криминалистической экспертизы происходил также на основании общности задач названных экспертных исследований и традиционности представления об их объектах и задачах¹⁰⁶. Например, оружие, следы его применения и задачи их экспертного исследования традиционно рассматривались лишь в рамках определенных видов криминалистической экспертизы. Интеграционный характер криминалистической экспертизы оружия и следов его применения потребует достаточно широкого диапазона специальных знаний при производстве экспертных исследований, и, соответственно, лица, осуществляющие эти исследования, должны быть компетентны в различных областях знаний. А. Е. Михальчук совершенно справедливо, на наш взгляд, предлагает не бояться подобного, мотивируя тем, что «из традиционных отраслей не менее объемно технико-криминалистическое исследование документов, еще более обширна развивающаяся отрасль – КИМВИ (криминалистическое исследование материалов, веществ, изделий)»¹⁰⁷.

Выделение криминалистической экспертизы оружия и следов его применения как отдельного рода экспертизы предопределено не только законами развития научного знания, но и потребностями судебно-следственной и экспертной практики. Так, в последние годы идет активный процесс появления новых видов и образцов оружия, которые, попадая в сферу незаконного оборота, зачастую требу-

¹⁰⁶В настоящее время Т. В. Аверьянова предлагает, по ее мнению, более совершенный (относительно общепринятого основания: предмет – объект – методы исследования – характер специальных знаний) комплексный критерий разграничения экспертиз, включающий в себя объекты, задачи экспертного исследования и традиционное представление об объектах и задачах определенного рода, вида экспертизы (см.: Аверьянова Т. В. Указ. соч., 1994. С. 113.)

¹⁰⁷Михальчук А. Е. Указ. соч., с. 35.

ют экспертно-криминалистического исследования. В подобных случаях у органов дознания и следствия всегда возникают вопросы о том, какую назначить экспертизу, как сформулировать задание, кому ее поручить. «Исследования в данной области, – справедливо считают В. Я. Решетников и А. А. Коссович, – имеют важное практическое значение, так как от правильности наименования экспертизы, точности и полноты постановки вопросов зависит эффективность рассматриваемого следственного действия. Такая "формальная" ошибка, как несоответствие вида назначенной экспертизы вопросам, поставленным перед экспертом, может обернуться тем, что суд не вправе будет принять заключение экспертизы в качестве доказательства по делу. Это особенно важно в случаях, когда результат экспертизы становится тем доказательством, на котором базируется все расследование»¹⁰⁸.

Выход из создавшегося положения видится в следующем. На наш взгляд, органы дознания и следствия в подобных случаях должны назначать криминалистическую экспертизу оружия и следов его применения без указания ее конкретного, неизвестного для них вида. Выбор конкретного вида указанной экспертизы – это прерогатива руководителя того судебно-экспертного учреждения, которому она поручается. Такое решение проблемы позволит избежать случаев, например, назначения экспертизы холодного оружия при представлении образцов метательного оружия или судебно-баллистической – в отношении электрошоковых устройств, самодельных взрывных устройств направленного действия, огнеметов и прочих объектов.

У сотрудников судебно-экспертных учреждений, в свою очередь, также возникают проблемы: как поступать

¹⁰⁸Решетников В. Я., Коссович А. А. Особенности классификации судебных экспертиз // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 185.

при получении на экспертизу нетрадиционных объектов, какими методиками исследования руководствоваться и не выходит ли такое исследование за пределы их компетенции? И здесь, на наш взгляд, рациональное решение проблемы также целесообразно искать в рамках экспертизы оружия и следов его применения как рода криминалистической экспертизы. При этом возможны два варианта решения названной проблемы.

Первый. Выявив у нового нетрадиционного объекта конструктивное (или) функциональное подобие с уже известным видом оружия, целесообразно проводить экспертное исследование нового объекта на основе имеющихся либо модифицированных вариантов методик, разработанных ранее в отношении уже известного вида оружия, исходя при этом из общего методического подхода к изучению «оружейных» объектов. Примерами подобного решения проблемы являются методика экспертного исследования метательного оружия, в основу которой была положена методика исследования холодного оружия, а также методики исследования пневматического и ствольного газового оружия, разработанные путем модификации методики исследования огнестрельного оружия.

Второй. В случае невозможности модификации для экспертного изучения нетрадиционного объекта уже существующих методик, идти по пути создания новой методики его исследования (конечно, заимствуя при этом определенные общие положения из уже апробированных методик), тем самым выделяя в роду криминалистической экспертизы оружия и следов его применения новый вид исследования (экспертизы). Идти же во всех случаях по пути автоматического создания под каждый вновь появляющийся вид оружия (или его неизвестный ранее образец) нового вида экспертизы, игнорируя при этом ранее названные нами элементы общности, присущие любому «оружейному» объекту экспертно-криминалистического

исследования, не логично, затратно и, в конечном итоге, не целесообразно, как в научном, так и в практическом плане.

Таким образом, выделение криминалистической экспертизы оружия и следов его применения в качестве самостоятельного рода позволит, с одной стороны, упростить органам дознания и следствия процедуру подготовки и назначения экспертизы в отношении нетрадиционных видов оружия, с другой, – оптимизировать деятельность сотрудников судебно-экспертных учреждений по разработке (модификации) методик экспертного исследования нетрадиционных «оружейных» объектов и тем самым более четко определить пределы компетенции экспертам, которым поручается подобная экспертиза.

Завершая исследование процесса выделения экспертизы оружия и следов его применения в качестве самостоятельного рода в классе криминалистических экспертиз, подчеркнем, что нами рассматривались различные проявления такой фундаментальной закономерности, изучаемой общей теорией судебной экспертизы, как использование современных достижений науки и техники при создании теоретических основ (учений) определенных родов экспертиз, в частности: интеграция научных данных для создания базисного знания экспертизы определенного рода и его постоянное пополнение; расширение возможностей исследования объектов данной экспертизы на основе новых или модификации имеющихся методик; появление новых объектов исследования¹⁰⁹. Эти проявления указанной тенденции мы и попытались осветить в настоящей работе.

Важнейшее место в определении концептуальных основ криминалистической экспертизы оружия и следов его применения занимают вопросы ее структуры и содер-

¹⁰⁹Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Росинская Е. Р. Указ. соч. С. 430–431.

жания. Прежде чем перейти к их рассмотрению, считаем необходимым обратить внимание на один существенный аспект. В частности, в качестве самостоятельного рода или вида в классе криминалистических экспертиз следует рассматривать экспертизу оружия и следов его применения? В этом плане непоследовательную позицию занимает один из инициаторов выделения «оружиеведческой» экспертизы – А. С. Гобеев. Так, в автореферате своего диссертационного исследования он отмечает, что «оружиеведческая экспертиза определена и рассмотрена как самостоятельный род криминалистической экспертизы»¹¹⁰. В статье, опубликованной совместно с В. П. Тарасовым, говорится уже о создании «оружиеведческой экспертизы как нового вида криминалистической экспертизы»¹¹¹. Вопрос так и остался открытым: все-таки родом или видом криминалистической экспертизы считать экспертизу оружия и следов его применения? По нашему мнению (уже аргументированному выше), она должна рассматриваться в качестве рода криминалистической экспертизы.

Как известно, проблема выделения родов и видов экспертиз тесно связана с вопросом о том, что считать основанием (критерием) классификации судебных экспертиз. При всей спорности этого вопроса¹¹² в настоящее время общепризнанным основанием классификации су-

¹¹⁰Гобеев А. С. Указ. соч. С. 8.

¹¹¹Тарасов В. П., Гобеев А. С. Указ. соч. С. 64

¹¹²См., например, Аверьянова Т. В. Указ. соч., 1994. С. 113; Росинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. Практ. пособие. – М., 1996. С. 10–11; Решетников В. Я., Коссович А. А. Указ. соч. С. 185–187; Зырянов В. В. К понятию судебно-экспертной отрасли знания // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 129–132; Надгорный Г. М. К вопросу о формировании судебно-экспертных отраслей знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 17. – Киев: Вища школа, 1978. С. 15–23 и др.

дебных экспертиз служат предмет, объекты¹¹³, методы экспертного исследования и характер специальных знаний, взятые в совокупности. Так, А. Р. Шляхов предлагает выделять следующие классификационные уровни – классы, роды, виды и разновидности судебных экспертиз¹¹⁴. Однако в отдельных случаях при признании указанного основания некоторые авторы все же допускают непоследовательность, на наш взгляд, в выделении классификационных уровней экспертизы. Например, предлагается различать три рода криминалистической экспертизы: традиционные виды экспертиз; новые виды экспертиз; различные виды исследования материалов, веществ и изделий¹¹⁵. Очевидно, что приведенная классификация криминалистических экспертиз проведена с нарушением правила, которое гласит, что выделение родов экспертиз должно происходить по общепринятому основанию, а не по иным, «смешанным» критериям. В данном случае деление криминалистических экспертиз на традиционные и новые виды проведено явно не по общепринятому основанию.

Нижним классификационным уровнем, могущим быть выделенным по общепринятому основанию, в котором в качестве доминирующего разделительного критерия уже выступает не родовая, а специальный объект¹¹⁶, является

¹¹³Для деления судебных экспертиз на классы, роды и виды В. В. Зырянов вообще предлагает пользоваться только объектом и его свойствами. В частности, он пишет: «Для выделения судебно-экспертных отраслей знания на уровне классов более обоснованно использовать объект, обладающий общими однородными свойствами, а последующее деление классов на роды и виды должно происходить с использованием отдельных свойств объектов». См.: Зырянов В. В. К понятию судебно-экспертной отрасли знания // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000, с. 131.

¹¹⁴Шляхов А. Р. Указ. соч., 1979 С. 11–12.

¹¹⁵См.: Аверьянова Т. ., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 415.

¹¹⁶См.: Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 434–435.

вид либо разновидность экспертизы. В качестве объекта (специального) определенного вида (разновидности) криминалистической экспертизы оружия и следов его применения следует рассматривать конкретный вид оружия. Иногда в силу конструктивной и функциональной близости некоторых видов оружия друг к другу (например, холодного и метательного; огнестрельного, пневматического и ствольного газового) в методическом плане целесообразно их исследовать в рамках одного вида экспертизы, что, конечно же, не препятствует выделению в нем разновидности экспертизы в зависимости от исследуемого ею вида оружия. Так, вполне обоснованно (если не учитывать элемент рациональности) выделение двух таких разновидностей криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, как экспертизы холодного и соответственно метательного оружия. Дальнейшее деление уже идет по определенным экспертным исследованиям, в основе которых лежат конкретные экспертные методики, направленные на выяснение отдельных свойств специального объекта.

Итак, с учетом высказанных замечаний рассмотрим **структуру и содержание криминалистической экспертизы оружия и следов его применения** как судебно-экспертной отрасли знания. Ее структура и содержание видятся следующими.

I. Общие положения экспертизы, базирующиеся на данных экспертного учения об оружии и следах его применения и других элементах общей теории судебной экспертизы: основные используемые в экспертизе определения, термины, категории, в частности, понятие, предмет, объекты и задачи экспертизы, понятие и характеристика общего родового объекта экспертизы – оружия (его эволюция, общие признаки или критерии «оружейности», наличие естественных системных связей между видами оружия, его классификация и т. п.); структура экспертизы и ее место в системе судебных экспертиз; состояние, тенденции и пер-

спективы развития экспертизы; базовые методические положения экспертного изучения «оружейных» объектов (общие цели, принципы, средства, приемы, методы, методики (технологии) их исследования); техника безопасности при работе с оружием и боеприпасами и др.

II. Составляющие ее виды (разновидности) экспертиз, содержательная часть которых включает данные о научных и организационно-правовых основах отдельного вида (разновидности) экспертизы, ее конкретных объектах и методиках их экспертного исследования.

1. Судебно-баллистическая, то есть криминалистическая экспертиза огнестрельного, пневматического, ствольного газового оружия, конструктивно и (или) функционально подобных им устройств, а также следов их применения, в содержание которой целесообразно включить следующие вопросы: теоретические и организационно-правовые основы судебно-баллистической экспертизы, ее состояние, возможности и перспективы развития; понятие, классификация и материальная часть ручного стрелкового оружия и составляющих его огнестрельного, пневматического, ствольного газового оружия; боеприпасы (патроны, пули) к огнестрельному, газовому, пневматическому оружию, их понятие, классификация, устройство, а также методика экспертно-криминалистического исследования для установления вида, образца патронов, исправности и пригодности их к производству выстрелов; методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию; методики исследования состояния и боевых свойств огнестрельного оружия (установление его исправности, пригодности к стрельбе или производству отдельных выстрелов, возможности производства выстрела без нажатия на спуск, возможности ведения прицельных выстрелов, поражения цели на определенном расстоянии и др.); особенности экспертно-криминалистического исследования газового и пневматического оружия; самодельное огнестрельное

оружие (в том числе различные стреляющие устройства как основа изготовления самодельного огнестрельного оружия), его понятие, классификация, своеобразие конструкции и особенности экспертно-криминалистического исследования; механизм образования следов на гильзах и снарядах (пулях, картечи, дробь) и методики отождествления (в том числе и установления групповой принадлежности) огнестрельного оружия по следам на гильзах и снарядах; следы выстрела на пораженных преградах, оружии, стрелявшем и методики их экспертного исследования для установления различных обстоятельств происшествия (огнестрельного характера повреждения; модели, наличия глушителя и других характеристик применявшегося оружия; дистанции, направления, количества, очередности выстрелов и места нахождения стрелявшего; калибра снаряда, нанесшего повреждение; взаиморасположение стрелявшего и потерпевшего в момент выстрела и др.); возможности комплексных экспертных исследований в судебно-баллистической экспертизе для установления источника происхождения патронов, компонентов их снаряжения, деталей оружия и тому подобного; другие вопросы судебно-баллистической экспертизы.

2. Криминалистическая экспертиза холодного, метательного оружия, сходных с ним предметов, а также следов их применения, содержание которой составляли бы: теоретические и организационно-правовые основы экспертизы, ее состояние, возможности и перспективы развития; понятие, признаки, конструктивные особенности и классификация холодного и метательного оружия, криминалистические требования, предъявляемые к холодному и метательному оружию; сертификационные криминалистические испытания холодного, метательного оружия и предметов хозяйственно-бытового назначения, сходных с ним; следы применения холодного и метательного оружия; криминалистические и логические вопросы установления принад-

лежности предметов к холодному и метательному оружию; методики установления принадлежности объекта к холодному и метательному оружию; вопросы установления способа изготовления (переделки) холодного и метательного оружия; исследование состояния холодного и метательного оружия и определение его исправности и пригодности для целей нападения и защиты; экспертно-криминалистическое исследование следов применения холодного и метательного оружия и установление по ним его групповой принадлежности, конкретного экземпляра, а также обстоятельств применения оружия; возможности комплексных экспертных исследований в криминалистической экспертизе холодного и метательного оружия, следов его применения для решения различных задач; другие вопросы криминалистической экспертизы холодного, метательного оружия и следов его применения.

3. Взрывотехническая, то есть криминалистическая экспертиза минно-взрывного оружия и его основных компонентов (штатных боеприпасов взрывного действия, подрывных зарядов, самодельных взрывных устройств, взрывчатых веществ и проч.), а также следов их действия, содержательная часть которой могла бы быть представлена такими данными, как: теоретические и организационно-правовые основы экспертизы, ее состояние, возможности, тенденции развития; понятия боеприпасов, взрывных устройств, средств взрывания, взрывчатых веществ (в том числе конструктивно оформленных зарядов ВВ), их классификация и конструктивные особенности (для ВВ – свойства) с указанием характеризующих их справочных сведений; характеристика взрыва и его виды; следы применения минно-взрывного оружия и его составных компонентов; классификационные экспертные исследования минно-взрывного оружия, его составных компонентов, а также их частей (определение относимости объекта к взрывному устройству, средству взрывания, взрывчатому веществу и проч.); мето-

дики установления целого по частям минно-взрывного оружия (его составных компонентов) и определения их общей групповой принадлежности; диагностические взрывотехнические исследования минно-взрывного оружия (его частей) и следов его применения (установление конструкции, принципа действия, способа и места изготовления ВУ, обстоятельств его срабатывания и т. п.); методики восстановления (реконструкции) взорванного минно-взрывного оружия, его составных компонентов по их фрагментам; возможности комплексных экспертных исследований во взрывотехнической экспертизе; иные взрывотехнические исследования.

4. Основы криминалистической экспертизы индивидуального зажигательного оружия, подобных ему устройств, а также следов их применения, в содержание которой могли бы быть включены следующие вопросы: теоретические основы экспертизы, ее возможности и перспективы развития; понятие, классификация, конструктивные особенности и принцип действия индивидуального зажигательного оружия; следы применения зажигательного оружия и подобных ему устройств, механизм их образования; классификационные экспертные исследования зажигательного оружия и его частей (установление относимости объекта к зажигательному оружию и др.); исследования по установлению общей групповой принадлежности (общего источника происхождения) зажигательного оружия, его частей; диагностические экспертные исследования зажигательного оружия и следов его применения; возможности комплексных экспертных исследований в рассматриваемой экспертизе; иные вопросы экспертизы.

5. Основы экспертно-криминалистического исследования нетрадиционных (вновь появляющихся) видов оружия и следов их применения.

Судебно-баллистическая экспертиза и экспертиза холодного и метательного оружия в теории и практике судебно-экспертных исследований однозначно рассматривались

и рассматриваются в качестве самостоятельных видов криминалистической экспертизы. Разногласия возникли в основном в отношении перечня их объектов¹¹⁷.

В настоящее время остается дискуссионным вопрос о природе взрывотехнической экспертизы и ее месте в системе судебных экспертиз.

Считается, что зарождение взрывотехнической экспертизы происходило в недрах судебно-баллистической. С этого момента по сути и началась дискуссия о природе взрывотехнических исследований. Уже с начала становления этих исследований рядом авторов отрицалась их криминалистическая природа¹¹⁸. По мере формирования методик исследования взрывчатых веществ, взрывных устройств и следов их применения и становления самостоятельного направления судебно-экспертного исследования, выходящего за рамки судебно-баллистического, дискуссия приобрела более острый характер. Преобладавшая точка зрения на формирующийся вид экспертизы как разновидность судебно-технической подвергалась заслуженной критике. Наиболее активными оппонентами данной точки зрения и сторонниками криминалистического характера взрывотехнических исследований выступили Н. П. Ландышев, В. Н. Цветкова, А. Г. Ястребова, Е. Н. Тихонов¹¹⁹. В этой связи И. Д. Моторный пишет: «Эта позиция принимается научным сообщест-

вом. Но криминалистическая природа взрывотехнической экспертизы (экспертизы ВУ и следов взрыва) еще некоторое время подвергается обсуждению»¹²⁰.

В 1990-х годах криминалистический характер взрывотехнической экспертизы признается уже многими авторами¹²¹. Вместе с тем, существует мнение и о инженерно-техническом характере названной экспертизы¹²². При этом интересно отметить, что в одной из работ, подготовленной коллективом авторов (в том числе Р. С. Белкиным и Е. Р. Россинской как сторонниками инженерно-технической природы взрывотехнической экспертизы), последняя относится к роду новых криминалистических экспертиз¹²³.

Приведенные мнения различных авторов наглядно свидетельствуют о неоднозначности сегодняшнего решения вопроса о природе взрывотехнической экспертизы и ее месте в системе судебных экспертиз.

На наш взгляд, взрывотехнической экспертизе присуща криминалистическая природа и, соответственно, ее следует рассматривать, как уже было отмечено нами ранее, в качестве одного из видов криминалистических экспертиз. Ю. Г. Корухов совершенно справедливо относит ее к новым видам криминалистических экспертиз, которые сформировались в последние десятилетия¹²⁴.

¹¹⁷Подробнее об этом в следующем параграфе настоящей работы.

¹¹⁸См.: Расследование убийств, совершенных с применением взрывчатых веществ / Под ред. А. М. Ларина. – М.: Прокуратура СССР, 1975. С. 62–65; Винокуров С. Назначение судебно-технических экспертиз при расследовании преступного обращения со взрывчатыми материалами // Соц. Законность, 1976. № 8; Пантелеев И. Ф. Расследование и профилактика взрывов, пожаров, крушений и авиапроисшествий. – М.: Юрид. лит., 1975. С. 75–81 и др.

¹¹⁹См.: например: Цветкова В. Н., Ястребова А. Г. Методические рекомендации по осмотру места взрыва, организации и проведению взрывотехнической экспертизы (экспертизы остатков взрывных устройств и следов взрыва). – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1983; Тихонов Е. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 8–9.

¹²⁰Моторный И. Д. Указ. соч. С. 11.

¹²¹См., например: Криминалистика. Учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. – М.: Юристъ, 1999. С. 281 (автор параграфа – Н. П. Яблоков); Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина. – М., 1997. С. 161, 174–177 (автор раздела – Ю. Г. Корухов); Моторный И. Д. Указ. соч. С. 121; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 415.

¹²²См.: Белкин Р. С. Криминалистика. Учебный словарь-справочник. – М.: Юристъ, 1999. С. 26–27; Россинская Е. Р. Указ. соч., 1996. С. 162–167.

¹²³Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Указ. соч. С. 415.

¹²⁴Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Под ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина. – М., 1997. С. 161, 174–177.

Взрывотехническая экспертиза изначально формировалась как один из видов экспертно-криминалистического исследования, базирующегося, прежде всего, на положениях криминалистической техники и с традиционным представлением о криминалистическом характере объектов и задач формирующейся экспертизы. Другое дело, что в процессе дальнейшего становления взрывотехнической экспертизы все большее место при ее проведении начали занимать методы, заимствованные преимущественно из естественно-технических отраслей знания. Однако сам по себе этот факт, по нашему мнению, отнюдь не свидетельствует о необходимости отнесения взрывотехнической экспертизы к классу инженерно-технических. Объекты и задачи у нее остались прежними. Руководствоваться же «методным» принципом специализации при определении места взрывотехнической экспертизы в системе судебных экспертиз, на наш взгляд, неверно. В этой связи Т. В. Аверьянова правильно пишет: «Как представляется, в современных условиях подобная специализация лишена смысла. Объем знаний эксперта, даже постоянно занимающегося производством определенного вида, рода судебной экспертизы, предполагает в силу сложности многих решаемых при этом задач и профессиональное владение им разнообразными методами исследования (выделено мной. – В. Р.)»¹²⁵.

Таким образом, предложенный Т. В. Аверьяновой (в развитие идеи А. Р. Шляхова о «триедином» основании классификации судебных экспертиз) комплексный критерий для их разграничения, включающий в себя объекты, задачи экспертного исследования и традиционное представление об объектах и задачах определенного рода, вида экспертизы¹²⁶, на наш взгляд, свидетельствует о криминалистической природе взрывотехнической эксперти-

¹²⁵Аверьянова Т. В. Указ. соч., 1994. С. 114.

¹²⁶Там же, с. 113.

зы и необходимости отнесения ее к одному из видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения.

В современном перечне судебных экспертиз экспертизы зажигательного оружия, а также нетрадиционных (новых) видов оружия отсутствуют. В настоящее время можно вести речь лишь о создании научно-методических основ этих зарождающихся экспертиз с последующей разработкой на их базе системы конкретных методик экспертного исследования зажигательного оружия, а также некоторых образцов нетрадиционных видов оружия. Поначалу для этого потребуются, по крайней мере, проанализировать, обобщить и систематизировать уже частично имеющийся эмпирический и теоретический материал, прямо или косвенно относящийся к проблеме их экспертно-криминалистического исследования.

В одном из последующих параграфов предлагаемой работы мы попытаемся изложить свое видение этой проблемы.

§ 3. Объекты криминалистической экспертизы оружия и следов его применения

Каждому виду экспертизы, составляющему род криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, присущ свой круг объектов. Исходя из этого они могут быть классифицированы соответственно на объекты:

- судебно-баллистической экспертизы;
- криминалистической экспертизы холодного, метального оружия и следов его применения;
- взрывотехнической экспертизы;
- криминалистической экспертизы зажигательного оружия и следов его применения;
- криминалистической экспертизы новых (нетрадиционных) видов оружия и следов его применения.

Наиболее обширную группу составляют объекты судебно-баллистической экспертизы. Ранее уже отмечалось, что с развитием данной экспертизы постоянно расширялся и круг ее объектов, прежде всего, за счет появления в экспертной практике новых видов оружия и стреляющих устройств, у которых наблюдалась конструктивная близость к огнестрельному оружию как типичному судебно-баллистическому объекту. А, как известно, при появлении новых объектов или их существенном качественном изменении в теории и практике любого вида судебной экспертизы всегда возникает проблема достаточности специальных знаний и, соответственно, компетенции эксперта, исследующего эти объекты. Поэтому вполне закономерным для данной ситуации был вопрос: достаточно ли специальных знаний специалиста (эксперта) – баллиста для исследования этих новых для экспертной практики объектов или же здесь нужны специалисты совершенно иного профиля? Особенно остро этот вопрос встал с появлением в экспертной практике ствольного газового оружия.

Очевидно, что образцы огнестрельного, ствольного газового и пневматического оружия характеризуются конструктивным и функциональным подобием друг другу. Так, все они имеют общую целевую предназначенность – стойкое или временное поражение цели, в том числе и живой, заключающееся в лишении «возможности организма человека или иного живого объекта выполнять определенные функции в результате воздействия на его телесную оболочку или внутренние органы»¹²⁷. Целевая предназначенность всегда реализуется в определенной конструкции объекта. Поэтому общая целевая предназначенность огнестрельного, ствольного газового и пневматического оружия предопределяет и их общую конструкцию. Так, практически все образцы ствольного газового и газобаллонного оружия из-

¹²⁷Зырянов В. Ю. Указ. соч., 1996. С. 9

готавливаются в соответствии с определенными моделями огнестрельного.

Различные стреляющие устройства как объекты судебно-баллистического исследования, имея общие с огнестрельным оружием конструктивные и функциональные признаки, как правило, служат лишь основой для изготовления последнего и в «чистом виде» обычно не исследуются.

Таким образом, на наш взгляд, вполне логичен вывод о том, что на основе специальных знаний специалиста (эксперта) – баллиста наряду с огнестрельным оружием могут исследоваться и объекты, имеющие подобную ему конструкцию и принцип действия.

Такой точки зрения придерживается подавляющее большинство ученых и практиков. И в этом плане диссонансом звучали слова В. Ю. Владимирова о том, что «эксперты-баллисты, считая ствольное газовое оружие своим объектом, явно выходят за рамки своей компетенции, что, согласно статье 67 УПК РСФСР, является основанием для отвода эксперта»¹²⁸. Исходя из утверждения названного автора получается, что не остается ничего другого, как создавать учение о газовом оружии и на его основе формировать новый вид экспертизы и соответственно нового субъекта-носителя специальных знаний, компетентного проводить исследование ствольного газового оружия.

Конструктивная близость огнестрельного, газового и пневматического оружия подтверждается также «Европейской рамочной конвенцией о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами» от 28 июня 1978 года. Более того, названная Конвенция в понятие огнестрельного оружия включает пневматическое и газовое. В частности, в приложении к ней говорится: «Для целей настоящей Конвенции термин "огнестрельное оружие" означает: 1. Любой предмет, изготовленный и при-

¹²⁸Владимиров В. Ю. Указ. соч. С. 9.

способленный в качестве оружия, из которого могут быть выпущены свинец, пуля или другой снаряд или вредоносное газовое, жидкое или иное вещество с помощью взрывного, газового или воздушного давления или других способов, и соответствующий одному из перечисленных ниже описаний:

<...>

- любое оружие или иное устройство, представляющее опасность для жизни или здоровья людей посредством выброса веществ, токсичных, едких или одурманивающих;
- длинноствольное оружие с использованием газа для выброса заряда;
- короткоствольное оружие с использованием газа для выброса заряда;
- длинноствольное, пневматическое оружие;
- короткоствольное, пневматическое оружие...»¹²⁹.

Представляется, что с учетом происшедших в «объектной» области судебно-баллистической экспертизы процессов интеграции (отмеченных выше) и дифференциации (выделением ранее из судебно-баллистической экспертизы взрывотехнической), а также с началом формирования новых, предложенных нами направлений экспертных исследований оружия и следов его применения (экспертиз зажигательного оружия, новых (нетрадиционных) видов оружия) судебно-баллистическая экспертиза будет «разгружена» от несвойственных ей объектов. Например, к таковым мы относим огнеметы и различные пиротехнические средства (40 и 30-мм отечественные реактивные осветительные патроны увеличенной дальности; 30-мм отечественные реактивные сигнальные патроны различных огней (дымов); наземные сигнальные патроны (пусковые устройства с патро-

нами) различных огней (дымов) и т. п.), которые, конечно же, должны рассматриваться в качестве объектов криминалистической экспертизы зажигательного оружия, подобных ему устройств и следов их применения. Очевидно, постоянно действующая тенденция количественного и качественного изменения объектов судебной экспертизы будет вынуждать нас систематически производить их «ревизию».

С учетом современного уровня развития судебно-баллистической экспертизы круг ее объектов представляется следующим:

- стрелковое огнестрельное оружие заводского, кустарного и самодельного изготовления, его части, принадлежности, заготовки, схемы, чертежи, фотоснимки;
- боеприпасы к стрелковому огнестрельному оружию, их части и компоненты снаряжения;
- объекты, конструктивно и (или) функционально подобные огнестрельному оружию, и патроны к ним: разного рода стреляющие устройства, могущие использоваться в качестве огнестрельного оружия (ракетницы, строительномонтажные пистолеты, устройства для забоя скота и т. п.); объекты, имитирующие огнестрельное оружие, но не пригодные для нанесения огнестрельных повреждений (стартовые или сигнальные пистолеты и револьверы, муляжи, макеты, игрушки и т. п.);
- ствольное газовое (газово-шумовое, газово-сигнальное, комбинированное, то есть газово-огнестрельное) и пневматическое (газобаллонное) оружие, патроны (снаряды) к нему, их части и компоненты снаряжения;
- следы выстрела на стреляных гильзах, снарядах (пулях, картечи, дробы), иных частях (компонентах) боеприпасов, пораженных преградах, оружии, стрелявшем, окружающей обстановке;
- инструменты, приборы, используемые для изготовления (ремонта) оружия, патронов, снаряжения боеприпа-

¹²⁹Европейская рамочная Конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами (СЕД № 101). Страсбург, 28 июня 1978 г. а.

сов, а также их следы на перечисленных судебно-баллистических объектах;

– материалы, применяемые для изготовления оружия, патронов и их составных компонентов (например, пуль, картечи, дроби, пыжей, прокладок и т. п.);

– материалы уголовного дела (протоколы осмотра места происшествия и фотоснимки к ним; заключения судебно-медицинского эксперта по результатам исследования трупа с огнестрельными повреждениями и др.);

– материальная обстановка места происшествия (как правило, в случаях установления направления выстрела и места нахождения стрелявшего).

В редких случаях объектами судебно-баллистической экспертизы могут быть гранатометы (подствольные и иные), а также другие образцы огнестрельного оружия, не относящиеся к стрелковому.

Естественно, указанный перечень объектов не может быть исчерпывающим и находится в состоянии «подвижности» в зависимости от достижений науки и техники.

Применительно к криминалистической экспертизе холодного (метательного) оружия спорным является вопрос отнесения к числу ее объектов следов применения холодного оружия. Здесь обозначились, в принципе, две точки зрения. Согласно первой, следы применения холодного оружия, а также некоторых образцов метательного оружия должны рассматриваться в рамках трасологии и соответственно трасологической экспертизы¹³⁰. Вторая точка зрения наиболее убедительно отстаивается А. С. Подшибяки-

ным¹³¹. В частности, он считает, что следы применения¹³² холодного оружия должны «изучаться в криминалистическом учении о холодном оружии»¹³³. Однако в разделе монографии, посвященном экспертному исследованию холодного оружия, А. С. Подшибякин ограничивается лишь вопросами исследования названного вида оружия, не касаясь следов его применения¹³⁴. Такая позиция представляется непоследовательной. На наш взгляд, вполне логично рассматривать в рамках названного экспертного исследования также и следы применения холодного оружия. Тем более что в этом плане А. С. Подшибякин, по нашему мнению, совершенно справедливо отрицая возможность включения следов применения холодного оружия в трасологию, приводит достаточно убедительный аргумент: «Следы оружия на пуле и гильзе тоже исследуются методами трасологии, но большинство криминалистов не выступает за исключение этого материала из криминалистической баллистики»¹³⁵. Действительно, если исходить из подобной посылки, то, в принципе, следы применения любого оружия необходимо рассматривать в рамках трасологической экспертизы. Не отрицая, что судебно-трасологическая отрасль знания применительно к экспертному исследованию следов применения оружия (в частности, холодного, метательного, огнестрельного и др.) является смежной наукой, мы все же предлагаем исходить здесь, прежде всего, из специфики этих следов. А специфика данных следов, как свидетельствует экспертная практика, предполагает исследовать их в рамках той экспертизы, объектами которой являются предметы, оставившие эти следы, то есть оружие. На наш

¹³⁰См., например: Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А. Экспертизы на предварительном следствии. – М.: Юрид. лит., 1967. С. 78–79; Дьяконов П. Экспертиза холодного оружия // Соц. Законность, 1982. № 9. С. 45; Тихонов Е. Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия. Учеб. пособие. – Барнаул, 1987. С. 16–17; Соколов Л. Ф. Уголовный закон об оружии. Учеб. пособие. – Омск: ОВШМ МВД СССР, 1976. С. 11; Холодное оружие и бытовые ножи / Под общ. ред. А. И. Устинова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1978. С. 116–119; Шляхов А. Р. Указ. соч., 1979. С. 21 и др.

¹³¹См.: Подшибякин А. С. Указ. соч., 1980. С. 58–63; Указ. соч., 1997. С. 18–20 и др.

¹³²А. С. Подшибякин выделяет также следы владения и пользования холодным оружием (см.: Подшибякин А. С. Указ. соч., 1997. С. 61–65).

¹³³Там же. С. 19.

¹³⁴Там же. С. 141–159.

¹³⁵Там же. С. 19–20.

взгляд, положение, при котором слеодообразующие объекты изучаются в рамках одной **традиционной криминалистической экспертизы**, а следы, оставленные ими, – в рамках другой, **тоже традиционной криминалистической экспертизы**, вряд ли можно считать нормальным и эффективным для практики экспертного исследования названных следов (естественно, речь не идет о следах на теле человека, являющихся объектом судебно-медицинской экспертизы). Нет необходимости доказывать, что эффективное исследование следов невозможно без изучения механизма слеодообразования, которое может быть успешным лишь при **максимуме сведений о слеодообразующем объекте (в данном случае – оружии)**. А такие сведения, как известно, содержатся в учении об оружии и следах его применения и базирующейся на нем соответствующей судебно-экспертной отрасли знания. Поэтому вполне логично следы применения оружия рассматривать в совокупности с ним и в рамках той экспертизы, объектом которой оно является.

Исходя из изложенной позиции в круг объектов современной криминалистической экспертизы холодного, метательного оружия, сходных с ним предметов, а также следов его применения можно включить:

- холодное и метательное оружие заводского, кустарного и самодельного изготовления, его части, принадлежности, заготовки, чертежи, схемы, фотоснимки;
- снаряды (метаемое снаряжение) к метательному оружию (стрелы, болты и т. п.), их части;
- сходные с холодным и метательным оружием предметы: различные предметы хозяйственно-бытового и производственного назначения, используемые для нанесения повреждений (кухонные, разделочные и тому подобные ножи; спортивные снаряды для фехтования; напильники; шило; цепи; бейсбольные биты и др.); сувениры, муляжи, макеты, игрушки, имитирующие холодное и метательное оружие и проч.;

- инструменты, приборы, используемые для изготовления, ремонта холодного и метательного оружия, а также их следы на оружии;

- материалы, применяемые для изготовления холодного и метательного оружия;

- следы применения холодного и метательного оружия на пораженных преградах (обычно это повреждения на одежде);

- следы определенных частей метательного оружия на применявшихся для стрельбы из него снарядах (метаемом снаряжении);

- материалы уголовного дела, относящиеся к предмету экспертизы (в основном это заключение судебно-медицинского эксперта по результатам исследования повреждений на теле трупа, нанесенных холодным либо метательным оружием) и др.

К объектам взрывотехнической экспертизы можно отнести:

- различные образцы минно-взрывного оружия заводского, кустарного и самодельного изготовления, его части, детали, заготовки: штатные боеприпасы взрывного действия (инженерные мины: противопехотные, противотанковые, объектные и т. п.; ручные гранаты: Ф-1, РГ-42, РГД-5, РГО, РГН и др.; гранатометные выстрелы: ВОГ-17, ВОГ-25, ПГ-26 и т. д.); заряды разминирования; подрывные заряды; самодельные взрывные устройства; средства взрывания: капсули-детонаторы, электродетонаторы, запалы, зажигательные трубки и проч.; средства передачи инициирующего импульса: огнепроводные и детонирующие шнуры, зажигательные фитили, стопин; промежуточные детонаторы; замедлители, датчики цели, корпуса и т. п.;

- взрывчатые вещества (в том числе конструктивно оформленные заряды ВВ): литые и прессованные шашки, брикеты, насыпные патроны, самодельные взрывчатые смеси, взрывоспособные вещества и смеси, их компоненты;

- документы, фиксирующие изображение либо сведения о минно-взрывном оружии, его составных частях и взрывчатых веществах, смесях (фотоснимки, чертежи, эскизы, схемы, описания, рецепты изготовления ВУ и ВВ и т. д.);

- устройства и предметы, имитирующие минно-взрывное оружие и его составные части;

- инструменты, приборы, оборудование, использовавшиеся для изготовления минно-взрывного оружия, его составных частей и взрывчатых веществ, а также следы их контактного взаимодействия друг с другом;

- материалы, вещества, изделия, применявшиеся для изготовления минно-взрывного оружия, его составных частей, взрывчатых веществ;

- следы применения минно-взрывного оружия, его составных частей, взрывчатых веществ: остатки и фрагменты взорванного минно-взрывного оружия или его составных частей; не прореагировавшие частицы ВВ и продукты взрыва; следы воздействия взрыва на предметах окружающей обстановки; травмы на теле человека и животных и т. п.;

- материалы уголовного дела, имеющие отношение к предмету экспертизы;

- материальную обстановку места взрыва и др.

Круг объектов формирующейся криминалистической экспертизы зажигательного оружия нам видится следующим:

- различные образцы ручных стреляющих (пучковых) комплексов (устройств) направленного термического действия с зажигательными боеприпасами (веществами) к ним заводского, кустарного и самодельного изготовления, их части, детали, заготовки: ранцевые и реактивные огнеметы (РПО «Шмель», моделей А ЗБ РПО «Рысь» и т. п.), гранатометы с зажигательными гранатами, зажигательные артиллерийские снаряды, мины и др.;

- заводские, кустарные и самодельные образцы автономных зажигательных боеприпасов (устройств): зажига-

тельные фугасы, мины, ручные зажигательные гранаты, бутылки с зажигательной смесью и т. п.;

- конструктивно оформленные заряды зажигательных веществ со средствами инициирования: термитные шашки, шары, пакеты и т. п.;

- графические и иные документы, фиксирующие изображение либо сведения о зажигательном оружии (фотоснимки, чертежи, схемы, эскизы, описания и др.);

- устройства и предметы, имитирующие зажигательное оружие;

- инструменты, приборы, оборудование, а также материалы, вещества, изделия, использовавшиеся или применявшиеся для изготовления зажигательного оружия или его составных частей;

- следы применения зажигательного оружия;

- материалы уголовного дела, относящиеся к предмету экспертизы и др.

Поскольку становление криминалистической экспертизы новых (нетрадиционных) видов оружия находится в самой начальной стадии, круг ее предполагаемых объектов может быть назван лишь ориентировочно. Так, из нетрадиционных видов оружия, которые должны стать объектами названной экспертизы, в настоящее время в экспертной практике встречаются в основном электрошокеры и искровые разрядники.

Общим (родовым) объектом для всех названных видов экспертиз, составляющих род криминалистической экспертизы (то есть экспертизы оружия и следов его применения), является оружие как самостоятельная категория. Поэтому остановимся на его более детальном рассмотрении.

Как известно, при производстве криминалистической экспертизы оружия и следов его применения в качестве объектов исследования представляется достаточно широкий круг различных предметов и устройств. Однако не каждый такой предмет либо устройство может считаться

оружием и соответственно быть объектом названной экспертизы. Поэтому для определения родового объекта экспертизы принципиально важное значение имеет решение, как минимум, двух вопросов: что в принципе считать оружием в криминалистической экспертизе и любое ли оружие может быть объектом экспертизы. Причем эти вопросы взаимосвязаны друг с другом. От решения одного из них зависит решение другого.

Исторически сложилось так, что создаваемое человеком оружие с течением времени начинало использоваться не в соответствии с теми целями, с которыми оно изначально задумывалось (например, в военных, охотничьих, спортивных и других целях). Определенные виды и образцы постоянно создающегося и обновляющегося оружия стали активно применяться для совершения преступлений и, соответственно, представлять собой объекты экспертно-криминалистического исследования.

Современный арсенал вооружений, накопленный человеком в течение длительного времени, включает в себя большой ассортимент различных видов оружия, начиная от исторически первых – холодного, метательного, и заканчивая современными средствами массового поражения – ядерным, химическим, биологическим и другим оружием.

Однако не все виды и образцы оружия, составляющие современный арсенал вооружения, используются в преступных целях. Многолетняя практика борьбы с преступностью показывает, что из всего существующего сегодня многообразия оружия в криминальных целях, за редким исключением, используется лишь индивидуальное оружие¹³⁶.

¹³⁶По основным отличительным характеристикам военные специалисты подразделяют современное оружие на различные группы, в частности, по количеству обслуживающего персонала они различают индивидуальное и групповое оружие (См.: Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Воениздат, 1986. С. 522).

Прежде всего, это обусловлено его портативностью, маневренностью, относительной простотой конструкции и, как правило, большей доступностью в плане приобретения либо изготовления, а также возможностью его скрытого хранения, ношения и применения.

Индивидуальное оружие иногда называют оружием индивидуального применения, что, в принципе, одно и то же¹³⁷. В конце XIX – начале XX века оно составляло основную массу вооружения. В дореволюционной России индивидуальное оружие отождествлялось с ручным, и в системе военной подготовки преподавался «Курс ручного оружия»¹³⁸.

В настоящее время систему индивидуального оружия составляют, прежде всего, такие исторически сложившиеся виды оружия (то есть традиционные), как холодное, метательное, огнестрельное, пневматическое, минно-взрывное, зажигательное. В экспертной практике перечисленные виды оружия встречаются как заводского изготовления, так и самодельного. Например, на экспертно-криминалистическое исследование в ЭКП МВД России поступает в среднем около 67 % заводского и 33 % самодельного (включая обрезы) огнестрельного оружия.

С развитием науки и техники, открытием новых источников энергии становится возможным создание принципиально иных видов оружия. В последние десятилетия в перечень современного вооружения наряду с традиционным оружием вошли и некоторые новые (нетрадиционные) виды оружия, включая оружие массового поражения. В частности, список разновидностей индивидуального оружия (в том числе используемого в преступных целях)

¹³⁷Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. – М.: ООО «НИПКЦ ВОСХОД», 1999. С. 323.

¹³⁸См., например, Потоцкий Н., Юрлов В. Курс ручного оружия. – СПб, 1905; Будаевский И. Курс ручного оружия. – СПб, 1910; Федоров В. Курс ручного оружия. – СПб, 1912.

пополнился и продолжает пополняться сравнительно недавно появившимся газовым и электрическим (электрошоковые устройства и искровые разрядники) оружием. Причем этот список не является исчерпывающим, и вскоре в него могут войти, например, лазерное и электромагнитное оружие, которое, несомненно, будет применяться при совершении преступлений и явится объектом экспертного исследования.

В целом, отечественная и зарубежная статистика, отражающая состояние и уровень вооруженной преступности в обществе, отмечает тенденцию к постоянному расширению круга оружия (включая нетрадиционное оружие и оружие массового поражения), применяемого в криминальных целях.

С появлением новых видов оружия и вовлечением его в незаконный оборот в теории и практике криминалистической экспертизы еще актуальнее становится вопрос о том, что считать оружием.

Как известно, оружие может изучаться представителями различных отраслей знания (военными специалистами, криминалистами, правоведами и др.). При этом в содержание понятия оружия представители разных отраслей знания вкладывают свой специфический смысл, обусловленный, прежде всего, стоящими перед ними целями и задачами изучения оружия. Так, у военных специалистов эти цели и задачи определяются потребностями эффективной вооруженной борьбы, а у криминалистов (включая экспертов-криминалистов) – потребностями практики раскрытия и расследования преступлений, связанных с оружием. Очевидно, что не может быть и единого, удовлетворяющего всех понятия оружия. Поэтому В. М. Плескачевский совершенно справедливо, на наш взгляд, выделил понятие оружия в криминалистике. Конечно, такой «отраслевой» подход к пониманию оружия не означает, что при формировании его понятия не должны учитываться те или иные

положения из той суммы знаний об оружии, которые накоплены в других отраслях, например, у военных специалистов. Думается, что подобный принцип должен соблюдаться при формулировании понятия оружия как самостоятельной категории, так и его отдельных видов и разновидностей. В этом отношении, на наш взгляд, заслуживает внимания мнение А. С. Сенцова и О. А. Мокринского о том, «что одним из перспективных направлений в исследовании и научной проработке понятия огнестрельного оружия является комплексное изучение особенностей его содержания на основе достижений двух наук: уголовного права и криминалистики, – путем объединения усилий специалистов в этих двух отраслях знаний»¹³⁹.

В разработку понятия оружия в криминалистике наиболее заметный вклад внес В. М. Плескачевский. В частности, он определяет его как «материальное средство индивидуального применения, конструктивно и функционально предназначенное для нанесения летальных повреждений человеку или животному, а также специального разрушения преград»¹⁴⁰. Отмечая несомненные достоинства предложенного В. М. Плескачевским понятия оружия в криминалистике, следует заметить, что одна из его посылок, на наш взгляд, неоспорима. Речь идет об ограничении автором в определении оружия его поражающего действия летальным исходом. Однако, несмотря на то что В. М. Плескачевским в понятие оружия включается такой его признак, как конструктивная и функциональная предназначенность для нанесения летального поражения человеку или животному, он, в принципе, допускает и возможность причинения оружием несмертельных повреждений. На наш взгляд, автор

¹³⁹Сенцов А. С., Мокринский О. А. Огнестрельное оружие как предмет контрабанды: уголовно-правовой и криминалистический аспекты // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всерос. «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. материалов – Ростов-на-Дону, 2002. С. 254.

¹⁴⁰Плескачевский В. М. Указ соч. С. 323.

совершенно справедливо отмечает: «Очевидно, требуют специального осмысления по материалам исследований конкретных объектов такое поражающее действие, как нанесение полной, необратимой слепоты лазерным лучом, или же стойкая, серьезная душевная болезнь в результате действия ультразвука или психотропных химических веществ. Очевидно, объекты, способные наносить повреждения такой степени, должны быть также признаны оружием»¹⁴¹. С учетом сделанного В. М. Плескачевским пояснения мы полностью разделяем его мнение о том, что «очевидно, это определение оружия не может претендовать на окончательную сформулированность, но в настоящее время может использоваться в криминалистике в качестве рабочего инструмента»¹⁴².

В развитие мысли В. М. Плескачевского о необходимости дальнейшего совершенствования понятия оружия в криминалистике попытаемся изложить свое видение этой проблемы.

Прежде всего требуется уточнение в определении поражающей способности объекта, по которой он будет признаваться или не признаваться оружием в криминалистике. Очевидно, что эту способность нельзя ограничивать лишь летальными повреждениями.

Аналогичного мнения придерживаются и другие авторы. Так, Д. А. Корецкий, полемизируя с В. М. Плескачевским, который предлагает аэрозольные упаковки и газосигнальные пистолеты и револьверы не считать оружием, справедливо, на наш взгляд, возражает ему. «Исходя из традиционного понимания оружия как средства причинения смерти или тяжкого вреда здоровью с таким подходом можно было бы согласиться. Однако он игнорирует юридическую реальность и умножает число сущностей, подлежащих правовому объяснению: какие последствия порождает

этот незаконный оборот "боевых химических средств борьбы с беспорядками", какая норма уголовного или административного закона распространяется на эти средства...»¹⁴³.

О необходимости расширительного толкования поражения как признака отнесения объекта к категории оружия говорит и А. В. Семенов. В частности, он пишет: «Считаем, что в настоящее время не обязателен летальный исход в результате получения поражения. Достаточно нанести такое телесное повреждение человеку, чтобы он лишь на время потерял ориентацию в окружающей его обстановке и этого времени достаточно для достижения цели (нападения или обороны)»¹⁴⁴.

На наш взгляд, в криминалистике (в том числе и в криминалистической экспертизе) оружием должны считаться такие устройства, предметы (материальные средства) индивидуального применения, которые конструктивно и функционально предназначены для причинения, в частности, живой цели, не только летальных, но и не смертельных повреждений. В подтверждение изложенного тезиса приведем следующие доводы.

1. Традиционные виды оружия, изначально создаваемые для причинения летальных поражений, в принципе, обладают потенциальной способностью наносить и не смертельные повреждения и при определенных условиях могут рассматриваться в качестве «нелетального» оружия. Все зависит от целей и обстоятельств их применения. Так, в одном и том же экземпляре огнестрельного оружия возможно применение боеприпасов и патронов травматического действия. Однако от этого оно не перестает быть ору-

¹⁴¹ Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 324.

¹⁴² Там же. С. 324.

¹⁴³ Корецкий Д. А. Указ. соч., 2002. С. 402.

¹⁴⁴ Семенов А. В. Поражение как признак отнесения объектов к категории оружия // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всерос. «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. материалов – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 438.

жием в криминалистике и, в частности, объектом экспертно-криминалистического исследования.

2. Отдельные исторически сложившиеся виды оружия, в частности, пневматическое, вначале задумывалось и создавалось как оружие летального действия, но в дальнейшем, ввиду бурного развития огнестрельного оружия и «неконкурентоспособности» с последним, пошло по пути развития как спортивного оружия и оружия самообороны, конструктивно не предназначенного для причинения летальных повреждений. Однако независимо от этого оно традиционно рассматривается в криминалистике и криминалистической экспертизе в качестве оружия.

3. Некоторые новые (нетрадиционные) виды оружия, в частности, газовое, являющееся достаточно распространенным объектом экспертно-криминалистического исследования и конструктивно не предназначенное для причинения летальных повреждений, на законодательном уровне признаны оружием¹⁴⁵, и не считаться с подобными реалиями в экспертно-криминалистической практике было бы ошибочным.

4. С учетом ранее отмеченной тенденции развития современного оружия (постепенное увеличение доли новых видов оружия в имеющемся сегодня арсенале вооружения) становится все очевидней перспектива широкого использования преступным элементом при совершении правонарушений новых (нетрадиционных) видов оружия, основанных на иных, чем у традиционного оружия, принципах поражающего действия, но также позволяющих эффективно достигать целей нападения (активной защиты). Не замечать, что подобные объекты относятся к источникам повышенной опасности (иногда в меньшей степени, чем некоторые образцы традиционного оружия) и отказывать им в «праве» быть оружием было бы также ошибочным.

¹⁴⁵См.: Закон Российской Федерации «Об оружии» от 13.11.1996 г.

С расширением границ поражающей способности объектов, признаваемых оружием, естественно, возникает вопрос о ее нижнем пределе. Возможно ли определить четкую, вполне конкретную величину (например, математическую) нижнего предела поражающей способности оружия в криминалистике и криминалистической экспертизе? Учитывая конструктивное многообразие оружия, используемого в преступных целях, и постоянное расширение его круга за счет перманентно возникающих новых (нетрадиционных) видов, думается, что нет. На наш взгляд, указанный предел поражения может быть определен лишь в самом общем виде и обязательно должен соотноситься с расстройством здоровья (стойким или временным). При этом степень расстройства здоровья должна быть такой, чтобы обеспечивалось достижение целей нападения или активной защиты (вооруженной борьбы).

По нашему мнению, конкретная величина нижнего предела поражения должна устанавливаться применительно к каждому отдельному виду оружия исходя из специфики его конструктивного или функционального действия. Попытки однозначного отнесения активно создаваемых в последнее время и используемых в практике правоохранительных органов средств поражения к специальным средствам, несмотря на то что некоторые из них вполне могут быть отнесены к оружию, представляются нам ошибочными. На наш взгляд, подобное во многом является следствием порочной советской практики распространения правового режима регулирования на средства поражения исходя лишь из идеологических пристрастий государства, без строгого научного подхода, в том числе и к оценке их поражающих характеристик. И здесь весьма примечательно, что начало разрушению такой порочной практики было положено Федеральным законом РФ «Об оружии», который, как правильно заметил Д. А. Корецкий, «вместо термина "специальные средства самооборо-

ны" ввел понятие "гражданского оружия самообороны", стерев тем самым грань между понятиями спецсредств самообороны и оружием»¹⁴⁶.

На наш взгляд, своеобразной разделительной чертой между оружием и специальными средствами (имеются в виду средства активной обороны и средства обеспечения специальных операций¹⁴⁷) должно стать их различное целевое назначение. Так, у оружия (применительно к живой цели – человеку) целевое назначение заключается в конструктивной или функциональной предназначенности для его поражения, которое должно быть обязательно связано с расстройством здоровья (стойким или временным), обеспечивающим при этом достижение целей нападения и активной обороны (вооруженной борьбы). У названных же специальных средств оно несколько иное: конструктивная или функциональная предназначенность для такого воздействия на человека, которое препятствует совершению им активных целенаправленных действий и при этом не связано с расстройством здоровья.

Итак, с учетом изложенного под оружием как объектом экспертно-криминалистического исследования нужно понимать такие устройства и предметы (материальные средства) индивидуального применения, которые конструктивно и функционально предназначены для поражения живой или иной цели, способного приводить к нарушению целостности объекта поражения (в том числе до прекращения существования) либо стойкому или временному расстройству его функций и обеспечивать тем самым достижение целей нападения и активной обороны (вооруженной борьбы).

Определившись с понятием оружия, дадим краткую характеристику (с отражением историко-правового аспек-

та) наиболее распространенных «оружейных» объектов экспертно-криминалистического исследования.

Очевидно, что из существующего в настоящее время многообразия оружия в криминальных целях раньше всех стало применяться **холодное оружие** как наиболее древнее по возникновению. Его становление происходило параллельно с метательным оружием, метаемым непосредственно рукой человека.

Холодное оружие представлено тремя основными ветвями: клинковым (с рукоятью, древком и устройством для крепления к стволу), неклинковым (ударно-раздробляющим) и комбинированным.

Использованию в оружейном деле металла предшествовал длительный период совершенствования уже известных человеку образцов холодного оружия из камня, кости, дерева. Этот временной промежуток, разделяющий каменный и бронзовый века, принято называть эпохой шлифованного камня.

Совершенствование холодного оружия осуществлялось по мере роста общего уровня производства, который характеризовался, прежде всего, использовавшимися для изготовления оружия материалами и умением их обработки. При этом качественные характеристики оружия определялись в основном потребностями военного дела. Конечно, на развитие холодного оружия значительное влияние оказывали социальный, региональный и национальный факторы. В целом, эти составляющие определяли «стратегию» развития и совершенствования холодного оружия, сказываясь, как на выборе соответствующего материала для изготовления оружия, так и на специализации его производства. Стало изготавливаться специализированное военное оружие, чем было положено начало новому этапу истории оружия (бронзовые, а позднее железные мечи, топоры,кинжалы, копьа и др.)¹⁴⁸. Военный опыт, в свою очередь, оказал

¹⁴⁶Корецкий Д. А. Указ. соч., 2002. С. 402.

¹⁴⁷См.: Спецсредства. Учеб. пособие. – М., 1991. С. 3.

¹⁴⁸Советская военная энциклопедия. Т. 6. – М.: Воениздат, 1978. С. 124.

влияние на преимущественный выбор вида оружия для ведения боевых действий.

Становление клинкового холодного оружия с рукоятью, вероятнее всего, началось с развития и совершенствования «первоножа» – острого скола (ножевидного отщепы) камня.

Постепенно развитие технологии приводит к созданию большого разнообразия универсальных ножей различных типов, многие из которых трансформируются в боевые¹⁴⁹.

Безусловно, первые ножи создавались человеком для охотничьих и хозяйственно-бытовых целей. Позднее, спустя столетия, они положат начало боевому клинковому оружию с рукоятью. В целом, в развитии и совершенствовании ножей прослеживается три основных направления: хозяйственно-бытовое, охотничье и военное (боевое).

Из всего многообразия ножей к холодному оружию относятся лишь боевые и определенная часть охотничьих¹⁵⁰.

Ножи дали толчок развитию и становлению других разновидностей коротко- и среднеклинкового холодного оружия: кинжалов, стилетов, кортиков, тесаков, штыков и штык-ножей.

Раньше всех как оружие начал употребляться кинжал. Он берет свое начало с неолитического периода¹⁵¹.

Тенденция к усилению поражающей мощи коротко- и среднеклинкового холодного оружия привела к созданию длинноклинкового оружия: мечей, шпаг, палашей, сабель, ятаганов, пашек.

Из всех названных разновидностей длинноклинкового холодного оружия первым появился меч (примерно в середине второго тысячелетия до нашей эры). Первые его об-

¹⁴⁹Асмолов К. В. История холодного оружия. Восток и Запад. Ч. 1. – М.: Здоровье народа, 1993. С. 168.

¹⁵⁰Сумарока А. М., Стальмахов А. В., Егоров А. Г. Холодное и метательное оружие: криминалистическая экспертиза. Учебник / Под ред. А. Г. Егорова. – Саратов: СЮИ МВД России, 2000. С. 38.

¹⁵¹Асмолов К. В. Указ. соч. С. 169; Горелик Н. В. Указ. соч. С. 15–27.

разцы имели тупой конец и были чисто рубящим холодным оружием. В колюще-рубящее холодное оружие меч превратился с появлением металлических защитных доспехов.

Даже утратив свое боевое назначение, меч еще длительное время производился с некоторыми, больше декоративными, чем конструктивными, изменениями в Германии, Италии и других странах мира как охотничье оружие – охотничий меч, который впоследствии был преобразован в охотничьи тесаки и ножи¹⁵².

Меч явился «прародителем» всех остальных разновидностей длинноклинкового холодного оружия. Прямыми «наследниками» мечей следует считать шпаги и рапиры.

Вероятно, первым шагом первобытного человека к дистанционному поражению животного была попытка, с одной стороны, удлинения руки с помощью палки, с другой, – утяжеления и упрочения одного из ее концов с использованием камня. Это положило начало развитию клинкового холодного оружия с древком и ударно-раздробляющего холодного оружия, а также становлению метательного. Первыми их образцами были копье, дубина и топор. Последний многократно усилил мощь рода и перевел вооруженность человека на качественно иной уровень¹⁵³. Со временем эти образцы начали делаться не только в расчете на непосредственное поражение животного (человека), но и для метания в цель. Появляются соответственно метательное копье (дрот, сулица, фремея, пилум и другие разновидности), метательная палица (булава), топоры (томагавки и т. п.).

Становление другой самостоятельной ветви холодного оружия – неклинкового (ударно-раздробляющего) – происходило параллельно с клинковым. Ударно-раздробляющее холодное оружие конструктивно произошло от тол-

¹⁵²Schobel I Lagdaffen und lagdgerat Historischen Museums zu Dresden. – Berlin: Militarverlag der DDR (VEB), 1976. S. 20–58.

¹⁵³Корешкий Д. Оружие: правовой режим. – Ростов-на-Дону: «Молот», 1995. С. 22.

стой палки (ветки, корневища и т. п.) и камня, в процессе дальнейшего приспособления и развития которых сформировались три конструктивные группы названного оружия:

1) с жестким соединительным элементом (стерженьем) между рукоятью и ударной частью: дубины (дубинки), палицы, булавы, перначи, шестоперы, тонфы;

2) с гибким соединительным элементом (подвесом) между рукоятью (петлей) и ударной частью: кистени, боевые бичи, нунчаки;

3) без соединительного элемента, помещающиеся непосредственно на кисть руки: кастеты, явары, наладонники, битки¹⁵¹.

Комбинированное холодное оружие можно рассматривать как результат проявления тенденции к универсальности оружия. Комбинированным холодным оружием принято считать такие конструкции, в которых объединены основные элементы клинкового и неклинкового оружия. Стремление в одной конструкции воплотить достоинства различных видов холодного оружия иногда приводило к созданию достаточно оригинальных образцов. Комбинированное холодное оружие заводским способом производилось лишь за рубежом. Причем некоторые его образцы состояли на вооружении и использовались как боевые. Примером могут служить американские стилеты-кастеты времен Первой мировой войны и сменившие их на вооружении траншейные кинжалы-кастеты «Марк-1». Помимо боевых, во Франции выпускались и гражданские образцы комбинированного холодного оружия: стилеты-кастеты. В нашей стране комбинированное холодное оружие изго-

¹⁵¹Оружие последней группы более просто в изготовлении, является, как правило, результатом деятельности преступников и не имеет отношения к исторически сложившимся типам холодного оружия. Эти типы холодного оружия в основном изготавливаются самодельным способом. Исключение составляют лишь кастеты, которые за рубежом выпускались и заводским способом.

тавливалось лишь самодельным способом и исключительно в криминальных целях.

Холодное оружие могло комбинироваться также с метательным и огнестрельным, образуя промежуточный класс между видами оружия, в частности, холодным, метательным и огнестрельным.

В качестве представителя промежуточного класса между холодным и метательным оружием необходимо рассматривать ножи с метаемыми клинками, из которых, как правило, один постоянный, другие (другой) – метаемые с помощью пружины.

Образцом современного «холодно-огнестрельного» оружия является отечественный нож разведчика НРС-2, в рукоятке которого содержатся узлы огнестрельного оружия. За рубежом достаточно распространены полицейские стреляющие дубинки.

Интересно отметить, что с появлением огнестрельного оружия и завоеванием им лидирующего положения в системе вооружений еще достаточно длительное время на работе конструкторов-оружейников сказывалось «магическое» влияние холодного оружия. Так, в XVII веке можно было часто встретить образцы комбинированного оружия, сочетавшего в себе холодное с огнестрельным: кинжал-пистолет, шпага-пистолет и т. п.

Пик развития холодного оружия приходится на средние века, которые можно назвать периодом «расцвета» этого оружия. До XVI века оно оставалось основным видом вооружения армий всех стран мира. К названному времени в арсенале вооружений находились практически все известные сегодня виды холодного оружия, действие которых основано исключительно на мускульной силе человека: ножи различных типов, кинжалы, мечи, шпаги, палаши, стилеты, кортики, шашки, сабли, ятаганы, тесаки, боевые топоры, бердыши, алебарды, протазаны, многозубцы (вилки, трехзубцы и др.), копыя всех разновидностей, палицы, булавы,

перначи, шестомеры, боевые бичи, кистени и др.¹⁵⁵ Правда, «исторический век» у каждого вида холодного оружия оказался различным. Некоторые из них, выполнив свою «миссию», в дальнейшем оказались невостребованными человеком, другие – успешно служат ему до сих пор.

Наиболее длительный «исторический век» оказался у ножей ввиду их универсальности. Многие типы ножей по сей день активно используются человеком в различных сферах деятельности (хозяйственно-бытовой, охотничьей, военной и др.). Исключением не является и криминальная деятельность.

Таким образом, от приспособления камня (кости, дерева) и его обработки до производства совершенных конструктивных образцов из высококачественных специальных сталей – таков эволюционный путь исторически первого вида индивидуального оружия – холодного. Накопленный

опыт и приобретенные на этом пути знания подготовили почву и послужили исходной базой для создания других, более совершенных видов оружия.

Анализ практики показывает, что в настоящее время объектами экспертного исследования из всего многообразия холодного оружия обычно являются его короткоклиновые образцы (ножи, штык-ножи, штыки, стилеты), а также некоторые разновидности из группы неклинкового (ударно-раздробляющего). К последним могут быть отнесены кастеты, нунчаки, кистени, дубинки.

Большую часть холодного оружия составляют его самодельные образцы (около 70 %).

В последние годы доля холодного оружия в общей массе «оружейных» объектов экспертного исследования несколько снизилась и сейчас составляет приблизительно одну треть. При этом нужно учитывать, что на экспертное исследование в целом представляется достаточно большое количество предметов, в отношении которых ставится вопрос об относимости их к холодному оружию. Однако большая часть из этих предметов обычно не признается холодным оружием (как правило, это различные предметы хозяйственно-бытового назначения, имеющие конструктивное сходство с определенными типами холодного оружия).

Хотя холодное оружие, а также следы его применения стали рассматривать в качестве вещественных доказательств по уголовным делам раньше, чем огнестрельное, исследование холодного оружия при этом, как правило, ограничивалось лишь его осмотром и обычно не требовало помощи специалистов. Следы же его применения традиционно рассматривались врачами (судебными медиками). Такое положение сохранялось до тех пор, пока в законодательном порядке не был ограничен оборот холодного оружия. У нас в стране впервые уголовная ответственность за изготовление, хранение, сбыт и ношение холодного оружия без надлежащего разрешения была введена 29 марта 1935 года Поста-

¹⁵⁵Подробнее о холодном оружии см.: Государственный стандарт РФ (ГОСТ Р 51215-98) «Оружие холодное. Термины и определения». – М., 1998; П. Фон Винклер. Указ. соч.; Устинов А. И., Портнов М. Э., Нацвалладзе Ю. А. Ножи, кинжалы, кортики, тесаки, стилеты, штыки. – М., 1994; Устинов А. И., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Холодное оружие. – М., 1961; Устинов А. И., Филиппов В. В. Криминалистическое исследование некоторых видов холодного оружия народов Востока. – М., 1984; Тихонов Е. Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия. – Барнаул, 1987; Асмолов К. В. История холодного оружия. Восток и Запад. Ч. 1. – М., 1993, Ч. 2. – 1994; Трубников Б. Г. Определитель оружия и вооружения. – СПб: Полигон, 1998; Холодное оружие и бытовые ножи. / Под общ. ред. А. И. Устинова. – М., 1978; Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – М., 1995; Плескачевский В. М. Указ соч. С. 72–238; Сумарока А. М., Стальмахов А. В., Егоров А. Г. Указ. соч. С. 11–64; Попенко В. Н. Холодное оружие. Энциклопедический словарь. – М., 1996; Попенко В. Н. Древнее оружие Востока. – М., 1993; Попенко В. Н. Холодное оружие Востока и Запада. – М., 1992; Попенко В. Н. Холодное метательное оружие. – М., 1993; Момот В. Традиционное оружие индиза. Т. 2. – Киев, 1997; Подшибякин А. С. Холодное оружие. Уголовно-правовое и криминалистическое исследование. – Саратов, 1980; Жан-Ноэль Мурэ. Ножи мира. / Пер. с англ. Улановского И. – М., 1997; Оружейный двор. Вып. 1. – М., 1994. С. 42–43; Оружейный двор. Вып. 3. – М., 1996. С. 12–13; Скрылев И. Ножи из Ворсмы для настоящих мужчин. / Оружие, 1999. № 9. С. 44–46 и др.

новлением ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хулиганством». По сути, с этого времени холодное оружие становится объектом пристального внимания криминалистов (в том числе и экспертов), ввиду возникновения настоящей потребности в установлении групповой принадлежности объектов при решении вопроса о том, являются ли они предметом или орудием совершения преступления. Для ответа на этот вопрос потребовались специальные познания и, как следствие, привлечение соответствующих специалистов. В качестве таковых стали выступать специалисты-криминалисты. Однако на начальном этапе (1930–1940 гг.) специалисты-криминалисты такими познаниями практически не обладали из-за отсутствия научной базы – соответствующей отрасли криминалистической техники, и понадобились несколько десятилетий, огромные усилия научных и практических работников для ее создания¹⁵⁶. В итоге, в теории и практике криминалистики был накоплен большой теоретический материал, солидный экспертный опыт, подготовлены необходимые методические, практические и учебные пособия для следователей, судей, экспертов и оперативных работников, введены соответствующие учебные дисциплины для подготовки названных специалистов в системе средних и высших юридических образовательных учреждений¹⁵⁷.

В настоящее время сформулированы научные основы криминалистической экспертизы холодного оружия, а методика ее проведения относится к числу наиболее разработанных¹⁵⁸. В частности, она явилась одной из первых стандартизированных экспертных методик в нашей стране.

¹⁵⁶Одной из первых отечественных работ, в которых излагалась методика исследования холодного оружия, явилась работа А. Н. Самончика. Криминалистическое исследование холодного оружия. – М.: НИИМ МВД СССР, 1959.

¹⁵⁷Тихонов Е. Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия. Учеб. пос. 2-е изд., доп. и перераб. – Барнаул, 1987. С. 9–10.

¹⁵⁸См.: Подпибьякин А. С. Холодное оружие. Криминалистическое учение. – М.: ЮрИнфор, 1997.

Соответствующая работа в этом направлении проводится и дальше. В частности, Госстандартом России по согласованию с МВД России и другими ведомствами, учреждениями и организациями, участвующими в обороте холодного и метательного оружия, на основании статьи 31 Закона «Об оружии» разработана и представлена на утверждение Правительству Российской Федерации «Федеральная программа государственной стандартизации гражданского и служебного оружия и патронов к нему на 1998–1999 гг.», включающая в себя разработку 17 ГОСТов, регламентирующих конструкцию и технические характеристики холодного, метательного оружия и конструктивно сходных моделей, а также ГОСТы, регламентирующие термины и определения в этой области, и «Методику испытаний холодного и метательного оружия, а также конструктивно сходных с ним изделий на соответствие криминалистическим требованиям»¹⁵⁹.

Вместе с тем, опыт последних пяти лет экспертного исследования холодного оружия показал, что используемая сейчас в ЭКП МВД России методика испытаний гражданского, холодного, метательного оружия и изделий, конструктивно сходных с таким оружием, на соответствие криминалистическим требованиям вызывает у экспертов-криминалистов, проводящих исследование холодного оружия, много нареканий и нуждается в совершенствовании. Эти многочисленные замечания, на наш взгляд, в наиболее концентрированном виде изложил А. С. Гобеев: «В целом методику сертификационных испытаний некорректно использовать при криминалистических исследованиях. Она основана на требованиях, соответствующих российским ГОСТам, которыми предусмотрено изготовление лишь от-

¹⁵⁹Карлин И. П. Методика исследования холодного оружия // Теория и практика криминалистического оружейноведения. Матер. науч.-практ. конф. С.-Петербург, 21 апреля 1998 года / Под общ. ред. В. П. Сальникова, А. М. Александрова, В. Ю. Владимирова. – СПб: С.-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 5.

дельных типов клинкового холодного оружия, разрешенного к ограниченному обороту на территории России. Большинство типов клинкового холодного оружия данными ГОСТами не охвачено, так как они не производятся на территории России. Распространение требований ГОСТов на все типы клинкового холодного оружия, особенно самодельного, вызывает возражения»¹⁶⁰.

Другое древнейшее оружие – метательное, очевидно, также очень рано стало применяться в криминальных целях. Однако по сравнению с холодным оружием оно не получило широкого распространения ни в качестве средства совершения преступления, ни в качестве его предмета. Поэтому метательное оружие гораздо реже встречается в экспертной практике как объект исследования.

Толчком к становлению метательного оружия послужило стремление человека к дистанционному поражению цели (животного и др.). Решение проблемы дистанционного поражения цели, начавшееся с удлинения руки с помощью палки, перешло в качественно иную плоскость – от поражения непосредственно к поражению на значительном расстоянии от человека. Одними из первых образцов метательного оружия были «ручное копьё», метательная палица, бумеранг, метательные топоры.

Однако становление метательного оружия, метаемого непосредственно рукой, шло и по другому направлению. Так, следующую его самостоятельную линию развития составляли: обычный нож, используемый для метания; метательный одноклинковый нож; метательный многоклинковый нож; сюрикен; чакра¹⁶¹.

Существенного прогресса в эволюции метательного оружия удалось достичь с использованием человеком для дистанционного поражения цели дополнительных (меха-

нических) устройств, позволявших накапливать энергию и тем самым существенно повышать (относительно прежних образцов оружия с использованием непосредственно мускульной силы человека) поражающие способности возникших метательных комплексов, представлявших собой не что иное, как новые образцы метательного оружия.

Из метательного оружия, основанного на использовании энергии, аккумулированной при помощи упругого (гибкого) тела, сейчас в экспертной практике можно встретить арбалет и гораздо реже – лук.

Лук появился в отдаленные времена каменного века, скорее всего, в период палеолита. Древнейшие раскопки в различных регионах земного шара подтверждают существование лука у разных народов, не имевших общения друг с другом. С большой вероятностью можно предполагать, что он был изобретен многими народами (племенами) в разное время независимо друг от друга.

В каждом регионе создавались свои образцы лука и стрел к нему. Это зависело от уровня технического развития региона и преобладавших там материалов. Древнейшим вариантом лука считается простой. Азиатский составной лук считался лучше простого и являлся уже значительным шагом вперед. Историки полагают, что составные луки существовали за 2000 лет до нашей эры¹⁶².

Различали боевые и охотничьи луки. Из боевых луков стрельба могла вестись на дистанции до 400 м.

Современные луки изготавливаются из композитных материалов и снабжаются дополнительными приспособлениями, устройствами, облегчающими их использование, а также повышающими меткость стрельбы. В настоящее время подавляющее большинство луков составляют спортивные. Они изготавливаются по очень точной технологии с использованием хорошо выдержанных сортов дерева, стекло-

¹⁶⁰Гобеев А. С. Указ. соч., 2002. С. 23.

¹⁶¹Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 246.

¹⁶²Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 18.

углепластика, которыми армируются плечи луков. Рукоятки обычно делаются из магниевых сплавов. Из известных производителей современных спортивных луков можно назвать фирмы «Хойт» (США) и «Ямаха» (Япония). Динамические характеристики луков названных фирм оцениваются очень высоко. Например, начальная скорость полета стрелы, выпущенной из них, может достигать 80–90 м/с.

Современные луки делаются в разборном и неразборном вариантах. Отечественной промышленностью выпускаются неразборные луки двух типов: учебные и спортивные.

В последние годы получили распространение охотничьи луки. Некоторые их образцы могут одинаково использоваться как в охотничьих, так и в спортивных целях. Примером служит составной лук «*Komround Bear Super – 45*», выпускаемый американской фирмой «*Bear Archer Inc.*»

Стрелы, применяемые в современной спортивной стрельбе, существенно отличаются от их ранних вариантов. Очевидно, что эволюция стрел, как и луков¹⁶³, напрямую связана с научно-техническим прогрессом. Так, стрела прошла длительный эволюционный путь от деревянной, оперенной перьями птиц, до современной металлической, армированной углепластиком, с перьями из синтетических

¹⁶³О луке и стрелах к нему см.: ГОСТ РФ «Метательные устройства. Требования безопасности и методы испытания на безопасность». – М., 1994; П. Фон Винклер. Указ. соч., Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 15–26; Попенко В. Н. Холодное оружие Востока и Запада. – М., 1992. С. 206–211; Попенко В. Н. Холодное метательное оружие. – М., 1993. С. 18–28; Попенко В. Н. Холодное оружие. Энциклопедический словарь. – М., 1996. С. 175–183; Мироненко Г. В. Аспекты признания луков и арбалетов холодным оружием и методические рекомендации по их исследованию / Экспертная практика. – М., 1994. Вып. 36. С. 11–17; Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 242–243; Попенко В. Н. Древнее оружие Востока. – М., 1993. С. 39–42; Советская военная энциклопедия. Т. 5. С. 34; Трубников Б. Г. Указ. соч. С. 360–379; Коровкин Д. С. Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999; Аганов Б. Путь лука и стрелы // Капо. № 5; Винниченко А. С. Криминалистическое исследование метательного оружия. Учеб. пособие. – Волгоград, 2002. С. 17–20; Шокарев Ю. В. История оружия. Луки и арбалеты. – М., 2001 и др.

мягких материалов, древко которой представляет собой легкую, прочную трубку, изготавливаемую методом прессования или протяжки из легких металлических сплавов.

В процессе эволюции лук трансформируется в более совершенное метательное оружие – арбалет. Объективно действовавшая тенденция усиления поражающей мощи лука заставляла человека постоянно увеличивать силу его натяжения. Это, в свою очередь, предполагало определенные требования к уровню мышечного развития лучника, которое, естественно, не было беспредельным. Поэтому для облегчения натягивания тетивы стали пользоваться специальными инструментами, приемами стрельбы из лука. Однако они оказывались недостаточно эффективными. Наиболее оптимальным вариантом решения этой проблемы явилось крепление лука к ложе. Такая конструкция получила название арбалет.

В настоящее время с точностью утверждать о месте и времени появления арбалетов невозможно. Большинство исследователей сходятся во мнении, что они появились в V–VI веках до нашей эры в Древней Греции или Древнем Китае¹⁶⁴. Вероятнее всего, арбалет возник как станковая система, которая, разветвившись, дала два типа оружия: его ручной вариант и крепостную систему¹⁶⁵. Прямым непосредственным предшественником арбалета в Европе, скорее всего, явился античный станковый либо ручной «механический лук» – гастропет¹⁶⁶. На Руси арбалеты, называвшиеся самострелами, появились гораздо позже – около XII века нашей эры. Они стали широко использоваться в качестве боевого и охотничьего оружия. В Европе арбалеты как боевое оружие впервые появились во французских войсках.

¹⁶⁴См., например, Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 26–30; Горелик М. В. Указ. соч. С. 78; Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 243; Шокарев Ю. Арбалет / Оружейный двор, 1997. № 5. С. 8, 13–14 и др.

¹⁶⁵Шокарев Ю. Указ. соч. С. 8.

¹⁶⁶См.: Левкович А. Арбалет. – Харьков, 1936; Шокарев Ю. Указ. соч. С. 4–98.

Первые образцы арбалетов, несмотря на удобство стрельбы из них и меткость, все же уступали хорошим лукам по таким показателям, как увеличенный вес, меньшая скорострельность и дальноточность, дороговизна. Все это заставляло совершенствовать конструкцию арбалетов. Совершенствование шло прежде всего по пути создания различных приспособлений в целях облегчения натяжения тетивы. Известно несколько типов подобных приспособлений:

1) стремя, прикреплявшееся к переднему торцу ложи для фиксации арбалета одной ногой при натяжении тетивы;

2) крюки (обычно два) для тетивы, соединенные с веревочными петлями, скобами или боковыми ручками для рук;

3) специальные рычаги (например, типа «козьей ноги»);

4) реечный механизм с зубчатым колесом и рукояткой и др.

Увеличение точности стрельбы обеспечивалось введением в конструкцию арбалета (как впоследствии и огнестрельного оружия)¹⁶⁷ мушки и целика с прорезью (реже – диоптра), шнеллера. В арбалетах (видимо, впервые для ручного оружия) решалась и проблема многозарядности. Они изготавливались с магазинными коробками, укреплявшимися сверху над ходом тетивы и несколько сбоку от линии прицеливания. Много лет спустя это будет повторено в некоторых образцах огнестрельного (магазинного) оружия. Более того, арбалеты изготавливались и со стволом (медным или железным) для метания свинцовых пуль, что еще больше увеличивало их конструктивное сходство с огнестрельным оружием. Подобный арбалет в Западной Европе получил название аркебуз. Кроме того, такой важнейший конструктивный элемент огнестрельного оружия,

¹⁶⁷По мнению некоторых историков-оружиеведов, прицельные приспособления у арбалетов и огнестрельного оружия появились практически одновременно в XV веке (Шокарев Ю. Указ. соч. С. 4–98).

как спусковой механизм, предварительную «апробацию» прошел на арбалетах. Некоторые детали этих спусковых механизмов затем с успехом использовались в огнестрельном оружии.

Подавляющее большинство арбалетов служит для метания стрел и незначительная часть – свинцовых пуль и камней. Арбалеты и аркебузы, уступая по пробивной способности некоторым образцам огнестрельного оружия¹⁶⁸, но положительно отличаясь от них меткостью и бесшумностью стрельбы, еще длительное время использовались в войсках параллельно с огнестрельным оружием. Так, в Западной Европе они находились на вооружении до конца XVI века, а в качестве охотничьего оружия применялись еще в XVIII веке.

В настоящее время арбалеты используются в основном как спортивное (чаще всего) и охотничье оружие, а в конструктивно измененном варианте – в качестве ружей для подводной охоты¹⁶⁹. В последнее десятилетие, ввиду гораз-

¹⁶⁸По мнению известнейшего историка военного искусства Ганса Дельбрука, преимущество первых образцов огнестрельного оружия перед луками и арбалетами заключалось не в их повышенной пробивной способности, а в производимом при выстреле грохоте, вызывавшем у лошадей панику и соответственно нарушавшем боевые порядки кавалерии (См.: Дельбрук Г. История военного искусства в рамках политической истории. – СПб: «Наука», «Ювента», 1996).

¹⁶⁹Об арбалетах см.: ГОСТ РФ «Метательные устройства. Луки и арбалеты. Термины и определения». – М., 1994; Попенко В. Н. Приемы метания холодного оружия. – М., 1994; Трубников Б. Г. Указ. соч. С. 380–388; П. фон Винклер. Указ. соч. С. 109–112; Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 26–38; Шокарев Ю. Указ. соч. С. 8–98; Конторович А. Зачем нужен «летающий дом» / Оружейный двор, 1997. № 5. С. 99–104; Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 243–244, 256–259; Мураховский В. И., Слуцкий Е. А. Оружие специального назначения. – М., 1995. С. 202–205; Бехайм В. Указ. соч. С. 292–300; Попенко В. Н. Указ. соч., 1996. С. 20–23; Попенко В. Н. Холодное метательное оружие. – М., 1993. С. 28–44; Винниченко А. С. Теоретические и методические основы криминалистического исследования метательного оружия. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1998. С. 67–79, 227–238; Трубников Б. Г. Указ. соч. С. 380–388; Винниченко А. С. Указ. соч., 2002. С. 20–24; Шокарев Ю. В. Указ. соч., 2001 и др.

до большей распространенности арбалетов (относительно прежних лет), они стали чаще встречаться и в отечественной экспертной практике в качестве объекта исследования. Возвращение арбалетов началось примерно с середины XX века. В ряде европейских стран с 50-х годов названного столетия стал активно развиваться арбалетный спорт. Спортивные модели, в свою очередь, послужили образцами для создания боевых арбалетов, появившихся на вооружении войск специального назначения.

Вобрав достижения новых технологий, современный арбалет существенно отличается от своих предшественников. Так, его пластмассовое или деревянное ложе имеет приближенную к огнестрельному оружию pistolетную рукоятку, или выступ шейки, регулируемый по длине приклад (как постоянный, так и прикладной) с «щекой» для лучшей прикладки при прицеливании. На изготовление дуги лука идут специальные сплавы либо композит (стеклопластик), тетивы – особо прочные синтетические материалы. Спортивные образцы арбалетов дополнительно снабжаются штангами с балансировочными грузиками.

Метательное оружие, хотя и является древнейшим, но как самостоятельный вид было выделено Законом РФ «Об оружии» от 13.11.96 года. Первым «промежуточным» шагом к выделению метательного оружия в самостоятельный вид послужил Закон РФ «Об оружии» от 20.05.93 года, в котором оно было названо холодным метательным оружием. До выхода в свет названных законов многие образцы метательного оружия традиционно рассматривались в качестве разновидностей холодного оружия. Поэтому их экспертное исследование проводилось с использованием тех же способов, приемов и средств, что и в отношении холодного оружия (естественно, с учетом специфики объекта исследования). Так, установление групповой принадлежности названных объектов происходило в рамках криминалистической экспертизы холодного оружия. При этом на

них распространялось действие той же статьи УК РСФСР (ст. 218), которая ограничивала оборот холодного оружия.

С появлением Закона РФ «Об оружии» от 13.11.96 года и вступлением в действие с 01.01.97 года Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁷⁰ значительно активизировались усилия по изучению метательного оружия как объекта судебно-экспертного исследования. В частности, разрабатываются методики экспертного исследования луков, арбалетов, сюрикенов, ружей для подводной охоты и других разновидностей метательного оружия. Однако данные методики еще не позволяют решать весь спектр возникающих вопросов, и прежде всего, в плане определения достаточно точных и научно обоснованных показателей поражающих характеристик различных образцов этого вида оружия.

Самым распространенным объектом судебно-экспертного исследования является **ручное огнестрельное оружие** (составляет более половины в общей массе «оружейных» объектов экспертного исследования).

В настоящее время трудно с точностью сказать, где и когда оно впервые было изготовлено. Некоторые исследователи приходят к выводу, что ручное огнестрельное оружие впервые появилось у арабов в XIII веке и от них пришло в Европу¹⁷¹. Ряд историков утверждают, что «порох китайцы изобрели довольно давно, но использовали для устройства безобидных фейерверков. В огнестрельном оружии его стали применять только европейцы на рубеже XIII–XIV веков – причиной тому была специфика экономического и социального уклада европейских государственных образований»¹⁷². По мнению П. фон Винклера,

¹⁷⁰УК РФ (ч. 4 ст. 222) предусматривает уголовную ответственность за «незаконное приобретение, сбыт или ношение газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия...».

¹⁷¹Комаров И. А., Плотников С. Е., Тихомирова Е. В., Шокарев Ю. В., Петровский М. В. История винтовки. От пищаля до автомата // Энциклопедия техники ТМ. Выпуск 2, 1993. С. 2.

¹⁷²Там же. С. 61.

«ручное огнестрельное оружие появляется впервые около 1425 года в виде короткой (до двух футов) железной трубки с длинным, около метра, хвостом, упиравшимся при стрельбе в землю»¹⁷³. Однако большинство исследователей отмечает, что ручное огнестрельное оружие получило распространение в Европе в XIV веке¹⁷⁴. Видимо, XIV век и следует признать точкой отсчета времени его появления в Европе.

Ручное огнестрельное оружие явилось логическим завершением развития и совершенствования метательного оружия – аркебузов. Как справедливо отметил известный оружейвед В. Е. Маркевич, «от них были заимствованы для ружей ложа, спуск, шнеллер, мушка, прицел, диоптр, круглая пуля, а впоследствии, пожалуй, и магазинная коробка»¹⁷⁵. В принципе, для «превращения» аркебуза в ручное огнестрельное оружие оставалось только поменять энергию сжатой пружины (натянутой тетивы), использовавшуюся в аркебузе для метания снаряда, на энергию взрывчатого разложения пороха.

Конструкция первых образцов ручного оружия была весьма примитивной, что делало его на начальном этапе развития недостаточно «конкурентоспособным» с такими видами оружия, как лук и арбалет.

Выявившиеся несовершенства огнестрельного оружия и определили основные тенденции его развития: облегче-

ние веса, уменьшение калибра, повышение маневренности, скорострельности, дальности и меткости стрельбы.

Совершенствование огнестрельного оружия на начальной стадии шло как по линии механизма воспламенения, так и ствола. Его калибр постепенно уменьшался, менялась технология изготовления стволов. На смену деревянным и клепанным из отдельных металлических полос стволам стали приходиться витые, а позднее литые стволы. Однако революционный шаг в их усовершенствовании был сделан в 1498 году венским оружейником Гаспаром Цольнером. Им был изготовлен нарезной ствол. Нарезы первоначально делались прямые, а несколько позднее появились винтовые.

В XV веке у огнестрельного оружия появляется фитильный замок, вытесненный затем кремниевым, который в течение более двух столетий использовался в конструкции оружия¹⁷⁶.

Необходимо также отметить еще одно новшество: введение в этот период штыков, одеваемых на ствол оружия. Это нововведение, явившееся следствием тенденции к универсальности оружия, в последующем существенно повлияло на тактику боя. Изобретателем штыка считается француз Багинет (1641 г.). В российских войсках штык был введен Петром I в 1709 году¹⁷⁷.

Существенной модернизации подвергся и снаряд. Круглая пуля постепенно вытесняется цилиндрико-конической, обладающей лучшими баллистическими характеристиками. Прообразом современных пуль явилась пуля Г. Дельвина (1830 г.). Для облегчения процесса заряжания стволов с винтовыми нарезами предлагались различные варианты пуль – свободно досылаемые цилиндри-

¹⁷³П. фон Винклер. Указ. соч. С. 182.

¹⁷⁴См., например, Жук А. Б. Винтовки и автоматы. – М., 1988 С. 7; Блюм М. М., Шишкин И. Б. Охотничье ружье. Справочник. 2-е изд., перераб и доп. – М.: Агропромиздат, 1987. С. 5; Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 61; Стрелковое оружие / Худ. обл. М. Д. Драко. – Мн., 1997. С. 4; Советская военная энциклопедия. Т.6. – М., 1978. С. 124; Изметинский Н. Л., Михайлов Л. Е. Ижевские ружья. Ижевское оружие. Т.1. – Ижевск: Изд. Удмуртского ун-та. 1995. С. 40; Пастухов И. П., Плотников С. Е. Указ. соч. С. 9 и др.

¹⁷⁵См.: Маркевич В. Е. Указ. соч.; Менков А. Колесцовый замок и Леонардо да Винчи / Магнум, 2000. № 10 (октябрь). С. 39–43; Schobel Jagdwaffen. – Berlin. «MV», 1989 и др.

¹⁷⁶См. Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 99–101; Коваленко В. С. В зоне огня – мишени. – Мн.: Польша. 1989. С. 10; Пастухов И. П., Плотников С. Е. Указ. соч. С. 22 и др.

¹⁷⁷См. Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 99–101; Коваленко В. С. Указ. соч. С. 10; Пастухов И. П., Плотников С. Е. Указ. соч. С. 22 и др.

конические, саморасширяющиеся, компрессионной системы и т. п.¹⁷⁸

С появлением ударных составов на основе гремучей ртути (конец XVIII века) начинается новый этап в эволюции огнестрельного оружия¹⁷⁹. Изобретение ударных составов значительно ускорило развитие огнестрельного оружия. Оно достигло гораздо большего совершенства, чем за все минувшие столетия своего существования. Кремниевое оружие постепенно вытесняется ударно-капсюльным.

Из ранних попыток решения проблемы скорострельности огнестрельного оружия, которая оказалась наиболее перспективной и реализовалась в револьверах, следует назвать конструирование ружей барабанного типа, первые образцы которых известны с XVI века. Наиболее совершенными образцами оружия барабанного типа считались системы (револьверы) Э. Х. Коллиера (1818 г.) и С. Кольта (1836 г.)¹⁸⁰. В частности, С. Кольт в своем капсюльном револьвере гармонично соединил в одно целое все известные изобретения в области оружия барабанного типа¹⁸¹. По сути, с этого времени в оружейном деле начинается «эпоха» револьверов.

Революционным новшеством в развитии огнестрельного оружия явилось изобретение унитарного боеприпаса (патрона), который ознаменовал собой новый этап в эволюции

оружия – этап казнозарядного оружия и тем самым существенно приблизил решение проблемы скорострельности.

Наиболее совершенными оказались унитарные металлические патроны с различными вариантами расположения в них воспламенительного состава: патроны кольцевого воспламенения и центрального боя (1861 г.), которые до настоящего времени используются со стрелковым оружием¹⁸². С 60-х годов XIX века наибольшее распространение получили патроны центрального боя. Практически все боевое оружие начали создавать под этот патрон. Причем появление данного патрона обусловило и совершенствование всего оружия. Так, на момент появления унитарного металлического патрона все казнозарядные винтовки делились на три группы:

- 1) ударно-капсюльные, заряжаемые бумажным патроном без капсюля (картузом);
- 2) игольчатые со скользящим затвором, заряжаемые унитарным бумажным патроном;
- 3) винтовки под унитарные металлические патроны.

Очевидные преимущества казнозарядного оружия под унитарный металлический патрон перед шомпольным, а также казнозарядным ударно-капсюльным и игольчатым заставили многие государства в срочном порядке осуществлять перевооружение своих армий. Оно шло в основном в двух направлениях:

- 1) переделка старых образцов оружия на новые, более совершенные системы (переделочные ружья);
- 2) принятие на вооружение и массовое изготовление современных образцов оружия под металлические унитарные патроны.

В этот период времени создается ряд оригинальных и разнообразных конструкций, как переделанных из ста-

¹⁷⁸См., например, Жук А. Б. Указ. соч. С. 18–21; Энциклопедия техники «ТМ». Вып. 2, 1993. С. 17–19; Шокарев Ю. Уроки Венсенской школы // Техника молодежи. № 7, 1989. С. 46–47.

¹⁷⁹См.: Жук А. Б. Револьверы и пистолеты. Изд. 2-е, испр., перераб. и доп. – М., 1990. С. 9; Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 177; Энциклопедия техники «ТМ». Вып. 2, 1993. С. 15 и др.

¹⁸⁰Плотников С. Е., Тихомирова Е. В., Шокарев Ю. В. Пистолеты и револьверы. – М.: «ТМ», 1995.

¹⁸¹С. Кольт являлся не конструктором, а предпринимателем, первым начавшим на оружейной мануфактуре в г. Патерсон (США) серийное производство капсюльного револьвера, разработанного группой инженеров, возглавляемых Джоном Пирсоном, в 1836 году (см. Жук А. Б. Револьверы и пистолеты. – М., 1990. С. 9).

¹⁸²См.: Шокарев Ю. Патрон и затвор // Техника молодежи. 1989. № 11. С. 40–41; Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование. С. 7–8; Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Указ. соч. С. 46–47; Пастухов И. П., Плотников С. Е. Указ. соч. С. 39 и др.

рых образцов оружия, так и совершенно новых. Их основные отличия состояли в затворе. Из всего многообразия затворов лучшими оказались продольно скользящие, для отпирания и запираания ствола поворачиваемые с помощью рукоятки вокруг своей продольной оси.

К концу XIX века выявились очевидные преимущества магазинных винтовок. В частности, они позволили решить задачу многозарядности и существенно продвинулись по пути повышения скорострельности. Многие государства в спешном порядке принимали их на вооружение.

Россия с некоторым опозданием также приступила к проектированию магазинной винтовки. В 1891 году на вооружение Российской армии принимается 7,62-мм винтовка С. И. Мосина, сменившая состоявшую до этого на вооружении 10,67-мм однозарядную винтовку Бердана образца 1870 года. Новая винтовка отличалась простотой конструкции, надежностью, отличными баллистическими характеристиками и по своим качествам превосходила все иностранные образцы того времени. Удачная конструкция винтовки позволила ей находиться на вооружении до окончания Второй мировой войны¹⁸³.

Вершиной конструкторской мысли оружейников явилось создание самозарядного и автоматического оружия, открывшего новый этап в его эволюции. Этому способствовало появление бездымного пороха, при сгорании развивавшего большее давление, не образующего дыма (в том числе большого налета продуктов его сгорания на частях оружия), что существенно влияло на баллистичес-

¹⁸³Подробнее о винтовке С. И. Мосина см.: Наставление по стрелковому делу. Винтовка обр. 1891/30 г. и карабины обр. 1938 г. и обр. 1944 г. – М.: Воениздат, 1961; Пастухов И. П., Плотников С. Е. Указ. соч. С. 45–47, 51–54; Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 1. – М., 1939. С. 280–282; Энциклопедия техники «ТМ». Вып. 2, 1993. С. 35–36; Жук А. Б. Указ. соч., 1988. С. 48–50; Болотин Н. Н. Советское стрелковое оружие. – М., 1990. С. 42–50; Справочник по судебной баллистике. Нарезное оружие отечественного производства. – М., 1963. С. 65–68; Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 332–337; Ашурков В. С. Мосин С. И. – создатель русской винтовки. – М., 1951 и др.

кие качества оружия. Кроме того, стало возможным уменьшить размеры патронов и калибр оружия с одновременным повышением его убойной силы и дальности стрельбы.

Во многих странах мира начались активные разработки пулеметов, самозарядных и автоматических пистолетов, винтовок, пистолетов-пулеметов. Оружейниками предлагались различные принципы их автоматизации: использование энергии отдачи (системы с отдачей свободного или полусвободного затвора; с отдачей затвора и ствола при его коротком и длинном ходе); использование энергии части пороховых газов, отводимых из канала ствола; использование реакции врезания пули в нарезы и трения при ее движении по каналу ствола¹⁸⁴.

Перед Первой мировой войной во многих странах мира велись усиленные разработки самозарядных и автоматических винтовок. Простейшим путем казалась переделка магазинных винтовок в самозарядные либо автоматические. Однако такие попытки во многом оказывались безуспешными, так как создававшиеся образцы оружия отличались сложностью конструкции и достаточно большим весом и больше напоминали ручные пулеметы¹⁸⁵.

Велась также успешная работа по созданию автоматического короткоствольного огнестрельного оружия. Предприни-

¹⁸⁴См.: Федоров В. Г. Указ. соч. С. 12–55; Жук А. Б. Указ. соч., 1988. С. 84; Чулков И. А., Латышов И. В. Материальная часть стрелкового огнестрельного оружия. Криминалистические аспекты. Учеб. пос. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999. С. 7–11; Маркевич В. Е. Указ. соч., 1995. С. 409–411; Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы. Метод. пос. для экспертов. Отв. ред. Х. М. Тахо-Годи. Вып. 1 и 2. – М.: ВНИИСЭ, 1984. С. 73; Криминалистическая экспертиза. Курс лекций. Вып. 2. Судебно-баллистическая экспертиза / Редкол.: Ручкин В. А. (отв. ред.) и др., под общ. ред. Б. П. Смагоринского. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1996. С. 40; Стальмахов А. В., Сумарока А. М., Егоров А. Г., Сухарев А. Г. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза. Учебник / Под общ. ред. А. Г. Егорова. – Саратов: СЮИ МВД России, 1998. С. 40.

¹⁸⁵Ручной пулемет («ружье-пулемет») впервые сконструировал датский офицер Мадсен в 1880 году. Спустя 22 года появляется более совершенная модель. Этот вид оружия начиная с Первой мировой войны до настоящего времени широко используется в армиях различных стран.

мавшися попытки автоматизации револьверов не дали желаемых результатов. Практика показала, что они становились громоздкими, теряли простоту конструкции, технологичность, надежность работы механизмов. В центре внимания оказались пистолеты. Появилось множество систем автоматических пистолетов, таких как системы Маузера, Браунинга, Манлихера, Рота, Штейра, Фроммера, Борхардта, Люгера, Кольта, Веблея, Бергмана. В начале XX века пистолеты характеризовались безотказностью, высокой поражающей способностью, завершенностью конструкции и оптимальной компоновкой узлов, наличием самовзводных ударно-спусковых механизмов, затворных задержек, более совершенных предохранительных устройств. Современные образцы пистолетов, в принципе, мало чем отличаются от созданных к названному периоду времени, так как почти все их конструктивные возможности оказались уже исчерпанными¹⁸⁶.

На пути замены магазинных винтовок выявились два наиболее перспективных направления развития автоматического оружия:

- 1) разработка автоматических систем под пистолетные патроны (пистолеты-пулеметы);
- 2) разработка промежуточного патрона, то есть по мощности меньшего, чем винтовочный, и больше писто-

¹⁸⁶Подробнее о пистолетах см.: Федоров В. Г. Указ. соч., С. 109–119, 283–285; Жук А. Б. Указ. соч., 1990. С. 8–30, 219–409; Автоматические пистолеты и следы их на пулях и гильзах. – М., 1972. – Т. 1; 1973. – Т. 2; Материальная часть стрелкового оружия / Под ред. А. А. Благонравова. Кн. 1. – М., 1945; Хартинк А. Е. Пистолеты и револьверы. Энциклопедия. – «Райсинта», 1997; Филиппов В. В., Титоренко Б. А., Комаров А. А. Современное отечественное ручное огнестрельное оружие военных образцов и патроны к нему. Справоч. пос. – М.: ЭКЦ МВД России, 1996. С. 6–39; Чулков И. А., Латышов И. В. Указ. соч. С. 70–94; Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Оружие пехоты. Справочник. – М.: Арсенал-Пресс, 1992. С. 14–93; Хогг Я., Уикс Д. Все пистолеты мира. Полный иллюстрированный справочник пистолетов и револьверов / Пер. с англ. В. А. Гришечкина. – М.: ЗАО Изд. ЭКС-МО-Пресс, 1998; Маркевич В. Е. Указ. соч., 1995. С. 479–546; Ярочкин В. И. Оружие. Гражданское, служебное, боевое. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997. С. 9–36 и др.

летного, и создание под него автоматических образцов оружия (автоматы, штурмовые винтовки).

Пистолет-пулемет как портативное автоматическое оружие, стреляющее пистолетными патронами непрерывным огнем, ведет отсчет времени с 1915 года.

Накануне Великой отечественной войны и в ее начальный период под 7,62-мм пистолетный патрон (к пистолету ТТ обр. 1930–1933 гг.) конструируются пистолеты-пулеметы Дегтярева, Шпагина, Судаева (соответственно ППД, ППШ, ППС). Из известных зарубежных пистолетов-пулеметов того периода можно назвать 9-мм пистолеты-пулеметы МП-34, МП-38, Беретта, Штейр, Суоми М-31; 11,43-мм Томпсон и др.¹⁸⁷

Россия явилась родиной первого автомата (в ряде стран такой вид оружия именуется штурмовой винтовкой). Его создатель – известный российский конструктор-оружейник В. Г. Федоров. В 1913 году им был предложен 6,5-мм автомат, который мог вести как непрерывный, так и одиночный огонь.

Первый отечественный промежуточный патрон калибра 7,62 мм появился в 1943 году. Всемирно известный россий-

¹⁸⁷Подробнее о пистолетах-пулеметах см.: Федоров В. Г. Указ. соч. С. 59–60; Жук А. Б. Указ. соч., 1988. С. 100–148; Тихонов Е. Н. Ручное длинноствольное и среднествольное огнестрельное оружие. Пос. для экспертов. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1979. С. 28–45; Справочник по судебной баллистике. Отечественное нарезное огнестрельное оружие. – М., 1963. С. 53–64; Филиппов В. В., Титоренко Б. А., Комаров А. А. Указ. соч. С. 48–70; Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 94–141; Болотин Д. Н. Указ. соч. С. 127–170; Жигалов Н. Ю., Королев В. В., Ручкин В. А., Ярмак В. А. Судебно-баллистические характеристики современных пистолетов-пулеметов ПП-90, «Кипарис» и следов, оставляемых ими на пулях и гильзах / Экспертная практика, № 40. – М., 1996. С. 63–68; Стрелковое оружие / Худ. обл. М. В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 1997. С. 125–162; Маркевич В. Е. Указ. соч., 1995. С. 547–559; Ярочкин В. И. Указ. соч. С. 48–51; Федосеев С. Самый знаменитый «Немец». / Оружие, 1999. № 8. С. 2–11; Монетчиков С. Лучший на той войне. / Оружие, 1999. № 8. С. 38–47; Кораблин В. Суперновое оружие России – пистолет-пулемет «Вереск» 9x21. / Мастер Ружье, 1999. № 37/38. С. 22–27 и др.

ский конструктор-оружейник М. Т. Калашников в 1946 году создает под него свой знаменитый автомат (АК-47). В 1949 году он принимается на вооружение нашей армии. В последующие годы автомат неоднократно модернизировался (АКМ, АК-74, АК серии 100 и др.) и сейчас является основным стрелковым оружием не только нашей армии, но и армий ряда зарубежных стран.

Тенденция функциональной целесообразности оружия со временем приводит к все большей его специализации. В конструктивном плане это особенно наглядно проявилось на примере развития стрелкового огнестрельного оружия. В начальный период своего развития оно было многофункциональным: одно и то же оружие без всяких конструктивных изменений одинаково успешно применялось в военных, охотничьих и спортивных целях. Этот период был достаточно длительным. Со временем все отчетливее начала проявляться специализация оружия на военное и охотничье. Причем на дальнейшее развитие и совершенствование того и другого в равной мере оказывала влияние последовательная череда возникавших научных открытий, изобретений, технических решений, их поступательное движение происходило по одним законам научно-технического прогресса и, следовательно, им были присущи одни и те же основные этапы развития, но с определенными поправками на специализацию.

Специализация на военное и охотничье огнестрельное оружие начала происходить на рубеже XV и XVI веков и окончательно сформировалась примерно к середине XIX века. Первые отличия охотничьего оружия от военного состояли в более тщательном, качественном изготовлении механизмов охотничьего оружия (прежде всего замков и стволов), его портативности, маневренности, богатой отделке¹⁸⁸.

¹⁸⁸См.: Блюм М. М., Шишкин И. Б. Указ. соч. С.5; Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 114–119; Жук А. Б. Указ. соч., 1988. С. 14; Изметинский Н. Л., Михайлов Л. Е. Указ. соч. С. 41 и др.

Интересно отметить опережающий характер развития охотничьего огнестрельного оружия по сравнению с военным. Следует согласиться с мнением ряда авторов о том, что «вплоть до XX века охотничье оружие опережало в своем развитии огнестрельное военное, которому, увы, никак нельзя отказать в быстром и постоянном совершенствовании»¹⁸⁹. В. Е. Маркевич объясняет это тем, что «привести в жизнь и скорее пустить в эксплуатацию изобретение в области огнестрельного оружия было гораздо легче и проще по охотничьей линии, чем по линии громоздкой военной организации»¹⁹⁰.

В отличие от военного охотничье оружие до начала XX века выпускалось преимущественно с гладкими стволами. Вообще, современная система охотничьего оружия сложилась в начале прошлого столетия. «В последующие десятилетия, – отмечали М. М. Блюм и И. Б. Шишкин, – уже известные системы оружия совершенствовались, появлялись новые сорта сталей, порохов, новые типы пыжей, но главное оставалось неизменным»¹⁹¹.

Итак, современная система охотничьего огнестрельного оружия включает¹⁹²:

1) «переламаывающиеся» (гладкоствольные, нарезные, комбинированные) ружья;

¹⁸⁹Сицко А. В., Блюм М. М., Шишкин И. Б. Советы начинающему охотнику. – М., 1991. С. 208–209.

¹⁹⁰Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 114.

¹⁹¹Блюм М. М., Шишкин И. Б. Указ. соч. С. 10.

¹⁹²См.: Закутский Д. М., Лесников В. А., Филиппов В. В. Охотничье огнестрельное оружие отечественного производства (1968–1986 гг.). Учеб. пособие – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988; Писаренко И. В., Молибога Н. П., Василенко Г. П., Билленчук П. Д. Криминалистическое исследование охотничьего огнестрельного оружия. – Киев, 1987. С. 106–149; Сицко А. В., Блюм М. М., Шишкин И. Б. Указ. соч. С. 113–252; Изметинский Н. Л., Михайлов Л. Е. Указ. соч. С. 75–153; Охотничье и спортивное оружие, патроны. Каталог. – М.: Внешторгиздат, 1995; Ружье, № 3. С. 33–37, 44–45; Ружье, № 2, 1996. С. 14–17, 48–53; Сборник справочных материалов по огнестрельному оружию. – М.: ЭКЦ МВД России, 1998. Ч. 2–3. С. 4–163; Ч. 6 и др.

– 2) «помповые» (или с подвижным цевьем Кольта-Эллиота) ружья;

3) оружие, перезаряжающееся скобой-рычагом Генри Б. («винчестеры»);

4) оружие с продольно скользящим затвором: неавтоматическое, автоматическое (самозарядное), смешанного типа (с самозарядно-ручным приводом).

Специально изготовленные спортивные ружья известны, как минимум, с XVII века. Однако выделение спортивного огнестрельного оружия в самостоятельную разновидность оружия начало происходить значительно позже. Так, в спортивных соревнованиях по стрельбе вплоть до конца XIX века зачастую использовалось еще военное и охотничье оружие. Во второй половине XIX века выпуск спортивного огнестрельного оружия значительно увеличивается и начинается его массовое производство.

Бурное развитие спортивного оружия вообще и огнестрельного в частности начинается с первой четверти XX века. В нашей стране и за рубежом создается большой арсенал спортивных ружей, винтовок, пистолетов и револьверов. Основную массу составляло спортивное огнестрельное оружие и незначительную часть – пневматическое.

В настоящее время систему спортивного огнестрельного оружия образуют две группы:

1) огнестрельное гладкоствольное (спортивные ружья для стендовой стрельбы);

2) нарезное спортивно-тренировочное и целевое (винтовки, пистолеты и револьверы).

Конечно, специализация ручного огнестрельного оружия не свелась к выделению лишь боевого (военного), охотничьего и спортивного оружия. Например, наряду с ними сложилось также гражданское огнестрельное оружие самообороны и служебное огнестрельное оружие. В нашей стране эти виды ручного огнестрельного

оружия получили признание в последние годы, что и было закреплено действующим Законом «Об оружии» от 13.11.96 года.

Ранее мы отметили, что холодное и метательное оружие по сравнению с огнестрельным гораздо раньше стало использоваться в преступных целях. Однако исторически сложилось так, что ручное огнестрельное оружие стало объектом более пристального внимания криминалистов, судебных экспертов и правоведов. Видимо, это объясняется его большей общественной опасностью, а также более сложным и специфичным характером оставляемых им следов. Причем первоначальными объектами судебно-экспертного исследования явилось не само огнестрельное оружие, а следы его применения, в частности, огнестрельные повреждения. Их первыми исследователями стали судебные медики. В основном решались вопросы, связанные с установлением дальности, направления выстрела, места расположения стрелявшего и жертвы, другие обстоятельства применения огнестрельного оружия. В России эти исследования совпадают по времени с участием врачей в осмотрах трупов и приходится на середину XVII века. Со второй половины XIX века активно использовалась помощь известных ученых-медиков. В это же время в химических лабораториях производились первые криминалистические исследования порохов и остатков выстрела.

Позднее круг объектов исследования пополнился самим огнестрельным оружием (его частями), боеприпасами (их компонентами), приборами, инструментами и принадлежностями для изготовления оружия и снаряжения боеприпасов. Наконец, объектами экспертного исследования стали следы применения огнестрельного оружия на пулях и гильзах.

Первые судебно-баллистические идентификационные исследования за рубежом начали проводиться в конце XIX века. В России в 1908 году была выполнена первая су-

дебно-баллистическая экспертиза по идентификации огнестрельного оружия по следам на пулях, а в 1913 году – по следам на гильзах.

Таким образом, к моменту формирования судебной баллистики как самостоятельной отрасли криминалистической техники¹⁹³ в качестве объектов экспертного исследования уже рассматривались огнестрельное оружие и его части; боеприпасы и компоненты их снаряжения; приборы, инструменты и приспособления для изготовления оружия и снаряжения боеприпасов; следы выстрела на пораженных преградах, оружии, пулях, гильзах, пыжах.

Постепенно происходило накопление специальных знаний, практического опыта, готовились научные кадры, создавались необходимые приборы, закладывались научные основы самостоятельной отрасли знаний – судебно-баллистической экспертизы. Закономерным итогом такого развития стало появление нового субъекта судебной экспертизы – эксперта-баллиста.

Конечно, на этом этапе уровень развития его специальных знаний еще не позволял глубоко и полно исследовать объекты экспертизы, решать многие практические вопросы.

В последующем шло активное развитие как теории, так и практики решения экспертных задач, связанных с исследованием огнестрельного оружия и следов его применения. Можно выделить три основных направления: исследование огнестрельного оружия, исследование боеприпасов, исследование следов выстрела. В каждом направлении решались как идентификационные, так и диагностические задачи. Для этого периода характерно количественное расширение и качественное изменение некоторых объектов судебно-баллистической экспертизы. Проводятся исследования следов выстрела не только на пораженной преграде, оружии, стреляных гильзах, снарядах, пыжах, но и на са-

мом стрелявшем и предметах окружающей обстановки. Помимо огнестрельного оружия (как заводского, так и самодельного изготовления) и патронов к нему, круг объектов исследования расширяется за счет огнестрельных и неогнестрельных стреляющих устройств (ракетниц, строительно-монтажных пистолетов, ружей и пистолетов для подводной охоты и др.), патронов к огнестрельным стреляющим устройствам.

В этот период ведется активная разработка методик экспертного исследования не только огнестрельного оружия и следов его применения, но и подобных ему по конструкции огнестрельных стреляющих устройств.

В 1970–1980 годах перечень объектов судебно-баллистического исследования пополняется новым (нетрадиционным) видом оружия – газовым, а несколько позже – электрическим (электрошокерами и искровыми разрядниками).

Последнее десятилетие характеризуется существенным качественным изменением основных объектов судебно-баллистического исследования – огнестрельного оружия и боеприпасов к нему. В частности, происходит их значительная модернизация. Поэтому перед экспертами-криминалистами, работающими в области судебной баллистики, ставятся задачи обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, возникающих при стрельбе из новых образцов оружия, изучения механизма образования признаков, используемых в целях определения модели оружия и его идентификации, а также разработки иных приемов, методов и методик исследования, которые с наибольшим эффектом могли быть применены в экспертной практике.

В последние годы объектами судебно-экспертного исследования все чаще становятся взрывные устройства (ВУ). В. М. Плескачевский предлагает называть их оружием взрывного поражающего действия. В частности, он пишет: «Следует подчеркнуть, что термин "взрывное устройство" в настоящее время получил большое наполнение

¹⁹³См.: Черваков В. Ф. Судебная баллистика. – М.: Юриздат, 1937.

с включением в него объектов, оружием не являющихся. Поэтому необходимо выделить из него **оружие взрывного поражающего действия**¹⁹⁴.

В целом, мы разделяем позицию автора. Действительно, в обозначении исследуемой категории объектов (взрывных устройств) должен обязательно присутствовать термин «оружие». На это ориентируют Большая советская энциклопедия и Советская военная энциклопедия, в которых названные объекты также рассматриваются в качестве оружия – минно-взрывного¹⁹⁵. В частности, под ним понимают «оружие, не требующее средств для придания ему движения и устанавливаемое в местах возможных действий противника»¹⁹⁶. На наш взгляд, в целях унификации терминологии, касающейся определения оружия, в криминалистике и судебной экспертизе целесообразно исходить из системы уже давно сложившихся понятий, принятых в военном деле для обозначения традиционных (то есть исторически сформировавшихся) видов оружия, каковым и является минно-взрывное.

Создание **минно-взрывного оружия** явилось следствием объективно действовавшей тенденции усиления поражающей способности оружия. В частности, она заставила человека изыскивать для его создания новые, более эффективные источники энергии. Человек остановил свой выбор на таких энергоносителях, как взрывчатые вещества (ВВ), исторически первым представителем которых был дымный порох. Он явился первым ВВ, энергию которого люди использовали в оружии. При этом многие источники¹⁹⁷ однозначно указывают на то, что порох в первую оче-

редь положил начало созданию минно-взрывного оружия, а уже потом послужил толчком к изготовлению огнестрельного.

Здесь следует отметить, что первые образцы минно-взрывного оружия, явившиеся предшественниками раннего огнестрельного оружия, объединяли с последним единый источник энергии, на котором они основывались (дымный порох), а также механический характер их поражающего действия (имеется в виду осколочное и пулевое повреждение цели). В последующем, с открытием и использованием бризантных ВВ различия между названными видами оружия существенно увеличились.

Историческими предшественниками оружия, используемого для поражения цели энергию ВВ (минно-взрывного), явились мины (пороховые фугасы).

Ручные пороховые гранаты стали использоваться в боевых действиях по осаде и защите крепостей в XVI веке, а с XVII века они уже активно применялись в полевом бою специально подобранными для этих целей гренадерами.

К началу XX века появились практически все известные на сегодня бризантные ВВ. В силу своего огромного разрушительного действия они полностью вытеснили дымный порох и стали широко использоваться в качестве заряда ВВ при изготовлении минно-взрывного оружия, в частности, инженерных мин и ручных гранат¹⁹⁸.

Массовый промышленный выпуск инженерных мин и ручных гранат был освоен в начале XX века. Сейчас они производятся в большом ассортименте. Особенно боль-

¹⁹⁴Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 303.

¹⁹⁵См.: Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. Т. 18. – М., 1974. С. 539.; Советская военная энциклопедия. Т. 6. – М., 1978. С. 126.

¹⁹⁶Советская военная энциклопедия. Т. 6. – М., 1978. С. 126.

¹⁹⁷См., например, Советская военная энциклопедия. Т. 6. – М., 1978. С. 457; Маркевич В. Е. Указ. соч. С. 50.

¹⁹⁸См.: Инженерные боеприпасы. Кн. 1 и 2. – М., 1976, 1978; Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Взрывные устройства промышленного изготовления и их криминалистическое исследование. – М., 1991. С. 97–102; Иволгин А. И. Развитие и применение минно-подрывных средств. – М.: Воениздат, 1956; Советская военная энциклопедия. Т. 5. – М., 1978. С. 311–314 и др.

шим разнообразием отличаются инженерные мины¹⁹⁹. Они могут классифицироваться по различным основаниям, например, назначению, характеру поражения, времени срабатывания, способу приведения в действие средства взрыва. К наиболее распространенным отечественным инженерным минам относятся: противопехотные – ОЗМ-4, ПМД-6, ПМД-6М, ПОМЗ-2, ПОМЗ-2М, ПМН; противотанковые – ТМ-41, ТМ-57, ТМ-62М, ТМ-62Д, ТМ-72 и др.

Несколько меньшим разнообразием характеризуются ручные гранаты²⁰⁰. Они могут классифицироваться по тем же основаниям, что и инженерные мины. Отечественной промышленностью в большом количестве выпускались следующие типы ручных осколочных гранат: Ф-1; РГД-33; РГ-42; РГД-5; РГН и РГО. Начиная с 1985 года на вооружении нашей армии состоят лишь два последних типа гранат. Из ручных противотанковых гранат можно выделить РПГ-40, РПГ-43, РПГ-6, РКГ-3.

С появлением в арсенале вооружений минно-взрывного оружия наряду с применением в боевых целях его начали

¹⁹⁹Подробнее об эволюции минно-взрывного оружия см.: Ручкин В. А., Железняков А. И., Сенцов А. С., Калашников А. Н. Основы криминалистических знаний о боеприпасах и взрывчатых веществах и ответственность за преступное обращение с ними. Учеб. пособие. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1995; Ручкин В. А. Оружие и следы его применения. Криминалистическое учение. – М.: Юрлитинформ, 2003; Игнашин В. И. Технично-криминалистическое обеспечение и особенности взаимодействия участников следственно-оперативной группы при поиске, локализации и обезвреживании взрывных устройств на месте происшествия. Дисс. ... канд. юр. наук. – Волгоград, 2001.

²⁰⁰См.: Дильдин Ю. М., Мартынов В. В. и др. Указ. соч. С. 44–63; Наставление по стрелковому делу. – М.: изд. МО СССР, 1973. С. 617–634; Начальная военная подготовка. Под ред. Ю. А. Науменко. – М.: Просвещение, 1985. С. 129–137; Советская военная энциклопедия. Т. 3. – М., 1976. С. 27–28; Справочник по патронам, ручным и специальным гранатам иностранных армий. – М.: Воениздат, 1946; Криминалистическая взрывотехника и взрывотехническая экспертиза. Сост. Е. Н. Тихонов. Ч. 2. – Барнаул, 1989. С. 3–31; Леонидов Ф. «Подготовить гранаты» // Оружие. 1999. № 8. С. 60–65 и др.

использовать и при совершении преступлений. В настоящее время трудно сказать, где и когда был впервые осуществлен криминальный взрыв с использованием этого вида оружия или его раннего предшественника – порохового фугаса.

Государство на разных этапах своего развития предусматривало в законодательстве правовые нормы, принимаемые для предотвращения опасности, которая могла возникнуть при ненадлежащем обращении с минно-взрывным оружием или в результате его использования в преступных целях.

Так, в России ответственность за хранение более дозволенного срока пороха, как исторически первого представителя взрывчатых веществ, вводилась с 1864 года. Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В советском законодательстве ответственность за «изготовление, хранение, покупку и сбыт взрывчатых веществ и снарядов» была введена Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1933 года «Об изменении статьи 182 Уголовного кодекса» (Речь идет об УК 1926 года)²⁰¹.

В Уголовном кодексе РФ, вступившем в действие с 1 января 1997 года (в отличие от предыдущего УК РСФСР), введено понятие «взрывное устройство» (как одна из разновидностей минно-взрывного оружия) в качестве самостоятельного предмета преступления, конструктивного признака его состава (ст. 222, 223, 225, 226)²⁰².

Первыми объектами судебно-экспертного исследования, аналогично огнестрельному оружию, явились следы применения минно-взрывного оружия (продукты взрыва),

²⁰¹См.: Колотушкин С. М. Криминалистическая взрывотехника. Основы теории и практики. Монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2002. С. 51, 53.

²⁰²Ручкин В. А., Игнашин В. И. Взрывные устройства как объекты криминалистического оружейведения // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 189–190.

а также компоненты его снаряжения (заряд ВВ). Анализ литературных источников показывает, что в России первые попытки научного исследования ВВ и продуктов взрыва относятся к середине XIX века. Эти исследования проводились по заданиям следственных органов в химической лаборатории Российской Академии наук²⁰³.

В силу некоторых специфических свойств минно-взрывное оружие по сути с момента своего появления было по «достоинству» оценено и стало главным оружием террористов. В конце XIX века и в начале XX века в России редкий террористический акт обходился без использования минно-взрывного оружия (обычно его самодельного аналога). С освоением промышленного производства этого вида оружия в преступных целях начали все активнее использовать его заводские образцы – ручные гранаты и инженерные мины.

В дореволюционной России еще не существовало четких методических рекомендаций (равно как и специализированных экспертно-криминалистических учреждений) по судебно-экспертному исследованию минно-взрывного оружия, его самодельных аналогов, следов их применения и компонентов снаряжения. Для оказания помощи следователям в расследовании преступлений, совершенных с использованием названного вида оружия, обычно привлекали военных специалистов (как правило, саперов либо артиллеристов). В этот период происходило интенсивное накопление эмпирического материала, требовавшего научного осмысления.

В послереволюционный период (до начала Великой отечественной войны) количество преступлений, совершаемых с использованием минно-взрывного оружия, несколько снизилось. В это время сколько-нибудь заметных изменений в технико-криминалистическом обеспечении

²⁰³Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. – М.: ЮИ МВД РФ, 1994. С.16.

раскрытия и расследования указанной категории преступлений не произошло.

С началом Великой отечественной войны резко возросло число случаев использования минно-взрывного оружия в диверсионных целях. Судебно-следственная и экспертная практика остро ощутила потребность в разработке эффективных методик экспертно-криминалистического исследования минно-взрывного оружия и следов его применения. В структурах государственной безопасности начались интенсивные работы (в основном закрытого характера) по разработке таких методик.

В этот период объектами экспертного исследования являлись не только штатные образцы (инженерные мины, подрывные заряды, ручные гранаты и т. п.), но и оригинальные, специально изготовленные для диверсионных целей образцы минно-взрывного оружия.

После окончания войны и до конца 1980-х годов в нашей стране минно-взрывное оружие и следы его применения в экспертной практике исследовались сравнительно редко. К этому времени уже был накоплен значительный эмпирический и теоретический материал по исследованию названного вида оружия и следов его применения. В частности, имелся ряд разработок, посвященных как судебно-экспертному исследованию ВВ и продуктов взрыва, так и тактике и методике проведения отдельных следственных действий по делам о криминальных взрывах. Был также окончательно решен вопрос о признании минно-взрывного оружия и следов его применения объектами криминалистического исследования.

С распадом СССР наметилась устойчивая тенденция роста преступлений, связанных с использованием минно-взрывного оружия. Пик этого роста пришелся на вторую половину 1990-х годов. За последние пять лет число таких преступлений увеличилось вдвое. Например, в 1999 году в России было совершено 972 криминальных взрыва, в том

числе взрывы домов в Москве и Волгодонске, унесшие жизни сотен людей. Определилась опасная тенденция увеличения преступлений откровенно террористической направленности, ведущая к социальной напряженности в обществе, страху и неуверенности. В настоящее время в стране ежедневно изымаются десятки единиц минно-взрывного оружия (штатных боеприпасов, самодельных взрывных устройств, конструктивно оформленных зарядов ВВ со средствами взрывания и др.).

Анализ экспертной практики показывает, что среди объектов взрывотехнической экспертизы (за исключением взрывчатых веществ и продуктов взрыва) взрывные устройства составляют около 38 %, средства взрывания – 39 %, пиротехнические средства – 23 %. При этом из общей массы взрывных устройств на ВУ заводского изготовления приходится в среднем до 70 %²⁰⁴, самодельного изготовления – 30 %. Однако эти показатели в разных регионах страны могут существенно варьировать. Так, для регионов, приближенным к «горячим» точкам или на территории которых имеются крупные армейские склады, характерен достаточно высокий процент ВУ заводского изготовления, поступающих на судебно-экспертное исследование. Для глубинных районов страны, где наблюдается минимальная дислокация войск, наиболее типично преобладание самодельных взрывных устройств. В целом, минно-взрывное оружие среди всех «оружейных» объектов судебно-экспертного исследования составляет около 6 %.

Увеличению доли этого вида оружия в числе «оружейных» объектов судебно-экспертного исследования способствует отсутствие должного контроля со стороны государства за его оборотом. Лидирующее место среди причин незаконного оборота минно-взрывного оружия занимают

²⁰⁴Среди изымаемых взрывоопасных объектов промышленного изготовления до 50 % составляют ручные гранаты (см.: Колотушкин С. М. Указ. соч. С. 207).

вооруженные конфликты на территории России и ее границах. В частности, до сих пор полностью не перекрыт его ввоз с территории Чеченской республики. В Волгоградской и Ростовской областях, а также Краснодарском и Ставропольском краях в 2000 году количество изъятых единиц минно-взрывного оружия по сравнению с 1999 годом возросло в 1,4 раза.

Увеличение доли минно-взрывного оружия в общем количестве «оружейных» объектов экспертного исследования на практике породило и другую проблему. В сложившейся ситуации подразделения органов внутренних дел оказались неподготовленными к ведению активных и эффективных действий по раскрытию и расследованию все увеличивающегося числа преступлений, связанных с использованием минно-взрывного оружия. Одна из основных причин подобного – нерешенность проблемы надежного технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования данной категории преступлений. В немалой степени это вызвано специфичностью и сложностью исследуемых объектов, а также опасностью для жизни при работе с ними. В целом, судебно-следственная и экспертная практика показывает, что еще требуются значительные усилия в методическом, научно-техническом и организационном плане по повышению эффективности криминалистического и судебно-экспертного исследования этой категории объектов.

Зажигательное оружие в качестве объекта исследования в судебно-следственной и экспертной практике встречается гораздо реже. Одной из причин этого, как справедливо отмечал В. М. Плескачевский, является отсутствие в действующем УК РФ статьи, предусматривающей уголовную ответственность за незаконный оборот зажигательного оружия²⁰⁵. Позиция законодателя в этом плане

²⁰⁵Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 308.

вызывает удивление. Трудно объяснить, почему самостоятельный, исторически сложившийся вид – зажигательное оружие, являющееся не меньшим источником повышенной общественной опасности, чем огнестрельное оружие, оказался вне рамок действия Уголовного кодекса РФ. Ликвидация названного правового пробела в действующем законодательстве, безусловно, благотворно сказалась бы на практике борьбы с «вооруженной» преступностью.

На наш взгляд, этим целям в значительной степени способствовало бы также расширение в Федеральном законе «Об оружии» от 13.11.96 года круга объектов регулирования путем включения в преамбулу названного Закона наряду с гражданским, служебным, боевым ручным стрелковым и холодным оружием и зажигательного оружия.

Отсутствие правовой урегулированности оборота зажигательного оружия отрицательно сказывается и на разработке научных и методических основ его судебно-экспертного исследования. Негативное влияние на это оказывает также наличие в криминалистике и судебной экспертизе очень скудной информации о зажигательном оружии, несмотря на то что оно относится к исторически сложившимся видам.

Зажигательное оружие, своими корнями уходящее в глубокую древность, создавалось на стыке двух отраслей: пиротехники и взрывного дела. Пройдя длительный исторический путь от примитивных зажигательных составов до современных реактивных огнеметов, оно как самостоятельный вид прочно заняло свою нишу в системе современных вооружений. Вообще, зажигательное и минно-взрывное оружие функционально близки друг другу. Оба вида оружия объединяет, прежде всего, характерное для них термическое поражающее действие, а для некоторых образцов зажигательного – наличие и фугасного действия. Эволюционное развитие зажигательного и минно-взрывного оружия, в отличие от некоторых других видов оружия, шло по пути их сближения. Например, отдельные об-

разцы современных боеприпасов ствольной артиллерии сочетают в себе элементы зажигательного и минно-взрывного оружия: осколочно-зажигательные, бронебойно-зажигательные снаряды и др.

Военные специалисты определяют зажигательное оружие как боевые средства для поражения живой силы и военной техники противника, создания пожаров²⁰⁶. Данное оружие основано на использовании зажигательных веществ и включает в себя зажигательные боеприпасы и огнесмеси, а также средства их доставки к цели.

Хотя зажигательные вещества известны с древнейших времен, но широкое применение они получили в XX веке с бурным развитием химической промышленности. Впервые огнеметы стали массово применяться во время Первой мировой войны. В последующие годы шел активный процесс их развития, открывались новые типы зажигательных веществ.

В настоящее время в зависимости от химического состава различают две группы зажигательных веществ:

- 1) вещества, горящие с использованием кислорода воздуха (напалм и др.);
- 2) вещества, содержащие окислители, которые способны гореть без доступа воздуха (термиты и проч.)²⁰⁷.

Современное зажигательное оружие наряду с зажигательными веществами и смесями включает также и широкий арсенал средств их боевого применения²⁰⁸. Мы не сильно погрешим против истины, если скажем, что проблема исследования зажигательного оружия в криминалистике и судебной экспертизе была затронута, да и то, как нам думается, не в должной мере, лишь в монографии В. М. Плещ-

²⁰⁶Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. – М., 1986. С. 261.

²⁰⁷Советская военная энциклопедия. Т. 3. – М., 1977. С. 366.

²⁰⁸Средство боевого применения – конкретная конструкция боевого устройства или боеприпаса, обеспечивающая доставку и эффективный перевод зажигательного вещества или смеси в боевое состояние на объекте поражения (см.: Защита от оружия массового поражения. Под ред. В. В. Мясникова. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1989. С. 365).

качевского²⁰⁹. Он – один из первых, кто попытался дать понятие зажигательного оружия как объекта исследования и определить нижний конструктивный и функциональный предел, отличающий его от иных зажигательных устройств. В частности, Плескачевским сделан следующий вывод: «Таким образом, можно заключить, что пороговым устройством, с которого можно начинать отсчет зажигательного оружия, является стеклянная бутылка, наполненная бензином и снабженная специальным фитилем, один конец которого погружен в бензин, или же специальной капсулой с инициирующим химическим веществом. В таком объекте уже усматриваются достаточная конструктивность и функциональность, указывающие на определенное целевое назначение, не связанное с хозяйственно-бытовыми целями»²¹⁰.

Нет необходимости доказывать, что основы судебно-экспертного исследования (особенно классификационного характера) любого вида оружия базируются, прежде всего, на понятии этого вида оружия и его классификации. Учитывая методологическое значение указанных категорий для формирования основ криминалистической экспертизы зажигательного оружия, остановимся на их детальном рассмотрении. Тем более что в криминалистике и судебной экспертизе вообще отсутствует классификация зажигательного оружия, используемого в криминальных целях. Имеются лишь отдельные сведения о некоторых образцах штатного зажигательного оружия, взятые из военных источников²¹¹.

²⁰⁹Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 303–309.

²¹⁰Там же. С. 307.

²¹¹См., например: Грабовой И. Д., Кадок В. К. Зажигательное оружие и защита от него. – М.: Воен. изд., 1983; Грабовой И. Д. Современное оружие и защита от него. – М.: ДОСААФ, 1984. С. 51–57; Защита от оружия массового поражения / Под ред. В. В. Мясникова. – М.: Воен. изд., 1989. С. 359–391; Могутов П. А. Огнеметно-зажигательное оружие армии США // Зарубежное военное обозрение, 1981. № 6; Новиков И. В., Колюхов В. И. Огнеметно-зажигательное оружие. – М.: ДОСААФ, 1957; Ардашев А. Н. Огнеметно-зажигательное оружие. Иллюстрированный справочник. – М.: ООО «Изд. «Астрель»: ООО «Изд. «АСТ», 2001.

Понятие «зажигательное оружие», используемое военными специалистами (как уже было отмечено ранее), собирательное. Оно включает в себя различные средства боевого применения зажигательных веществ и смесей. К этому необходимо добавить также разного рода самодельные аналоги названных средств, используемые в преступных целях. Однако в каждом случае под зажигательным оружием следует понимать средство применения зажигательных веществ и смесей, которое конструктивно и функционально должно обеспечивать их доставку на объект поражения и (или) воспламенение (то есть эффективный перевод в боевое состояние) на этом объекте для достижения определенных целей. Поэтому исходя из того, что в основе любого зажигательного оружия лежат зажигательные вещества и смеси и оно конструктивно и функционально представляет собой средство их боевого применения на объекте поражения, представляется не совсем точным определение этого вида оружия, предложенное В. М. Плескачевским. В частности, он определяет его как «устройство, конструктивно и функционально предназначенное для летального поражения человека или разрушения преград за счет рассчитанного термического воздействия на поражаемый объект»²¹². Не трудно заметить, что под такое определение попадают и объекты, не являющиеся зажигательным оружием, например, электронагревательные приборы (устройства) с высоким термическим действием и подобные им конструкции.

На наш взгляд, зажигательное оружие как объект судебно-экспертного исследования – это средство применения зажигательных веществ и смесей, конструктивно и функционально предназначенное для их доставки и (или) эффективного перевода в боевое состояние (воспламенение) на объекте поражения с целью причинения

²¹²Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 308.

человеку смертельных повреждений или разрушения преград за счет термического (токсического) воздействия на них.

В конструктивном плане объект, определяемый как зажигательное оружие, должен состоять из емкости (корпуса), заполненной определенным объемом зажигательного вещества или смеси и снабженной средством иницирования (капсюлем-детонатором, электродетонатором, огнепроводным шнуром, зажигательным фитилем, капсулой с иницирующим химическим веществом и т. п.). Емкость (корпус) может отсутствовать, если используется конструктивно оформленный заряд зажигательного вещества (например, термитная шашка) со средством иницирования. При этом объект, определяемый как зажигательное оружие, должен не иметь прямого производственного или хозяйственно-бытового назначения, быть предназначенным для поражения цели за счет термического (токсического) действия и обладать таким набором составных частей (конструкцией), который позволяет использовать его по назначению. Минимально достаточным объемом (количеством) зажигательного вещества или смеси в объекте, относимом к зажигательному оружию, на наш взгляд, следует считать такой, при переводе которого в боевое состояние (воспламенение) обеспечивается причинение человеку смертельных повреждений термического (токсического) характера. При этом необходимо иметь в виду, что «основными поражающими факторами зажигательного оружия являются выделяемые при его применении тепловая энергия и **токсичные для человека продукты горения** (выделено мной. – В. Р.)»²¹³. Очевидно, что в определении зажигательного оружия делать упор лишь на его термическое действие на поражаемый объект, будет не совсем верно.

²¹³Защита от оружия массового поражения / Под ред. В. В. Мясникова. – М., 1989. С. 360.

Таким образом, обязательными конструктивными элементами зажигательного оружия будут являться указанный нами заряд (объем) зажигательного вещества или смеси и средство иницирования, в комплексе позволяющие использовать это оружие по назначению. В подавляющем большинстве случаев к названным конструктивным элементам зажигательного оружия добавляется еще емкость (корпус), начиная от обычных стеклянных бутылок и заканчивая специально изготавливаемыми для этих целей корпусами из определенных металлов (сплавов).

Важное, как теоретическое, так и прикладное, значение для экспертной практики имеет классификация индивидуального зажигательного оружия.

В зависимости от конструктивных особенностей оно может быть классифицировано на 3 группы:

1) ручные стреляющие (пусковые) комплексы (устройства) направленного термического действия с зажигательными боеприпасами (веществами) к ним;

2) автономные зажигательные боеприпасы (устройства);

3) конструктивно оформленные заряды зажигательных веществ со средствами иницирования.

К первой группе относятся ранцевые и реактивные огнеметы, гранатометы с зажигательными гранатами. Следует отметить, что отдельные типы зажигательных боеприпасов могут использоваться со стрелковым и артиллерийским огнестрельным оружием (патроны с пристрелочно-зажигательными, бронебойно-зажигательными и тому подобными пулями; зажигательные артиллерийские снаряды, мины и др.). Безусловно, в этом случае нет оснований рассматривать такое оружие в качестве зажигательного. В. М. Плещачевский «к числу зажигательного оружия индивидуального использования, представляющего интерес для криминалистического оружиеведения» безосновательно, на наш взгляд, относит пристрелочно-зажигательные и бронебой-

но-зажигательные пули²¹⁴. Очевидно, что отнесение пуль к категории зажигательного оружия ошибочно, и это освобождает нас от каких-либо комментариев здесь.

Автономные зажигательные боеприпасы (устройства) способны, подобно инженерным боеприпасам, срабатывать в автономном режиме, то есть без использования специальных пусковых (стреляющих) устройств для их отстрела. Они могут устанавливаться на объекте поражения вручную или доставляться к нему, например, с помощью авиации. К ним могут быть отнесены огневые (зажигательные) фугасы, мины, зажигательные авиабомбы, ручные зажигательные гранаты и т. п.

Некоторые виды зажигательных веществ (например, термиты) выпускаются в виде конструктивно оформленных зарядов (по аналогии с ВВ). Такие конструктивно оформленные заряды зажигательных веществ, снабженные соответствующим средством инициирования, рассматриваются нами в качестве третьей группы зажигательного оружия.

Во всех трех названных группах зажигательного оружия могут быть выделены образцы заводского, кустарного и самодельного изготовления. Отечественная и зарубежная судебно-следственная и экспертная практика показывает, что самодельным способом обычно изготавливаются разного рода автономные зажигательные боеприпасы (устройства). Как правило, они представляют собой стеклянные емкости (чаще бутылки), наполненные смесью зажигательных веществ (горючей смесью, в которую обычно входят определенные нефтепродукты) и снабженные средствами инициирования. В качестве последних зачастую используются спички, зажигалки, привязываемые к бутылкам, наполненным горючей смесью и содержащим разного рода фитили²¹⁵;

²¹⁴Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 307.

²¹⁵Major Joseph Stoffel aus (ret). Explosives and homemade BOMBS. Charles C. Thomas. Publisher. Springfield, Illinois. Second Edition, second Printing, S. 228-232.

огнепроводные шнуры; капсулы-детонаторы; электродетонаторы; запалы; стеклянные ампулы или иные капсулы с инициирующим химическим веществом и т. п.

Классификация зажигательного оружия может проводиться и по иным основаниям.

Конечно, зажигательное оружие относится к числу малораспространенных объектов судебно-экспертного исследования. Однако в последние годы наряду с использованием в криминальных целях самодельных аналогов этого вида оружия (обычно бутылок с разного рода зажигательной смесью) все чаще отмечаются случаи изъятия либо противоправного применения штатных образцов. Речь идет, прежде всего, о реактивных огнеметах. Так, в практике работы ЭКУ ГУВД Волгоградской области (с 1997 по 2001 год) проводилось 4 судебно-экспертных исследования (3 экспертизы и 1 исследование) огнеметов РПО-А, а также 1 экспертиза следов применения зажигательно-дымового патрона (ЗДП). Примечательно, что в регионах, находящихся в непосредственной близости от «горячих» точек, подобных исследований значительно больше. В целом же штатное зажигательное оружие в общей массе «оружейных» объектов экспертного исследования составляет менее чем 0,1 %²¹⁶. Тем не менее, факты исследования таких объектов в судебно-следственной и экспертной практике делают еще острее проблему разработки понятия, классификации зажигательного оружия и методики его криминалистического и судебно-экспертного изучения.

Пневматическое оружие в качестве объекта судебно-экспертного исследования встречается также достаточно

²¹⁶Дать какую-либо статистику в отношении самодельного огнестрельного оружия весьма затруднительно, так как по сложившейся в настоящее время практике оно исследуется в рамках пожарно-технической экспертизы вместе со сложно-поджигающими устройствами, четких разграничительных критериев с которыми, к сожалению, еще не разработано.

редко, хотя оно, как и зажигательное, относится к исторически сложившемуся виду.

Пневматическим, как известно, принято считать оружие, использующее энергию сжатого воздуха, пара или газообразного вещества. Если в подобном оружии для метания снаряда используется давление предварительно сжатого воздуха, его называют пневматическим оружием, если используется давление газообразного вещества – газобаллонным (хотя последнее является разновидностью пневматического). Относясь к группе оружия, предназначенного для дистанционного поражения цели, пневматическое оружие по своей конструкции и другим характеристикам настолько отлично от иных видов, входящих в эту группу (например, исторически сложившихся образцов метательного оружия – пращи, лука, арбалета и др.), что законодатель совершенно справедливо, на наш взгляд, выделил его в самостоятельный вид оружия – пневматическое (в том числе газобаллонное)²¹⁷. Учитывая позицию законодателя и общепризнанность сложившегося названия, думается, не совсем корректно относить пневматическое оружие к метательному неогнестрельному (или метательному). Здесь нужно принимать во внимание также и сформировавшийся в нашей стране и за рубежом военно-исторический подход к пониманию исторически сложившихся видов оружия (в том числе метательного)²¹⁸. Так, Д. С. Коровкин утверждает, что «пневматическое метательное оружие, в свою очередь, будет подразделяться на следующие подвиды: ружья, винтовки, пистолеты, револьверы»²¹⁹, хотя несколькими страницами раньше он, по сути, пришел к иному

²¹⁷Федеральный Закон «Об оружии» от 13.11.96 г., № 150-ФЗ, ст. 1.

²¹⁸См., например, Советская военная энциклопедия. Т. 5. – М., 1978. С. 256–258.

²¹⁹Коровкин Д. С. Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. С. 16.

выводу. В частности, он отметил, что к настоящему моменту многие из групп метательного оружия выделились в «самостоятельные "условные классы" предметов, имеющие **собственные давно устоявшиеся общепринятые названия**» (выделено мной. – В. Р.)²²⁰.

Прообразом пневматического оружия явилась духовая трубка для выдувания стрел.

Идея использования сжатого воздуха для выбрасывания снаряда значительно позже была реализована в более совершенном пневматическом оружии – духовом (пневматическом) ружье. «Человек давно подметил полезные свойства, которыми обладает этот бесплатный материал (окружающий воздух. – В. Р.), – писал В. Христич. – Его применение шло рука об руку с ростом знания и технического искусства людей, и довольно рано образовало интересующую нас область – пневматическое оружие»²²¹.

Изобретателем первого пневматического ружья в Европе считают нюрнбергского оружейника Гуттера (1430 г.)²²². С этого времени разные оружейники проявляют активный интерес к созданию пневматического оружия.

Наиболее совершенным образцом боевого пневматического ружья того периода явилось ружье Жирардони образца 1780 года²²³.

Предпринимавшиеся впоследствии попытки модернизировать ружье Жирардони оказались безуспешными. Получившиеся образцы пневматического оружия уже уступали бурно развивавшемуся в то время огнестрельному оружию. Поэтому пневматическое оружие в качестве военного и охотничьего не получило применения. Его дальнейшее развитие пошло по пути спортивного оружия, а позднее –

²²⁰Там же. С. 12.

²²¹Христич В. Ружье, которое испугало Наполеона. / Ружье. Оружие и аммуниция. Октябрь-ноябрь 1996 г. С. 66.

²²²Маркевия В. Е. Указ. соч. С. 529.

²²³Христич В. Указ. соч. С. 66–69.

гражданского оружия самообороны. Причиной этого явилась его малая эффективность и неспособность создать конкуренцию огнестрельному оружию.

Современные технологические возможности привели к определенному возрождению пневматического оружия, причем не только как спортивно-тренировочного средства, но и как оружия охотничьего и самозащиты²²⁴.

Наибольшее развитие пневматическое оружие получает в середине XX века. Появляются пневматические винтовки с начальной скоростью снаряда около 800 м/с. Фирма «Шимел Армз» выпускает первое короткоствольное газобаллонное оружие.

У нас в стране и за рубежом в настоящее время в качестве спортивно-тренировочного оружия и оружия самозащиты в широком ассортименте выпускаются пружинно-поршневые и газобаллонные винтовки, пистолеты, револьверы, а также винтовки с поршневым механизмом (насосом) фирмы «Кроссман»²²⁵. Производятся также различные модели газобаллонных пневматических и гидропневматических ружей для подводной охоты²²⁶. Распространены два конструктив-

²²⁴Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 254.

²²⁵См., например, Тихонов Е. Н. Судебно-баллистическая экспертиза. Справочное пособие. – Барнаул: Изд. АГУ, 1991. С. 34–35; Дворкин А. Д. Стрельба из пневматических винтовок. – М.: ДОСААФ, 1986; Ярочкин В. И. Указ. соч. С. 91–94; Ружье. Оружие и аммуниция. Октябрь-ноябрь 1996; Оружейный двор, 1996. № 2; Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3; Мастер Ружье, 1998. № 24/25; Ружье, 1998. № 3; Все об оружии. Иллюстрированный справочник / Автор и сост. И. Д. Камынин. – М.: «Кросна-Люкс», 1997; Криминалистическое исследование пневматического оружия. Справочно-методическое пособие. / Под ред. А. И. Устинова. – М., 1971; Кокин А. В. и др. Газовое, сигнальное, пневматическое оружие и патроны к нему. Справочник эксперта-криминалиста. – М., 1997. С. 176–211.

²²⁶См.: Кононаев А. В., Лесников В. А., Филиппов В. В. Стреляющие устройства небоевого назначения промышленного изготовления. Справочное пособие. – М.: ЭКЦ МВД России, 1997. С. 117–143; Микриков М. П. С ружьем на глубину. – М.: ДОСААФ, 1973; Тихонов Е. Н. Указ. соч., 1991. С. 35; Виноградов В. Оружие для охоты на рыб. / Мастер Ружье, 1998. 23. С. 40–45 и др.

ных типа названного оружия: с ручным отведением поршня, сжатием пружины и соответственно воздуха (пневматическое) и со специальным зарядным баллончиком, в котором находится сжатый углекислый газ (газобаллонное). Первыми отечественными образцами газобаллонного оружия явились винтовка МЦ 110-2 и пистолет МЦ 100-2.

Ведутся также активные разработки экспериментальных образцов охотничьего пневматического оружия с высокой начальной скоростью полета пули.

В конструктивном плане пневматическое оружие, естественно, за исключением духовых трубок, на всем протяжении своего развития находилось под влиянием огнестрельного оружия. К моменту появления первых образцов пневматического оружия уже накопился определенный опыт и знания в конструировании ручного огнестрельного оружия, и, конечно, они были с успехом использованы при разработке пневматического. В частности, были заимствованы конструктивная форма, способ управления, схема компоновки частей и механизмов оружия, принцип устройства его отдельных деталей и механизмов и др. Более того, современные образцы газобаллонных пистолетов и револьверов обычно повторяют ранее известные модели короткоствольного огнестрельного оружия (то есть пистолетов и револьверов).

Экспертная практика показывает, что пневматическое оружие нередко служит основой для изготовления самодельного огнестрельного²²⁷.

Выборочный анализ практики работы отдельных ЭКП МВД России свидетельствует, что на долю пневматического оружия приходится в среднем от 1 % до 3 % от общего количества объектов судебно-баллистического исследова-

²²⁷В самодельном огнестрельном оружии доля образцов, переделанных из ствольного газового и пневматического, составляет около 20 %. При этом пневматическое оружие значительно реже (относительно ствольного газового) используется для изготовления самодельного огнестрельного.

ния. Так, в ЭКУ ГУВД Воронежской области с 1999 по 2001 год на исследование поступило 52 единицы пневматического оружия, что составляет свыше 2 % от общего числа исследовавшегося ручного стрелкового оружия.

Однако с появлением современных образцов газобаллонного оружия возможность использования их в качестве орудий преступления значительно возросла. Так, поражающие свойства некоторых образцов современного газобаллонного оружия приближаются к соответствующим характеристикам огнестрельного оружия самообороны и вполне отвечают принятому в судебной баллистике минимальному критерию убойной силы.

Поэтому имеющиеся на сегодня методические рекомендации по судебно-экспертному исследованию пневматического оружия не охватывают всего спектра решаемых вопросов и явно отстают от современного уровня развития названного вида оружия. Подобное отставание, на наш взгляд, характерно и для правового регулирования пневматического оружия. Представляется, что с учетом современных тенденций его развития назрел вопрос о необходимости включения в УК РФ статьи, предусматривающей уголовную ответственность за незаконный оборот таких образцов этого оружия, поражающие характеристики которого превышают минимальное значение убойной силы, принятое в настоящее время в судебной баллистике (0,5 Дж/мм²).

Из оружия **новых (нетрадиционных) видов** в судебно-экспертной практике чаще всего встречаются ствольное газовое и электрическое (электрошокеры и искровые разрядники).

До середины XX века существовавшие виды индивидуального оружия, в принципе, являлись оружием летального действия. С целью уменьшения числа человеческих жертв и временного выведения из строя живой силы (противника, правонарушителя и др.) в ряде стран приступили к разра-

ботке и выпуску отдельных образцов индивидуального оружия и специальных средств нелетального действия. В многовековой истории оружия начался новый период его развития, который соответствующим образом сказался и на практике борьбы с «вооруженной» преступностью.

Одним из первых видов индивидуального оружия, предназначенных для нелетального воздействия, явилось газовое.

Газовое оружие самообороны (пистолеты и револьверы) впервые начало появляться за рубежом в 50-х годах XX столетия²²⁸. Несколько раньше оно поступило на вооружение специальных (полицейских) подразделений. В нашей стране длительное время в полицейских ситуациях применялось боевое оружие. Однако опыт зарубежных стран показал неэффективность, а зачастую и непригодность такого оружия для решения специфических задач в сфере охраны правопорядка. Особенно наглядно это проявлялось при захвате заложников, для освобождения которых требовалось оружие (специальные средства) нелетального действия. Поэтому в начале 1970-х годов в СССР было принято решение о его создании²²⁹. Первой попыткой создания газового оружия специального назначения явилась разработка 26-мм патрона с гранатой, содержащей раздражающее вещество CN, отстреливаемого из сигнального пистолета СПШ. Эта попытка оказалась неудачной. Позднее был разработан газовый гладкоствольный помповый карабин ССК-26. Однако для увеличения точности стрельбы стали использовать 23-мм нарезной ствол. В результате появился газовый нарезной карабин специального назначения КС-23 с подвижным цевьем. Он выпускался в комплекте с двумя надствольными

²²⁸Тихонов Е. Н. Указ. соч., 1991. С. 37.

²²⁹См.: Ручкин В.А. Из истории становления и развития газового оружия // Проблемы преподавания экспертных дисциплин в вузах МВД России. Матер. научн.-метод. конф. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. С. 23–26.

мортирками: «Насадка-6» калибра 36 мм и «Насадка-12» калибра 82 мм. В 1991 году этот карабин был модернизирован и выпускался в укороченном варианте под индексом КС-23 М «Дрозд». В последующем были разработаны и приняты на вооружение подразделений МВД России 23-мм газовые карабины специального назначения КС-23К и ОЦ-28, а также 23-мм однозарядный пистолет «Туляк»²³⁰.

Ведется также разработка газового автоматического оружия на базе современных боевых образцов, в частности, пистолета-пулемета ОЦ-02 «Кипарис», приспособленного под газовый патрон 9 x 26 мм. Новая модель, предназначенная для служб охраны правопорядка, называется ГМС-700²³¹.

Одним из первых законодательных актов, регламентирующих применение газового оружия специального назначения (спецсредств) против правонарушителей в нашей стране, стал Закон РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» (ст. 14). До этого возможность использования спецсредств, в частности, ирритантов для пресечения беспорядков оговаривалась в закрытых для печати ведомственных актах.

Разработка и выпуск отечественного газового оружия самообороны начались гораздо позже. В числе первых нормативных актов, разрешивших приобретение, хранение и использование гражданами газовых пистолетов и револьверов в качестве специальных средств самообороны, стоит Указ Президента РФ № 1341 от 8 ноября 1992 года²³². Вышедший в 1993 году Закон РФ «Об оружии» уже офици-

²³⁰См.: Боечин И. Спецназ. / Оружие, 1995. № 12. С. 3; Скрылев И. КС-23 – наш полицейский карабин. / Мастер Ружье, № 1. С. 48–51; Борцова П. Полицейская семья калибра 23 мм. / Мастер Ружье, 1999. № 40. С. 67, 70.

²³¹Алексеев И. Подводная часть «айсберга». / Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 15.

²³²Указ Президента Российской Федерации № 1341 от 8 ноября 1992 года «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого и раздражающего действия».

ально вводит в обиход понятие «газовое оружие». Названным Законом детально регламентируется оборот газового оружия на территории страны. До принятия этого Закона газовое оружие иностранного производства уже нередко использовалось населением страны в качестве средства самозащиты, а также как средство совершения преступлений. В этой связи В. Ю. Владимиров справедливо заметил: «Однако еще до принятия данного закона газовое оружие, в основном иностранного производства, получило весьма широкое распространение у населения как средство самозащиты, а также у уголовно-преступного элемента как средство совершения насильственных преступлений»²³³.

В начале 1990-х годов отечественная промышленность осваивает выпуск газовых пистолетов, револьверов и различных аэрозольных распылителей. В настоящее время производится достаточно широкий ассортимент газового оружия, в частности, пистолеты ИЖ-76, 6ПЗ6, 6ПЗ6-8, 6ПЗ7, 6П42, 6П42-8, 6П42-9, ШЗПМ-01; револьверы ГР-005, ГР-205 «Айсберг», ГР-207 «Айсберг», МЦРГ-1, РГ-7,5 «Бизон-1», РГ-01 «Форманта-5,7», РГ-9, РГ-22, РГ-31, ГР-92, ТОЗ-105 и др.²³⁴ Кроме того, на отечественный рынок поступило большое количество различных моделей газовых пистолетов и револьверов зарубежного производства²³⁵.

²³³Владимиров В. Ю. Криминалистическое исследование газового оружия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1996. С. 4.

²³⁴См.: Тобольская Е., Татарских С. Газовое оружие России / Мастер Ружье, 1997. № 3. С. 42–48; Кононаев А. В., Лесников В. А., Фидиллов В. В. Указ. соч. С. 7–41; Кокин А. В. Указ. соч. С. 4–13, 86–113; Андреев В. В., Владимиров В. Ю., Катков И. Д. Газовое оружие самообороны (криминалистические и судебно-медицинские аспекты). Учеб.-метод. пособие. / Под ред. В. П. Сальникова. – СПб: С.-Петербургский ЮИ МВД России, 1997 и др.

²³⁵См.: Оружие самозащиты. Каталог-справочник. – Москва-Кемерово: Империял, 1992. С. 20–71; Лесников В. А. Криминалистическое исследование «газошумовых» пистолетов, револьверов и патронов к ним. – М., 1995. С. 18–85; Кокин А. В. и др. Указ. соч. С. 14–81, 114–161; Жигалов Н. Ю., Ручкин В. А., Шапочкин В. И., Степанов Г. Н. Указ. соч. С. 114–134 и др.

Отечественные и зарубежные газовые пистолеты и револьверы, как правило, являются точными копиями выпущенных или выпускаемых образцов огнестрельного оружия, кроме того, у этих видов оружия используется один и тот же принцип выбрасывания метаемого элемента – огнестрельность. Поэтому при стрельбе из газового оружия с очень близкого расстояния, как и при стрельбе из огнестрельного, возможно нанесение механического повреждения поражаемой преграде (например, у потерпевшего может наступить летальный исход). А в тех случаях, когда применяется газодробовое (комбинированное) оружие, механические повреждения выражены еще сильнее. Однако такая конструктивная близость газового и огнестрельного оружия еще не дает основания считать газовые пистолеты и револьверы разновидностью огнестрельного оружия. В частности, В. А. Лесников утверждает: «Так называемые газовые пистолеты и револьверы представляют собой разновидность огнестрельного оружия, которое поражает цель не пулей или дробью, а струей распыленных химических веществ, направленной из ствола под воздействием энергии, образованной в результате подрыва порохового заряда»²³⁶. В. М. Плескачевский газовые пистолеты и револьверы вообще не считает оружием, а относит их к газопоражающим, химическим по характеру действующего вещества объектам²³⁷. На наш взгляд, следует исходить из позиции законодателя, который выделяет газовые пистолеты и револьверы ввиду специфики их поражающего действия в самостоятельный вид оружия и определяет его как «газовое»²³⁸.

В настоящее время газовые пистолеты и револьверы широко используются населением страны в качестве сред-

²³⁶Лесников В. А. Указ. соч. С. 3.

²³⁷Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 278.

²³⁸Федеральный закон Российской Федерации «Об оружии» от 13 декабря 1996 года, № 150-ФЗ.

ства самозащиты и во многих случаях – при совершении преступлений.

Первые случаи использования газового оружия в противоправных целях отмечены в нашей стране в 1970–1980-х годах. В качестве орудий преступления применялись газовые пистолеты и револьверы, попадавшие к нам контрабандным путем из-за рубежа. С этого периода времени газовое оружие начинает рассматриваться в качестве объекта судебно-экспертного исследования. Однако отечественные криминалистика и судебная экспертиза оказались не готовыми дать какие-либо рекомендации по их исследованию. Так, еще не были разработаны признаки для определения газового оружия, критерии его оценок и классификации, методические основы исследования. Лишь с появлением Закона РФ «Об оружии» от 20 мая 1993 года, официально введившего в обиход понятие «газовое оружие», выпуском отечественной промышленностью газовых пистолетов и револьверов в широком ассортименте и их активным применением для самообороны и в преступных целях появляются первые методические рекомендации по исследованию газового оружия.

В настоящее время ствольное газовое оружие (в основном пистолеты и револьверы) перестало быть редкостью в практике работы экспертно-криминалистических подразделений. На его долю приходится около 13 % от общего количества судебно-баллистических объектов экспертного исследования. Например, из 369 единиц ручного стрелкового оружия, поступивших в 2002 году на исследование в ЭКУ ГУВД Волгоградской области, 40 составляли ствольное газовое оружие.

Определенная часть ствольного газового оружия передельвается в самодельное огнестрельное. Так, около 18 % последнего изготавливается из газовых пистолетов и револьверов.

Причиной тому, что газовое оружие стало одним из достаточно часто встречающихся объектов судебно-экспертного исследования, послужил и факт наличия в Уголовном кодексе РФ статей 222 и 223, предусматривающих уголовную ответственность за незаконное приобретение, сбыт, ношение и изготовление этого вида оружия.

Однако сегодня далеко не все вопросы экспертного исследования газового оружия получили окончательное разрешение и требуют к себе внимания ученых и практиков, занимающихся проблемами судебной экспертизы.

Другими «представителями» нетрадиционных видов оружия, которые в последние годы стали объектами судебно-экспертного исследования, явились электрошоковые устройства и искровые разрядники.

Они, как и газовые пистолеты, револьверы, были признаны в нашей стране в качестве гражданского оружия самообороны с выходом Закона РФ «Об оружии» от 20 мая 1993 года. Неудивительно, что в настоящее время в стране имеют оборот преимущественно электрошоковые зарубежного изготовления («Pocket 90», «NovaXR 5000», «Thunder» и др.), выпуск которых был начат за рубежом в 1970-х годах²³⁹.

С 1990-х годов производство электрошоковых устройств начинает осваивать и отечественная промышленность. В частности, ОАО «НИИСтали» предлагают электрошоковые устройства «IANA», суммарное время работы которых от одной зарядки аккумулятора или одной батарейки – не менее одного часа. Предусматривается напряжение на электродах до 85 кВ, что считается вполне достаточным для воздействия на нападающего через пальто или плащ. Мощность заряда составляет не менее 3 Дж. Их форма и размеры – от «пейджера» до «зонтика»²⁴⁰.

²³⁹См., например, Оружие самозащиты. Каталог-справочник. – Москва-Кемерово: Империял, 1992. С. 102–105; Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 308–314; Ярочкин В. И. Указ. соч. С. 95–96.

²⁴⁰Мастер Ружье, 1999. № 31. С. 27.

Тем не менее, в отечественных криминалистике и судебно-экспертной до сих пор отсутствуют научные и методические основы исследования электрошоковых устройств. Более того, все еще остается спорным вопрос: можно ли считать электрошоковые устройства оружием, в частности, электрическим²⁴¹.

В Законе РФ «Об оружии» от 20 мая 1993 года говорилось об оружии, поражающее действие которого основано на использовании электрической энергии (ст. 6). В действующем Федеральном законе «Об оружии» от 13.11.96 года речь идет только об электрошоковых устройствах и искровых разрядниках без указания на их относимость к электрическому оружию (ст. 3).

На наш взгляд, электрошоковые устройства – это разновидность электрического оружия, одна часть которого может выпускаться как нелетальное оружие, то есть не приводящее к летальному исходу (если энергия электрического разряда менее 10 Дж), другая – как оружие летального действия. Тот факт, что электрошоковые устройства с самого начала конструировались как нелетальные средства полицейского принуждения со строго дозированным уровнем воздействия на человека, вряд ли можно рассматривать как серьезный аргумент непризнания их разновидностью индивидуального электрического оружия самообороны²⁴².

Хотя действующим Федеральным законом «Об оружии» разрешается оборот лишь таких электрошоковых устройств и искровых разрядников, у которых выходные параметры соответствуют требованиям государственных стандартов Российской Федерации (ст. 3), однако при

²⁴¹См.: Ручкин В. А. Электрошоковые устройства: оружие или специальные средства самозащиты // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 187–189.

²⁴²Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 310.

совершении преступлений не исключается применение и образцов, способных приводить к летальному исходу. С увеличением числа подобных случаев возникнет необходимость в дополнении УК Российской Федерации статьей, предусматривающей уголовную ответственность за их противоправное использование. Введение подобной статьи, безусловно, привело бы к тому, что электрошоковые устройства стали гораздо чаще рассматриваться в качестве объекта экспертно-криминалистического исследования.

§ 4. Основные тенденции и направления развития и совершенствования оружия как одного из основных объектов экспертизы

Родовой объект любой судебной экспертизы (в том числе и криминалистической экспертизы оружия и следов его применения) имеет тенденцию к постоянному изменению. Обычно это проявляется, с одной стороны, в расширении круга объектов судебно-экспертного исследования, с другой, – в их качественном изменении (модернизации). Р. С. Белкин в этой связи совершенно верно отмечал: «Как содержание предмета экспертизы, так и понятие родового объекта являются подвижными, претерпевающими изменения. На это справедливо указывают А. Р. Шляхов, Ю. К. Орлов, Н. А. Селиванов и другие авторы. Эти изменения обусловлены развитием базовых наук, появлением новых методов и методик исследования, новых категорий, предметов, вещей, процессами дифференциации и интеграции научного знания и т. п.»²⁴³.

Судебно-следственная и экспертная практика показывает, что уровень и структура «вооруженной» преступности не являются постоянными и подвержены изменениям, подчиненным определенным тенденциям. В частности,

²⁴³Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 2: Частные криминалистические теории. – М.: Юрист, 1997. С. 317.

за последние годы в динамике «вооруженной» преступности, являющейся в некотором смысле отражением научно-технической «вооруженности» общества, отчетливо просматриваются две тенденции. Действие первой направлено в сторону роста преступлений, совершаемых с применением или угрозой применения новых (нетрадиционных) видов оружия, включая и оружие массового поражения, второй – в сторону изменения структуры преступлений, связанных с традиционными видами оружия (изменение в общей массе «вооруженной» преступности доли преступлений, совершавшихся ранее преимущественно с использованием холодного и огнестрельного оружия, и соответственно некоторое увеличение числа преступлений, связанных с минно-взрывным и зажигательным). Безусловно, отмеченные тенденции не могут не сказываться на понятии родового объекта криминалистической экспертизы оружия и следов его применения. В. М. Плескачевский в этой связи справедливо отметил, что «развитие практики расследования преступлений приводит к расширению представлений о круге объектов криминалистического оружейведения»²⁴⁴.

Влияние названных тенденций на понятие родового объекта криминалистической экспертизы оружия и следов его применения прежде всего усматривается в расширении круга «оружейных» объектов экспертного исследования за счет появления новых видов оружия. Однако в меньшей степени на изменении родового объекта указанной экспертизы сказывается и происходящая модернизация (совершенствование) уже давно известных образцов и видов оружия. Это главным образом касается самого распространенного объекта криминалистической экспертизы оружия и следов его применения – ручного стрелкового оружия.

Очевидно, что эффективность экспертного исследования напрямую зависит от полноты информации об объекте

²⁴⁴Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С.239.

исследования, в частности, оружию. И здесь, в объеме такой информации, важнейшее место, на наш взгляд, должны занимать сведения об основных тенденциях и направлениях развития и совершенствования индивидуального оружия, позволяющие отчетливо проследить все происходящие изменения с оружием, как одним из основных объектов экспертизы. «Знания, необходимые для исследования оружия и следов его применения, – справедливо указывал В. С. Аханов, – формируются в криминалистике на основе изучения истории возникновения и развития оружия»²⁴⁵.

Как показывает исторический опыт, индивидуальное оружие находится в постоянном изменении, развитии с момента его создания. Это обусловлено прежде всего научно-техническим прогрессом. При этом развитие оружия, как уже ранее было показано на примере некоторых его исторически сложившихся видов, на всех этапах эволюции при кажущейся стихийности предопределялось рядом тенденций и закономерностей. К основным из них можно отнести:

- 1) функциональную целесообразность оружия и как следствие – его специализацию;
- 2) усиление поражающей способности оружия;
- 3) универсальность оружия;
- 4) портативность и маневренность оружия;
- 5) простоту и совершенство конструкции оружия и технологичность его производства;
- 6) надежность и эффективность оружия;
- 7) преемственность, а также интеграцию и дифференциацию знаний в создании оружия.

Первейшим оружием, созданным человеком, несомненно, было индивидуальное, которое, за редким исклю-

²⁴⁵Аханов В. С. Криминалистическая экспертиза огнестрельного оружия и следов его применения. Учебник для вузов МВД СССР. – Волгоград, 1979. С. 5.

чением, и является (что мы уже отметили) основным объектом экспертного исследования. Процесс его эволюции занял большой временной промежуток, своими истоками уходящий в каменный век. «Оружие, – отмечает В. Н. Попенко, – как живой памятник истории, хранит в себе этапы развития и совершенствования человеческой мысли в ее стремлении получить наиболее эффективное решение встающих проблем»²⁴⁶.

Проблеме эволюции оружия посвящены фундаментальные исследования ряда известных отечественных и зарубежных авторов²⁴⁷.

Как известно, исходным материалом для первейших образцов индивидуального оружия послужили камень, кость и дерево. Прежде чем превратить их в результате сознательной и целенаправленной деятельности в простейшие орудия, а их, в свою очередь, – в оружие, человек длительное время пользовался камнем и палкой в качестве примитивных средств борьбы. Уже на этой стадии «первобытный человек понимал, что камень можно применить для нанесения телесных повреждений, а для того чтобы его приспособить для этой цели, необходимо подвергнуть определенной обработке»²⁴⁸. В процессе такой обработки,

²⁴⁶Попенко В. Н. Холодное оружие востока и запада. – М., 1992. С. 3.

²⁴⁷См., например, П. Фон Винклер. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. – М., 1992; Бехайм В. Энциклопедия оружия. – СПб: «Санкт-Петербург оркестр», 1995; Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. – СПб: «Полигон», 1994; Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. Части 1 и 2. – М., 1938–1939; Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – М.: Наука, 1993; Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1 и 2. – М.-Л.: Нука, 1966; Асмолов К. В. История холодного оружия. Восток и Запад. Части 1 и 2. – М., 1993–1994; Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917. – СПб: ТОО «Магик-Пресс», 1994; Гнатовский Н. И., Шорин П. А. История развития отечественного стрелкового оружия. – М.: Воениздат, 1958; Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999; Подшибякин А. С. Указ. соч., 1997 и др.

²⁴⁸Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 74.

обусловленной прежде всего хозяйственно-бытовыми и охотничьими целями, появились простейшие орудия, выполнявшие одновременно и функцию оружия.

К концу периода тесаного камня (палеолит) и началу эпохи шлифованного камня (неолит) начинается «самостоятельная жизнь» оружия. В частности, появились первые его образцы, а именно, холодное охотничье оружие. По мнению многих исследователей, прототипом древнейшего боевого оружия послужило оружие охотников, а основой последнего – орудия труда. Именно первоначальный охотничий набор нашего предка, включавший копье, топор и каменный нож, явился родоначальником оружия²⁴⁹.

На данной стадии развития у отдельных образцов уже «просматривались» зачатки привычных для нас классических форм индивидуального оружия. Безусловно, в немалой степени этому способствовали опыт, накопленный человеком в процессе хозяйственно-бытовой и охотничьей деятельности, и более высокий уровень развития ремесла. Однако в совершенствовании оружия существенную роль сыграл и все чаще приобретаемый опыт вооруженной борьбы человека с себе подобными. Специфика этой борьбы, явившись побудительным мотивом функциональной целесообразности оружия, конечно, вела к активному поиску новых конструктивных решений, наиболее полно соответствующих тем или иным формам вооруженной борьбы.

Поиск новых конструктивных решений оружия занимал сравнительно долгий промежуток времени. Достаточно сказать, что многие виды холодного оружия приобрели формы, ставшие для нас привычными, лишь в эпоху древних царств и античности²⁵⁰. При этом следует отметить, что после появления примитивных образцов оружия дальнейшее его совершенствование в направлении усиления поражающей способности и специализации предопределялось

²⁴⁹Попенко В. Н. Указ. соч. С. 4.

²⁵⁰Горелик М. В. Указ. соч., 1993.

в большей степени не хозяйственно-бытовыми и охотничьими потребностями человека, а целями вооруженной борьбы с себе подобными. Подтверждением изложенного служит мнение известного и авторитетного исследователя оружия П. фон Винклера: «Совершенствование это редко идет мирным путем. Лишь после упорной борьбы палеолитический человек уступил место неолитическому, и в швейцарских пещерах найдены скелеты, пораженные шлифованным оружием, от которого не могли их защитить валяющиеся здесь же осколки и скребки тесаного камня. Но успех этих победителей только временный. С Востока явятся новые племена, которые не только уничтожат самого неолитического человека, но внесут с собой и новую более совершенную культуру. Умение тесать и шлифовать камень потускнеет перед умением обрабатывать металлы»²⁵¹.

Борьба вооруженных людей друг с другом обусловила большую целесообразность оружия, и как следствие этого – его специализацию. Начали формироваться новые, специфические виды оружия, пригодные лишь для достижения узких целей вооруженной борьбы. Причем некоторые образцы вновь появляющегося оружия сохраняли свою многофункциональность, что позволяло применять их для охоты, спорта и других целей.

Каждое вновь появлявшееся оружие представляло собой продукт развития технологии своего времени, воплощение передовых мыслей и научно-технических решений, отражало уровень накопленных в обществе знаний. При этом следует отметить преемственность знаний в эволюции оружия. Аккумуляция знаний и опыта, накопленных при создании и совершенствовании простых образцов оружия, способствовала появлению более сложных. Так, вновь возникающий вид оружия зачастую начинал свою историю не «с чистого листа», а как бы «вырастал», транс-

²⁵¹П. Фон Винклер. Указ. соч. С. 26.

формировался из предыдущих, заимствуя у них те или иные (обычно конструктивные либо функциональные) элементы. Наиболее характерно это для исторически первых видов оружия. Для более поздних образцов, особенно современных, основанных на использовании новых поражающих факторов, такая связь наблюдается в меньшей степени. Тем не менее им присущи общие «корни».

Таким образом, эволюцию индивидуального оружия можно рассматривать как подвижную (динамичную) категорию, отражающую на определенный отрезок времени уровень овладения обществом наукой, техникой и ремеслом, характеризующуюся общей направленностью и свидетельствующую о целостности и системности знаний об оружии, общих тенденциях и закономерностях его развития.

Этот длительный процесс развития индивидуального оружия различные ученые-оружиееды подвергают разной периодизации (в основном хронологически-территориальной)²⁵². Каждая из них подчинена определенным целям исследования оружия.

На наш взгляд, если эволюцию оружия рассматривать как составную часть прогресса техники в целом, то, как верно заметил А. И. Иволгин, ее можно представить как сложный и длительный путь овладения человеком процессом получения, накопления и целесообразного расходования энергии²⁵³.

Действительно, весь ход развития цивилизации показывает, что человек в повседневной деятельности (осуществляемой и с применением оружия) вначале использовал исключительно собственную мускульную силу, а затем научился «наращивать» ее различными способами, в том числе путем аккумуляции энергии с помощью различного рода приспособлений (технических решений). Еще по-

²⁵²См., например, Горелик М. В. Указ. соч.; П. фон Винклер. Указ. соч.; Бехайм В. Указ. соч.; Кирпичников А. Н. Указ. соч. и др.

²⁵³Иволгин А. И. Созидательные взрывы. – М.: Недра, 1967. С. 5.

зднее он открыл новые источники энергии, использовавшиеся и при создании оружия. Поэтому, на наш взгляд, периодизацию оружия допустимо проводить и по хронологической последовательности возникновения образцов оружия, основанных на использовании новых, ранее не известных человеку источников аккумуляции либо получения энергии. При этом опыт развития оружия свидетельствует, что усиление энергетического базиса оружия или его замена на иной обычно приводила к появлению его нового вида, как правило, более мощного по поражающей способности, что, в свою очередь, являлось заметной вехой не только в истории оружия, но и человеческого общества в целом.

Примером может служить появление лука со стрелой. Именно по их появлению и распространению историки подразделяют период существования раннеродовой общины на два этапа: архаический и развитого охотничье-собирательного хозяйства.

С учетом изложенного в эволюции индивидуального оружия, по нашему мнению, можно выделить следующие периоды и этапы.

1. Период оружия, основанного на использовании непосредственно мускульной силы человека:

- а) этап становления холодного оружия из камня, дерева, кости;
- б) этап становления метательного оружия из камня, дерева, кости, метаемого непосредственно рукой;
- в) этап появления и развития холодного и метательного оружия из металла (меди, бронзы, железа).

2. Период оружия, основанного на использовании энергии, аккумуляции с помощью дополнительных (механических) устройств:

- а) этап метательного оружия с использованием энергии, аккумуляции путем частичного или полного вращения метаемого снаряда (бола, праща, копьометалка);

б) этап метательного оружия с использованием энергии, аккумулированной при помощи упругого (гибкого) тела: пружины, шнура и т. п. (лук, арбалет, аркебуза, рогатка, некоторые виды ружей для подводной охоты и т. д.).

3. Период оружия, основанного на использовании энергии превращения взрывчатых и горючих веществ (смесей):

а) этап появления и развития зажигательного и минно-взрывного оружия;

б) этап появления и развития огнестрельного оружия.

4. Период оружия, основанного на использовании энергии сжатого воздуха, пара, газообразного вещества (период появления и развития пневматического оружия).

5. Период оружия, основанного на использовании таких источников энергии, действие которых направлено на причинение нелетальных повреждений (нелетальное оружие): электрического (электрошоковые устройства, разрядники), акустического, лазерного и др.²⁵⁴

К изложенному требуется сделать два пояснения.

Первое. Ранее мы отмечали, что с момента своего появления и практически до настоящего времени оружие задуывалось, развивалось и совершенствовалось человеком как оружие летального действия. Иного решения и быть не могло, поскольку только с таким оружием человек мог выжить и самоутвердиться в суровой борьбе против сил природы, в жестокой схватке с животными и себе подобными. Этот факт бесспорен. Самоутвердившись с таким оружием и став «властелином» природы (и соответственно накопив при этом необходимый опыт и знания), человек уже мог «позволить» себе (по различным причинам) создание принципиально иного оружия – нелетального действия. Свидетелями появления такого оружия в последние десятилетия мы и являемся.

²⁵⁴Ручкин В. А. Указ. соч., 2001. С. 18.

Второе. Эволюцию индивидуального оружия нельзя рассматривать как строго последовательную и чисто механическую смену этапов, при которой ранее существовавшие образцы оружия прекращали свое существование и подлежали полной замене новыми. Возникновение оружия, основанного на использовании нового источника получения или аккумулирования энергии, могло происходить и в тот момент, когда еще окончательно не сформировался предыдущий вид оружия, то есть он еще не прошел все этапы своего развития. Более того, с появлением нового вида оружия многие образцы старого продолжали длительное время находиться на вооружении человека, а отдельные – сохранились и до сих пор. Так, многие образцы исторически первых видов индивидуального оружия – холодного и метательного – до настоящего времени с успехом используются человеком в различных сферах его деятельности, несмотря на то что с момента их появления и становления возник ряд принципиально новых видов оружия.

Следует подчеркнуть, что с появлением новых источников энергии и открытием ранее неизвестных поражающих факторов появятся иные виды индивидуального оружия и тем самым положат начало новым этапам его эволюционного развития. Их дальнейший эволюционный путь на всем протяжении будет предопределяться названными тенденциями и закономерностями аналогично исторически сложившимся видам оружия. Причем действие этих тенденций и закономерностей найдет свое проявление как в становлении новых (нетрадиционных) видов индивидуального оружия, так и в дальнейшем совершенствовании давно сложившихся видов, уже значительное время находящихся на вооружении и используемых в том числе в преступных целях.

Так, в последние десятилетия развитие и совершенствование оружия, находящегося на вооружении армий и других военизированных подразделений развитых госу-

дарств мира, шло по ряду направлений. К числу основных из них можно отнести:

1) наращивание поражающей мощи оружия, в том числе с использованием новых поражающих факторов;

2) совершенствование точности применения уже существующих видов оружия и создание высокоточного оружия нового поколения;

3) разработка и принятие на вооружение новейших средств оснащения единичного солдата (пехотинца) как одно из важнейших направлений обеспечения боеспособности армии;

4) возрождение на качественно новом уровне некоторых исторически сложившихся видов индивидуального оружия для использования в военных, специальных, охотничьих целях, а также для нужд самообороны;

5) создание и активное использование наряду с боевым (служебным) оружием оружия нелетального действия.

Использование новых поражающих факторов ведет и к появлению принципиально новых видов оружия. Как мы уже отмечали, в России и за рубежом в последнее время ведутся активные разработки по созданию таких новых видов оружия, как лазерное, электромагнитное, лучевое, инфра- и ультразвуковое, эннигиляционное, экологическое, гравитационное и др. При этом опытные образцы отдельных видов могут использоваться как индивидуальное оружие. С учетом дальней перспективы можно предположить, что огнестрельное оружие, в принципе, конструктивно исчерпало себя и на смену ему придут новые виды оружия. Опыт военной кампании США против Ирака (операция «Буря в пустыне»), стран НАТО против Югославии (1999 г.) и антитеррористической коалиции в Афганистане (2002 г.) показал большую эффективность применения высокоточного оружия. Процесс его создания не обошел стороной и ручное стрелковое огнестрельное оружие. Совершенствование точности его применения шло по пути со-

здания специальных боеприпасов, применения более точных прицелов (в том числе совмещенных с приборами ночного видения), усовершенствования конструкции оружия в целом либо его отдельных механизмов и т. д.

Время не подтвердило господствовавшую в первой половине XX века теорию достижения военной победы в основном за счет современной техники: авиации, ракет, атомного оружия, бронетехники²⁵⁵. Опыт боевых действий (особенно локальных войн) в последние годы наглядно показал, что повышение боеспособности армии во многом определяется уровнем оснащения новейшими индивидуальными средствами вооружения отдельного солдата. К ним наряду с индивидуальными средствами защиты прежде всего относятся современное стрелковое огнестрельное, холодное и другие виды оружия. Именно в современной войне, несмотря на казалось бы определяющую роль тяжелых вооружений, солдатам крайне необходимо персональное оборонительное оружие – *PDW (personal defence weapon)*, как его именуют на Западе²⁵⁶.

Принятая на Совете Безопасности Российской Федерации (2000 г.) Концепция национальной безопасности (военная доктрина) предусматривает наряду с другими мерами существенное увеличение доли (относительно других родов войск) сухопутных частей и вооружение их современным стрелковым оружием. В соответствии с Концепцией принято решение значительно повысить государственный военный заказ, в том числе на закупку новых образцов огнестрельного стрелкового оружия, по эффективности в 2–3 раза превосходящих находящиеся сейчас на вооружении. В частности, предполагается постепенная замена стоящих на вооружении автоматов Калашникова моделей АКМ, АК-74 и их модификаций на новое поколение стрел-

²⁵⁵Скопин В. И. Милитаризм. – М.: Воениздат, 1957. С. 30, 68, 362, 469, 475.

²⁵⁶Лопатин В. Философия персональной обороны // Оружие. «ТМ», декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 19.

кового оружия – автоматы Калашникова модели 107 и Никонова «Абакан»²⁵⁷ (рис. 1).

Рис. 1. Автомат Никонова АН-94 с коллиматорным прицелом

Кроме того, в последние годы в России разработан ряд новых моделей боевого оружия, в частности 7,62-мм снайперский автомат СВУ (ОЦ-03-А); 9-мм малогабаритный автомат с глушителем ОЦ-14-4А-01 «Гроза»; 9-мм стрелково-гранатометный комплекс ОЦ-14 «Гроза»; 23-мм малогабаритный карабин ОЦ-28; 9-мм пистолет-пулемет ОЦ-23; 9-мм пистолеты МР-443 «Грач», МР-444 «Багира», МР-446 «Викинг»; 10-мм пистолет МР-445 «Варяг»; 9-мм револьвер ОЦ-11 «Никель»; 9-мм револьвер ОЦ-17 «Титан»; 12,7-мм револьвер ОЦ-20 «Гном» и др. (рис. 2, 3, 4, 5).

Рис. 2. 9-мм пистолет МР-443 «Грач»

Рис. 3. 9-мм пистолет МР-444 «Багира»

Рис. 4. 9-мм пистолет МР-446 «Викинг»

Рис. 5. 10-мм пистолет МР-445 «Варяг»

Вновь проявился интерес к таким исторически сложившимся видам индивидуального оружия, как лук, арбалет, пневматические винтовки, пистолеты и револьверы. Причем не только как к спортивному оружию. Так, луки и арбалеты в силу ряда своих преимуществ и, прежде всего, бесшумности и эффективной дальности стрельбы

²⁵⁷Шухин И. «Узи», «Бизоны» и «Абаканы» на горизонте. // Оружие, 1995. № 12. С. 28–29.

включены в список вооружения спецподразделений²⁵⁸. Современные образцы **луков и арбалетов**, изготовленных из высокоупругих легированных стальных сплавов и композитных материалов, имеют преимущества перед некоторыми системами огнестрельного оружия, например, пистолетами-пулеметами, по точности и кучности стрельбы на дистанции 50–100 метров²⁵⁹ (рис. 6). Скорость стрелы, выпущенной из некоторых опытных образцов современных арбалетов, может достигать 100 м/с и более. Кроме того, луки и арбалеты используются для выполнения некоторых вспомогательных операций: забрасывания канатов, разного рода предметов на различные объекты²⁶⁰. Все большее распространение получают арбалеты и как охотничье оружие²⁶¹.

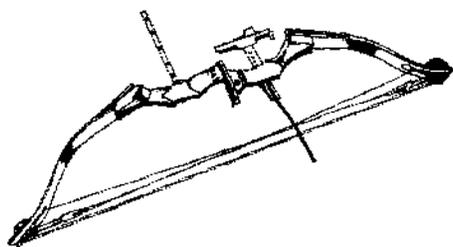

Рис. 6. Современный спортивный лук фирмы «Bear»

²⁵⁸Волковский Н. Л. Силы специальных операций. – СПб, 1996. С. 302; Мураховский В. И., Слуцкий Е. А. Оружие специального назначения. – М., 1995. С. 202–205; Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 256–258; Зигуненко С. Спецстрелой по терроризму. // Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 46–470; Конторович А. Зачем нужен «летающий лом». // Оружейный двор, 1997. № 5. С. 101–103; Попенко В. Н. Указ. соч., 1996. С. 23 и др.

²⁵⁹Мураховский В. И., Слуцкий Е. А. Указ. соч. С. 202–205; Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 256–257.

²⁶⁰См.: Плескачевский В. М. Указ. соч. С. 257; Конторович А. Указ. соч. С. 103; Попенко В. Н. Указ. соч., 1996. С. 23 и др.

²⁶¹См.: Из средневековья в XX век. // Техника молодежи, 1981. № 4; Сагаков И. Миниарбалет и другие идеи. // Оружие, 1997. № 1. С. 34–35; Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 256–257; Конторович А. Указ. соч. С. 103–104; Попенко В. Н. Указ. соч., 1996. С. 20–23 и др.

В настоящее время мировым лидером по производству арбалетов является американская фирма «Барнет». На современные арбалеты могут устанавливаться диоптрические и оптические прицелы, а также лазерные целеуказатели. Выпускаются также арбалеты без прикладов, так называемые «пистолеты-арбалеты» (рис. 7).

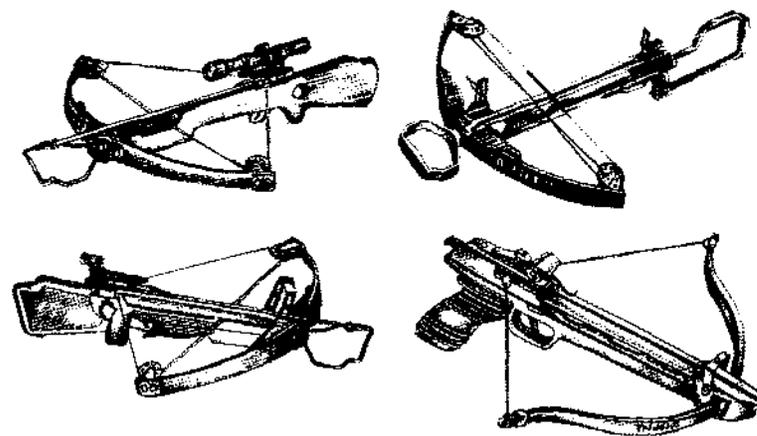

Рис. 7. Современные арбалеты моделей: «Sportsman», «Hunter», «Foxfire II», «Trident»

На выпуске охотничьих арбалетов за рубежом специализируется фирма «Хортон». Из отечественных моделей охотничьих арбалетов можно выделить «А-2-2 Медведь», «АС-IP», «АПТ S-5М».

Пневматические винтовки, пистолеты и револьверы, долгое время выпускавшиеся как спортивно-тренировочное оружие, сейчас возрождаются в качестве оружия самообороны и охотничьего²⁶². Наиболее перспективным явля-

²⁶²См., например, Ружье. Оружие и аммуниция. Октябрь-ноябрь 1996 года; Драгунов М. Разящие воздух. // Ружье, 1998. № 3. С. 64–65; Кокин А. В. и др. Указ. соч. С. 176–213; Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 254.

ется газобаллонное оружие. Не исключаются попытки создания и боевых образцов такого оружия²⁶³.

В настоящее время мировыми лидерами по производству пневматического оружия считаются фирмы «Кросман», «Дейзи», «Вальтер» и др. В этот список может быть включена и отечественная фирма «Аникс»²⁶⁴. Среди зарубежных новинок пневматического оружия следует выделить такие модели, как 1008 «Рипит эйр», Р-338, «Вальтер» СР-88, «Дейзи» моделей 400, 93, 45, а из отечественных, – А-111 и А-112²⁶⁵ (рис. 8, 9). Все перечисленные модели относятся к газобаллонному оружию с начальной скоростью полета снаряда от 120 до 140 м/с.

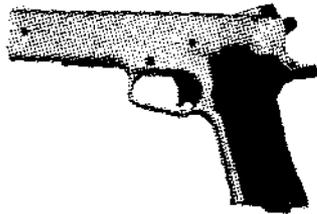

Рис. 8. Газобаллонный пистолет модели 1008 «Рипит эйр»

Рис. 9. Отечественный газобаллонный пистолет модели А-112

²⁶³ Драгунов М. Указ. соч. С. 64–65.

²⁶⁴ См.: Жигалов Н. Ю., Ручкин В. А., Шапочкин В. И., Степанов Г. Н. Указ. соч. С. 106–107.

²⁶⁵ Лопатин В. Пневматики в Лас-Вегасе, пневматики в Москве. // Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 26–29.

Значительный интерес представляют отечественный газобаллонный револьвер РПШ, а также созданный на его основе совершенно необычный образец – 36-зарядный РПШ-В, внешне напоминающий пистолет-пулемет, но только револьверного типа (рис. 10).

Рис. 10. Отечественный 36-зарядный газобаллонный револьвер РПШ-В

Не ослабевает интерес и к «прародителю» оружия – холодному, а именно – ножам. Казалось бы, за многовековую историю своего существования они уже давно должны были конструктивно исчерпать себя. Однако ножи продолжают совершенствоваться. В последние годы появился ряд оригинальных конструкций военных (боевых) ножей и ножей для выживания. Они прочно заняли свою нишу в современной системе вооружения единичного солдата (пехотинца) в качестве «дополнительного оружия». Основное направление совершенствования ножей – усиление их многофункциональности, стремление к универсальности. Наглядным подтверждением этого служат ножи для выживания. Они способны выполнять ряд функций, в частности, охотничьего оружия и оружия самозащиты, а также решать ряд хозяйственно-бытовых задач (рис. 11).

Рис. 11. Нож для выживания «Jungle King 1»

Отчетливо проявилась тенденция использования в боевых действиях и при проведении спецопераций наряду с боевым или служебным оружием **оружия нелетального действия** (рис. 12, 13) с целью уменьшения числа человеческих жертв. Зарубежные авторы относят к нему в первую очередь акустические волны, лазерные лучи и химические вещества, например, разрушающие металл боевой техники²⁶⁶. Нелетальное оружие иногда называют «гуманным оружием»²⁶⁷. Его создание – одно из важных направлений развития вооружения армий и сил правопорядка ряда стран мира.

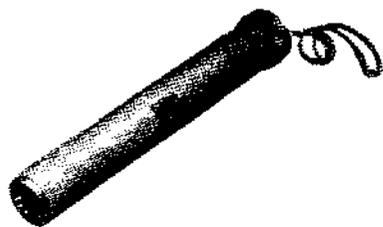

Рис. 12. Электрошоковое устройство «Pocket 90»

Рис. 13. Отечественные светозвуковые ручные гранаты:
1 – «Заря-2»; 2 – «Пламя»

Работа по созданию названного оружия идет по нескольким направлениям. Так, ведутся разработки лазерного оружия, которое может применяться как в варианте,

приводящем к необратимым последствиям (ожогу сетчатки глаз), так и для временного ослепления противника (стрелков, наводчиков и др.). В США и некоторых других государствах для этих целей разработаны лазерные винтовки.

Для подавления сопротивления противника, а также участников массовых беспорядков разрабатываются специальные боеприпасы, при применении которых в живую цель образуются прочные клейкие нити, сковывающие (ограничивающие) движения человека.

Аналогичные боеприпасы, например, инженерные мины, содержащие быстротынущий клей, предполагается применять и в отношении техники. В результате действия такой мины автомобиль или приклеивается к грунту, или из-за образовавшейся вязкости грунта теряет подвижность либо способность к быстрому передвижению.

Предлагается и обратный вариант, когда действие мины или иного боеприпаса, начиненного «сверхсмазкой», приводит к резкому снижению сцепления автомобиля с дорогой и, как следствие, его пробуксовке и снижению проходимости.

Одним из перспективных направлений считается создание акустического психотронного оружия, основанного на использовании инфразвука, то есть звуковых колебаний с частотой ниже порога слышимости человека. В зависимости от частоты инфразвук может приводить к различным эффектам: массовой панике, нарушению работы сердца или других органов, сонливости и т. п. В печати сообщалось о применении подобного оружия израильтянами в борьбе с палестинскими террористами.

Ведутся также разработки по созданию электромагнитного психотронного оружия (установок). Вырабатываемые им сверхвысокочастотные (СВЧ) излучения ока-

²⁶⁶Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 316.

²⁶⁷См.: Оружие // Сост. А. Гитун. – М.: ТЕРРА – книжный клуб, 2000. С. 187–188.

зывают влияние на мозг человека с различными последующими эффектами. Например, в печати приводились данные о том, что модулированное СВЧ излучение, воспринимаемое мозгом человека как звуковой сигнал, в последующем может использоваться для нарушения психики на расстоянии.

Периодически появляются сведения о возможности создания и других видов нелетальных средств поражения – компьютерного, радиотранслируемого и тому подобного психотронного оружия, которое может использоваться как оружие массового поражения²⁶⁸.

Хотя с появлением других мощных средств поражения роль стрелкового огнестрельного оружия с точки зрения наносимого противнику ущерба и несколько снизилась, оно еще достаточно длительное время будет оставаться одним из массовых видов вооружения армий и военизированных подразделений всех государств мира.

Кроме того, в стрелковом огнестрельном оружии наряду с боевым значительную долю составляет гражданское оружие: охотничье, спортивное и самообороны, широко распространенное среди населения и очень часто используемое в преступных целях.

Ассортимент **современного охотничьего оружия** весьма разнообразен²⁶⁹. Его изготавливают для промысловой и любительской охоты на зверей и птиц. В зависи-

мости от этого по своему целевому назначению охотничье оружие подразделяют на промысловое и спортивно-охотничье.

В последние годы отечественной промышленностью выпускаются следующие модели нарезного промыслового оружия: 9-мм самозарядный карабин «Сайга 9»; 7,62-мм карабины «Архар», «Сайга» (различных модификаций), «Тигр», «Вепрь», «Лось-7», «Медведь-3»; 7,62-мм двуствольные нарезные ружья МР-251, МЦ7-07; 5,6-мм охотничьи карабины «Барс-4», «Коршун», ТОЗ-99, МЦ128, МЦ18-3, МЦ19-07 (рис. 14).

Рис. 14. 7,62-мм самозарядный карабин «Тигр»

Из гладкоствольного и комбинированного охотничьего промыслового оружия можно назвать МЦ110-20, МЦ105-20, МЦ20-01, МЦ105-01.

Современное отечественное **спортивно-охотничье оружие** наиболее разнообразно по своему составу. К нему относятся 5,6-мм карабины МЦ127, ТОЗ-78; 7,62-мм карабины МЦ125, МЦ126; одноствольное нарезное ружье ИЖ-18МН; 9-мм двуствольное нарезное ружье МЦ7-09; комбинированные двуствольные ружья «Север», ИЖ-94, ТОЗ-55-2, МЦ105-05; комбинированное трехствольное ружье МЦ140; одноствольные гладкоствольные переламывающиеся ружья ИЖ-18М-М, ИЖ-18МК-М, ИЖ-18М «Юниор»; двуствольные переламывающиеся ружья МЦ7-12, МЦ7-20, МЦ109-12, МЦ109-01, МЦ110-12, МЦ110-01, МЦ111-12, МЦ111-01, ИЖ-43 (различных мо-

²⁶⁸ См., например, Оружие // Сост. А. Гитун. – М., 2000. С. 295.

²⁶⁹ См.: Закутский Д. М., Лесников В. А., Филиппов В. В. Охотничье огнестрельное оружие отечественного производства (1968–1986 гг.). Учеб. пособие – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988; Писаренко И. В., Молибога Н. П., Василенко Г. П., Биленчук П. Д. Криминалистическое исследование охотничьего огнестрельного оружия. – Киев, 1987. С. 106–149; Сицко А. В., Блюм М. М., Шишкин И. Б. Указ. соч. С. 113–252; Изметинский Н. Л., Михайлов Л. Е. Указ. соч. С. 75–153; Охотничье и спортивное оружие, патроны. Каталог. – М.: Внешторгиздат, 1985; Ружье, 1998. № 3. С. 33–37, 44–45; Ружье, 1996. № 2. С. 14–17, 48–53; Сборник справочных материалов по огнестрельному оружию. – М.: ЭКЦ МВД России, 1998. Ч. 2–3. С. 4–163; Ч. 6 и др.

дификаций), ИЖ-27 (различных модификаций), МР-213, МР-233М, ТОЗ-80, ТОЗ-91; одноствольные гладкоствольные магазинные ружья МР-131К, ИЖ-81 (различных модификаций), ТОЗ-106, ТОЗ-194, ТОЗ-94 (различных модификаций), МЦ20-08, РМО-93 «Рысь», «Селезень-4», РСМ 016, «Бекас»; одноствольные гладкоствольные самозарядные ружья ТОЗ-87, «Бекас-16 Авто», «Бекас-12 Авто», МР-151, МЦ22-12; гладкоствольный самозарядный карабин «Сайга» различных модификаций (рис. 15, 16, 17, 18, 19).

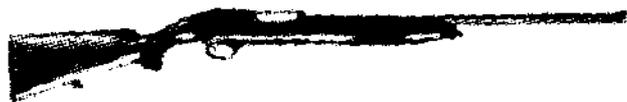

Рис. 15. Самозарядное ружье ТОЗ-87

Рис. 16. 5,6-мм карабин ТОЗ-78

Рис. 17. Комбинированное двуствольное ружье ТОЗ-55 «Зубр»

Рис. 18. Гладкоствольный самозарядный карабин «Сайга»

Рис. 19. «Помповое» ружье ТОЗ-94

Из современного отечественного спортивно-тренировочного оружия можно выделить 5,6-мм винтовки ТОЗ-78С, СМ-2-1, 5,6-мм пистолеты МЦМ, МЦМ-К «Марго»; 5,45-мм малогабаритный пистолет ИЖ-75; 6,35-мм самозарядный пистолет МР-441; 9-мм пистолет «Байкал-442»; самозарядный малогабаритный пистолет ИЖ-70; 5,6-мм револьвер МР-411 «Латина» (рис. 20).

Рис. 20. 5,6-мм винтовка ТОЗ-78С

Спортивное целевое нарезное огнестрельное оружие в последние годы в нашей стране пополнилось следующими образцами: 7,62-мм винтовками МЦ115-1, МЦ117, Рекорд-2; 5,6-мм винтовками ТОЗ-78 БИ (биатлон), ТОЗ-78 БК (бегущий кабан), ТОЗ-78В (для военно-прикладного многоборья), «Урал 5-2», МЦ113-02, МЦ114-02,

МЦ112-02; 5,6-мм пистолетами МЦ55-1М, МЦ1-3М2, МЦ1-5, ИЖ-34М, ИЖ-35М (рис. 21).

Рис. 21. 5,6-мм винтовка ТО3-78В

По сравнению с западноевропейскими странами перечень современного отечественного **огнестрельного оружия самообороны** весьма скромнен. Например, сюда входят 5,6-мм самозарядный пистолет МР-435; 9-мм малогабаритный **двустольный пистолет МР-451** (рис. 22). Эти образцы оружия, как правило, изготавливаются не серийно, а по заказу.

Рис. 22. 9-мм малогабаритный двустольный пистолет МР-451

Стрелковое огнестрельное оружие с момента появления и до настоящего времени постоянно меняется и совершенствуется. Перед конструкторами всегда стояла задача повышения его эффективности и надежности. В последние годы велись усиленные работы по совершенствованию всех его видов не только за счет использования уже существующих, но и создания прин-

ципально новых схем патронов и оружия. В этой связи необходимо отметить, что конструкция и боевые характеристики оружия во многом определяются линейно-весовыми, конструктивными и иными особенностями патрона. Оружие тем эффективней, чем удачнее подобран для него патрон. Поэтому совершенствование оружия нельзя рассматривать в отрыве от совершенствования патрона.

Совершенствование ручного стрелкового огнестрельного оружия и патронов к нему в последнее время шло в следующих направлениях:

1) снижение габаритов и массы оружия за счет уменьшения калибра или применения специальной схемы компоновки его узлов;

2) применение в конструкции легких материалов и сплавов;

3) повышение огневой мощи и плотности огня за счет увеличения скорострельности оружия либо использования в нем патронов специальной конструкции (многопульных патронов);

4) увеличение точности и кучности огня;

5) создание взаимозаменяемых деталей оружия и сокращение номенклатуры стоящего на вооружении стрелкового оружия;

6) повышение надежности работы механизмов оружия и снижение стоимости его производства путем упрощения конструкции и широкого использования современных технологий производства (применение штампованных деталей и т. п.);

7) создание многоцелевого боевого оружия, позволяющего вести огонь **моноснарядом (пулей)**, **полиснарядом (дробью, картечью и т. п.)**, а также **осколочными ружейными гранатами (с помощью подствольного гранатомета)**;

8) создание **безгильзовых патронов** и разработка оружия под них;

9) повышение убойного действия боеприпасов для стрелкового огнестрельного оружия;

10) использование в патронах для гладкоствольного оружия компонентов снаряжения (специальных пыжей-контейнеров), изменяющих бой оружия;

11) разработка оружия под патроны с подвижным поршнем, непосредственно передающим энергию пороховых газов ударнику;

12) разработка оружия, стреляющего реактивными пулями;

13) создание опытных образцов оружия, стрельба из которого производится за счет энергии жидкого топлива либо иных компонентов (окислителя и горючего);

14) разработка оружия с электронным блокиратором ударно-спускового механизма, способным «узнавать» владельца оружия.

Остановимся на основных направлениях развития и совершенствования современного ручного стрелкового огнестрельного оружия и патронов к нему как одних из самых распространенных объектов экспертного исследования.

Тенденция к уменьшению калибра стрелкового оружия наблюдалась на всем протяжении его развития. В последние годы эта проблема привлекла к себе наиболее пристальное внимание оружейников. Дело в том, что создание оружия под патрон меньшего калибра ведет не только к снижению габаритов и массы оружия, но и к увеличению начальной скорости пули, ее поперечной нагрузки и соответственно настильности траектории, пробивной способности и убойной силы. Кроме того, малокалиберные патроны, обладая меньшим весом и малым импульсом отдачи, позволяют увеличивать носимый боекомплект и повышать меткость стрельбы, особенно при стрельбе очередями.

Важным этапом в названном направлении развития стрелкового оружия явилась разработка и принятие на вооружение армии США в 1963 году 5,56-мм автоматической

винтовки М16 (рис. 23). По сравнению с находившейся до этого на вооружении 7,62-мм винтовкой она приобрела меньшие габариты и массу, меньшую отдачу при стрельбе и лучшую кучность при ведении автоматического огня, более высокое убойное действие пули при стрельбе на дальность до 400 м, а также большую скорострельность. Снижение массы оружия и боеприпасов позволили пехотинцу при одинаковой боевой выкладке увеличить в 2–3 раза носимый боекомплект²⁷⁰.

Рис. 23. Американская 5,56-мм автоматическая винтовка М16

Положительный опыт использования названной винтовки во время войны во Вьетнаме во многом способствовал повышенному интересу конструкторов-оружейников различных стран к оружию малого калибра. Под используемый в ней патрон в ряде стран Европы были созданы автоматические винтовки и ручные пулеметы. В СССР также был разработан малокалиберный патрон (5,45 x 39), который выпускается отечественной промышленностью с 1974 года в качестве военного. Под него создан новый автомат Калашникова (АК-74). В настоящее время патрон используется во всех модификациях автоматов и ручных пулеметов Калашникова калибра 5,45 мм.

Однако и эти патроны, по мнению специалистов, не в полной мере удовлетворяют предъявляемым требова-

²⁷⁰Вооружение и техника. Справочник / А. В. Громов, О. Я. Суров, С. В. Владимиров и др. – М.: Воениздат, 1982. С. 4–5.

ниям. Для автоматического оружия предлагается использовать еще меньшие калибры патронов (микрокалиберные патроны). Наиболее оптимальным считается калибр от 5,56 до 3,5 мм. В 1990 году на вооружение бундесвера поступила 4,7-мм штурмовая винтовка Г-11 (рис. 24).

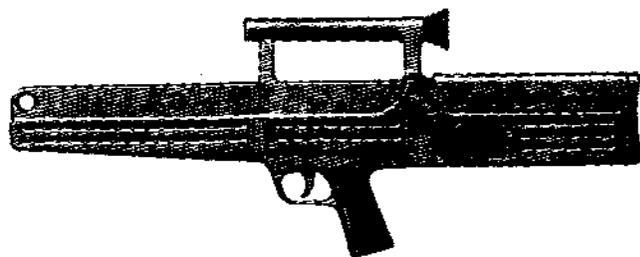

Рис. 24. Немецкая 4,7-мм штурмовая винтовка Г-11

Немецкая фирма «Хеклер и Кох» разработала еще один новый боеприпас калибра 4,92 мм. Под него изготовлена партия штурмовых винтовок «Хеклер и Кох», поступивших в 1991 году в бундесвер для опытной эксплуатации. В печати сообщается о создании в ряде стран опытных винтовок и ручных пулеметов калибра 4,85 и 4,6 мм, а также 4,32 и 3,5 мм патронов для высокотемпературного револьверного автоматического оружия. Оружие, создаваемое под эти патроны, отличается легкостью, компактностью, удобство в обращении.

Бельгийская оружейная фабрика «FN» (Фабрик Насьональ) приступила к разработке стрелкового оружия XXI века. Стержнем проекта должен стать новый патрон малого калибра и высокой мощности – 5,7 x 28 мм. Низкая масса патрона в целом (2,022), пуля, обладающая высокой начальной скоростью и соответственно большим останавливающим действием, малый импульс отдачи делают этот патрон весьма привлекательным²⁷¹.

²⁷¹Шокарев Ю. Перспективное оружие. // Мастер ружье. № 5/6. 1997. С. 18–26.

Снижение массы оружия, а главное, – его габаритов (при достаточно длинном стволе) достигается также компоновкой механизмов оружия по новой схеме «Буллпап». При такой схеме рабочие части – ствол и затворная коробка – занимают практически всю длину оружия и сзади завершаются непосредственно затыльником плечевого упора. Как известно, в оружии «классической» компоновки магазин находится в средней части, а по схеме «Буллпап» он располагается в передней части приклада, позади pistolетной рукоятки. Такое расположение позволяет эффективно использовать ту часть оружия, которую занимал приклад. В итоге достигается более рациональное заполнение объема оружия механизмами, ведущее к значительному сокращению общей длины оружия при сохранении прежней, а иногда и увеличении, длины ствола.

Принцип «Буллпап» при конструировании современного автоматического оружия широко использует австрийская фирма «Штейр-Даймлер-Пух» в системе оружия «АУГ» (например, 5,56-мм автоматическая винтовка *Stg 77*). По такому же принципу созданы французская 5,56-мм автоматическая винтовка *EA MAS*, австрийская винтовка «Штейр-Манлихер», немецкая штурмовая винтовка «Хеклер и Кох», английская 5,56-мм винтовка «Энфильд» *L85A1* и др.²⁷² (рис. 25, 26).

Рис. 25. Австрийская 5,56-мм автоматическая винтовка *Stg 77*

²⁷²См.: Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 97, 161, 381–382; Вооружение и техника. Справочник... С. 14, 16, 20; Ж. Л. Куртуа. Итоги 20 лет *Steyr AUB*. // Ружье. 1998. № 3. С. 12–15 и др.

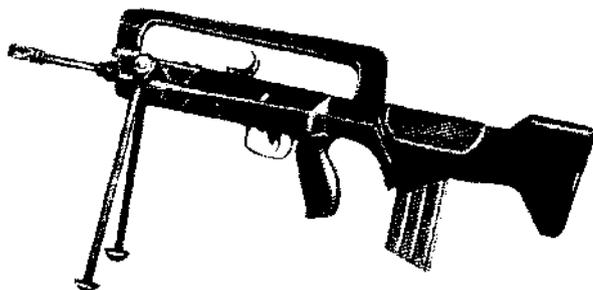

Рис. 26. Французская 5,56-мм автоматическая винтовка FA MAS

Весьма оригинальную компоновку узлов оружия с явно футуристическим дизайном имеет пистолет-пулемет нового поколения P90 под патроны 5,7 x 28, выпущенный бельгийской фирмой «FN». Пока он не принят на вооружение ни одной из армий. Это оружие отличает отменная точность, высокие баллистические характеристики на дистанции до 150 м, боеприпасы с малой отдачей и настильной траекторией пули, а также сравнительно небольшие габариты (500 мм) и вес (2,8 кг без патронов)²⁷³ (рис. 27).

Рис. 27. Бельгийский 5,7-мм пистолет-пулемет P90

Применение в конструкции легких материалов и сплавов делает оружие более легким (значит и более маневрен-

²⁷³Допатин В. Философия персональной обороны // Оружие. «ТМ», декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 18–21.

ным), а также увеличивает устойчивость оружия по отношению к тяжелым климатическим условиям (коррозии и т. д.), снижает стоимость его производства. Замена на облегченные материалы в основном подвергаются рамка, ствольная коробка, накладки и некоторые другие вспомогательные детали. Например, в известном австрийском 9-мм пистолете «Глок-17» ствольная коробка полностью выполнена из высокопрочного полимерного материала по типу монокока (рис. 28).

Рис. 28. Австрийский 9-мм пистолет «Глок-17»

В современных испанских пистолетах «Стар» для изготовления рамки широко используется легкий сплав (например, в моделях 30 PK, DKL, PD). Облегченные материалы применяются для создания не только пистолетов, но и пистолетов-пулеметов, штурмовых винтовок. В оружии системы «АУГ» (включает пистолеты-пулеметы, штурмовые винтовки, легкие пулеметы), считающемся оружием XXI века, широко используются пластмассы, композитные материалы и легкие сплавы.

Задача повышения огневой мощи и плотности огня за счет увеличения скорострельности стрелкового оружия решалась по-разному многими поколениями конструкторов-оружейников. Наиболее существенных результатов в этом направлении удалось достичь в последние годы при разработке некоторых опытных и серийных образцов оружия. По мнению специалистов, из оружия с продольным пере-

мещением патрона и гильзы при зарядании и после выстрела существенного увеличения скорострельности достичь нельзя. Наиболее перспективным направлением считается создание оружия с открытым патронником, сконструированного по револьверной схеме. Однако такому оружию присущ и недостаток – прорыв пороховых газов при выстреле, для устранения которого приходится вводить в конструкцию некоторые дополнения, ведущие к ее утяжелению. И все же по соотношению темпа стрельбы к массе, оно имеет значительные преимущества перед оружием с продольно скользящим затвором.

Другой перспективный путь – создание оружия высокой скорострельности, действующего по двухцикловой схеме. Первый цикл составляет серия выстрелов, второй – перезарядание. На опытных образцах оружия удается достичь темпа стрельбы порядка 4000–5000 выстрелов в минуту.

Из известных серийных образцов стрелкового оружия с высокой скорострельностью можно назвать, например, немецкую штурмовую винтовку «Хеклер и Кох». Темп стрельбы из нее очередями по три выстрела достигает 2000 выстрелов в минуту. Это реализуется за счет оригинальной конструкции механизма подачи патронов²⁷⁴ (рис. 29).

Рис. 29. Немецкая штурмовая винтовка «Хеклер и Кох»

Повышения огневой мощи и плотности огня можно достичь и путем применения в оружии так называемых

²⁷⁴Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 381–382.

многопульных патронов. Такой патрон включает в себя несколько пуль, каждая с большим углублением в дне, в которое входит оживальная часть следующей пули. Количество пуль может быть различным (обычно от 2 до 5). Так, в США к штурмовой винтовке фирмы «Колт» разработан и выпускается дуплексный боеприпас в стандартном размере 5,56 x 45 мм (рис. 30). Ведутся разработки патронов, имеющих по пять пуль²⁷⁵.

Рис. 30. Дуплексный патрон 5,56 x 45 мм

Многопульные патроны могут конструироваться и по другой схеме. Она предполагает наличие в гильзе вкладыша со спиральным каналом, в котором размещается несколько пуль. Во вкладыше имеется отверстие, проходя через которое пороховые газы действуют на находящуюся у основания канала пулю, совмещенную со стволом. После каждого выстрела газы проходят через другое отверстие, давят на пули, расположенные в спиральном канале, и совмещают очередную пулю с каналом ствола. Утверждается, что при стрельбе такими патронами темп стрельбы достигал 15000 выстрелов в минуту²⁷⁶.

Увеличение точности и кучности огня может достигаться разными путями: использованием для стрельбы патронов

²⁷⁵См., например, Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование. – М., 1982. С. 18; Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 380–381 и др.

²⁷⁶Ардашев А. Единым махом семерых лобивахом. // Оружие. 1995. № 12. С. 38–39.

с малым импульсом отдачи либо реактивных пуль; созданием оружия по принципу «Буллпап»; введением в конструкцию, например, компенсатора или переключателя, позволяющего вести стрельбу сериями выстрелов (по 3 выстрела); конструктивным изменением (дополнением) отдельных механизмов, приводящим к уменьшению отдачи оружия; разработкой оружия, действующего по двухцикловой схеме; применением различных прицелов (прицельных приспособлений), повышающих точность прицеливания и т. д.

Многие образцы современных автоматов (автоматических и штурмовых винтовок) используют малокалиберные патроны (от 5,56 до 3,5 мм). Они обладают небольшой энергией отдачи, тем самым обеспечивая хорошую устойчивость оружия при автоматической стрельбе, что, в свою очередь, повышает точность и кучность стрельбы. Так, установлено, что у винтовок под микрокалиберный патрон (калибр менее 5,56 мм) энергия отдачи в 2,4 раза меньше, чем у винтовок калибра 5,56 мм, и в 5 раз меньше, чем у винтовок калибра 7,62 мм²⁷⁷.

Разработка оружия под реактивные пули показала, что оно обладает преимуществом – практически не имеет отдачи.

У современного стрелкового оружия, создающегося по принципу «Буллпап», помимо прочих (уже названных) преимуществ имеется еще одно: достигается уменьшение плеча отдачи, отрицательно влияющего на меткость и кучность стрельбы. Так, по мнению зарубежных специалистов, созданное по принципу «Буллпап» оружие системы «АУГ» становится одним целым со стрелком, значительно облегчая прицеливание и тем самым обеспечивая высокую стабильность при стрельбе²⁷⁸.

²⁷⁷Есаян И., Слуцкий Е. Направления развития стрелкового оружия. // Знать военную технику. Сб. статей. / Сост. Л. В. Герасимова. – М.: ДОСААФ, 1978. С. 37–38.

²⁷⁸Ж. Л. Куртуа. Указ. соч. С. 13.

Из ряда созданных в последние годы зарубежных автоматических и штурмовых винтовок возможна стрельба фиксированными очередями по три выстрела (например, 5,56-мм штурмовая винтовка «Беретта» 70/90 (рис. 31); 5,56-мм автоматическая винтовка MAS и др.). Из отечественных образцов к такому оружию относится автомат Никонова. Это делается в том числе и для обеспечения большей устойчивости оружия при автоматической стрельбе.

Рис. 31. Итальянская 5,56-мм штурмовая винтовка «Беретта» 70/90

Оружие, действующее по двухцикловой схеме, также отличается хорошей кучностью стрельбы, так как из-за малых промежутков между выстрелами наблюдается небольшой «увод» дульной части ствола.

В последние годы для обеспечения прицельной стрельбы в любое время суток создана серия различных прицелов: обычный оптический прицел различных типов, кольцевого типа, ночной (в том числе пассивный), тепловизионный, прецизионный оптический, телескопический, электронный, электронный ночной, лазерный целеуказатель, лазерный прожектор-целеуказатель, голографический лазерный и т. п.²⁷⁹

²⁷⁹Подробнее о прицелах см.: Стрелковое оружие ... С. 361–396; Вооружение и техника. Справочник ... С. 261–265; Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 339–361; Федосеев С. Лазер для пистолета. // Оружие, 1997. № 1. С. 48–49; Ярочкин В. И. Указ. соч. С. 64–65; Вихорев Л. Прицельный комплекс «Квант». // Ружье, 1999. № 1. С. 24–26; Ефремов Д. Прицелы для стрелкового оружия. // Мастер Ружье, 1997. № 1. С. 62–67 и др.

По окончании Второй мировой войны с образованием двух противостоящих блоков (НАТО и стран Варшавского договора) отчетливо наметилась тенденция к сокращению номенклатуры стоящего на вооружении стрелкового оружия.

Стрелковое огнестрельное оружие в широких масштабах могло производиться лишь на основе достижений машиностроения, способного вырабатывать в массовых количествах стандартные взаимозаменяемые детали. Пioneрами в этом плане следует считать С. Кольта и Э. Рута, основавших в 1849–1854 годах фабрику ручного огнестрельного оружия, при создании которого использовался принцип взаимозаменяемости частей и применялось полуавтоматическое машинное оборудование. Предложенная С. Кольтом и Э. Рутём система организации производства вскоре стала применяться на многих других оружейных заводах.

Примером взаимозаменяемости деталей и запасных частей может служить система оружия «АУГ». В частности, она состоит из 6 основных групп деталей, объединяемых унифицированными запасными частями. Причем все основные группы деталей и запасные части взаимозаменяемы внутри системы оружия «АУГ». Благодаря этому штурмовая винтовка легко превращается в пистолет-пулемет или станковый пулемет.

Создание более технологичного оружия упрощенной конструкции с надежной работой его механизмов – одно из основных направлений развития современного стрелкового оружия. Большинство его моделей отличает простота и надежность конструкции. Если раньше простота конструкции в большей степени была характерна для пистолетов-пулеметов, то сейчас она присуща и автоматам (автоматическим и штурмовым винтовкам).

Технологичность (соответственно и дешевизна) производства стрелкового оружия обеспечивается широким применением при его изготовлении штампованных дета-

лей, методов холоднойковки и т. п. В подавляющем большинстве образцов современного стрелкового оружия используются штампованные детали.

В последние годы вновь усилился интерес к дробовым ружьям (самозарядным и помповым) для более широкого использования их в военных и полицейских целях, так как они характеризуются огромной огневой мощностью и большей по сравнению с пистолетами, револьверами, пистолетами-пулеметами возможностью поражения живой силы на дистанциях до 150–250 метров.

Гладкоствольное ружье как боевое оружие было принято на вооружение армии США еще в годы Первой мировой войны (пехотное ружье Винчестера модели 1917 года). В ограниченном количестве оно использовалось и в полицейских целях. В начале Второй мировой войны интерес к гладкоствольным пехотным и полицейским ружьям в США усилился, и они вновь ставятся на вооружение. Например, в ходе войны заказывалось более восьмидесяти тысяч ружей. В основном это было ружье «Винчестер М12».

В 1950 году появляется боевой дробовик «Ремингтон М870», который стал «фаворитом» американских правоохранительных органов и вооруженных сил, «избранным» вооруженных профессионалов²⁹⁰.

В 1980–1990-х годах появляются новые образцы специального гладкоствольного оружия огневой поддержки для армии и полиции – ружья «Бенелли М1/М3», «Мосберг М 500», «Мосберг М 590», «Франчи» SPAS 11/12²⁹¹ (рис. 32).

²⁹⁰Янин Ю. Пять лучших армейских дробовых ружей. // Ружье, № 2, 1996. С. 51.

²⁹¹См.: Омеляненко А. Еще раз о Benelli // Мастер ружье, 1997. № 5/6. С. 37–50; Владимиров Ю. «Мосберг» модель 590 «Арми». // Мастер Ружье, 1997. № 5/6. С. 53–55; Петров Ю. Хит российского оружейного рынка – «помпа». // Ружье, 1995. № 3. С. 8–11; Янин Ю. Чириков С. Италия. Урбино. Бенелли. // Ружье. Оружия и аммуниция. Октябрь-ноябрь 1996. С. 12–16; Охотинский М. «OF MOSS & SONS». Секрет успеха. / Ружье, 1995. № 3. С. 20–23 и др.

Рис. 32. Оружие огневой поддержки «Франчи» SPAS 11/12

В 1993 году в Туле для подразделений МВД был подготовлен к производству образец ружья 12 калибра РМБ-93 (ружьё магазинное боевое образца 1993 года) (рис. 33).

Рис. 33. Отечественное ружье 12 калибра РМБ-93

Все названные модели боевых (полицейских) ружей могут использовать как стандартные, так и специальные боеприпасы. Например, при стрельбе патроном, снаряженным картечью диаметром 6 мм, ее убойное действие сохраняется на дистанции до 250 м, а патроном со специальным снарядом (стрелами) – на больших дистанциях²⁸².

Начиная с 1970 года, создается индивидуальное многоцелевое оружие, способное вести огонь пулями по одиночным целям и осколочными гранатами по групповым целям на дальности до 400 м. Это существенно повысило огневую мощь пехотных подразделений. Первым образцом такого оружия стала 5,56-мм американская автоматическая винтовка M16A1 с закрепленным под ее стволом 40-мм грана-

²⁸²Мураховский В. И., Слуцкий Д. А. Указ. соч. С. 190–201; Плесакачевский В. М. Указ. соч. С. 18–19; Янин Ю. Рекомендую – мой друг «Моссберг». / Ружье, 1995. № 3. С. 30–35.

тометом M203. В настоящее время практически все современные образцы автоматов и автоматических (штурмовых) винтовок предполагают использование гранат. Для этого они снабжаются подствольным гранатометом или непосредственно на дульную часть их ствола (пламегасителя) одевается граната с последующим ее отстрелом²⁸³ (рис. 34, 35).

Рис. 34. Американская винтовка M16A1 с подствольным гранатометом M203

Рис. 35. Стрелково-гранатометный комплекс ОЦ-14 «Гроза» с подствольным гранатометом

Активно ведутся работы по созданию безгильзовых патронов. Отрабатывалось три варианта их создания. Последний, наиболее перспективный вариант предусматривает патрон из трех элементов: литой пороховой

²⁸³См.: Оружие стрелковое ... С. 317–319; Вооружение и техника. Справочник ... С. 28–29; Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Указ. соч. С. 280–293; Семенов Л. Оружие последнего броска. // Оружие, 1997. № 1. С. 8–10; Федосеев С. Винтовка + граната. // Оружие, 1997. № 1. С. 16–17 и др.

шашки цилиндрической формы, воспламенителя и пули. Основу составляет литая пороховая шашка с высокой температурой воспламенения (сгораемый заряд, покрытый специальным лаком). Пуля утапливается в сгораемом заряде, в задней части которого размещается инициирующий состав. Применение этих патронов предполагает упрощение конструкции оружия (отсутствует механизм удаления гильзы). Кроме того, они дешевле в производстве, значительно легче и меньше по объему, чем обычные.

В настоящее время за рубежом налажено серийное производство безгильзовых патронов. Так, немецкими фирмами «Динамит Нобель» и «Хеклер и Кох» выпускаются безгильзовые патроны 4,7 мм к штурмовой винтовке Г-11 и 4,92 мм к штурмовой винтовке «Хеклер и Кох» (рис. 36).

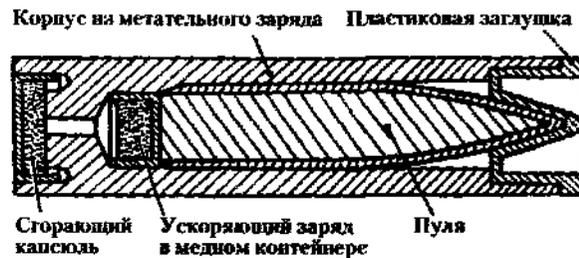

Рис. 36. Безгильзовый патрон к штурмовой винтовке «Хеклер и Кох»

Задача повышения убойного, а также обеспечения бесшумного действия боеприпасов для стрелкового оружия решается различными способами (рис. 37).

Повышение убойного действия сводится к эффективному поражению человека или животного. Поэтому, например, пули патронов к охотничьему нарезному оружию, как правило, делают экспансивными, то есть деформируемыми или разрушающимися при попадании в животное с целью увеличения останавливающего и убойного дей-

ствия. Экспансивные пули по своему действию принято делить на следующие группы:

- 1) пули с деформирующейся головной частью, которая при попадании почти не разрушается, но увеличивается в диаметре в 1,5–2,5 раза;
- 2) полуразрушающиеся пули, у которых головная часть разрушается полностью, образуя большое количество осколков, а более прочная задняя часть глубоко проникает в тело животного;
- 3) пули, полностью разрушающиеся при попадании²⁸⁴.

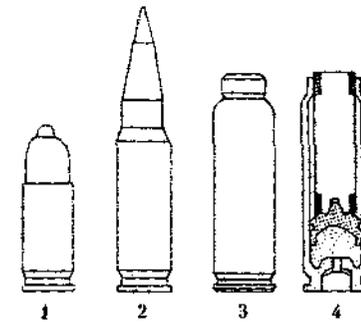

Рис. 37. Современные отечественные патроны к боевому нарезному огнестрельному оружию:

- 1 – 9-мм пистолетный патрон с повышенной пробиваемостью;
- 2 – 9-мм дозвуковой патрон СП-5;
- 3 – 7,62-мм патрон с поглощением звука выстрела (СП-4);
- 4 – патрон СП-4 в разрезе.

При повышении убойного действия боеприпасов к современному боевому стрелковому оружию учитывают во взаимосвязи массу пули, ее форму, калибр, конструктивные особенности. Исходя из этого поражающие свойства пули рассматриваются применительно к ее отдельным конструктивным типам. Экспериментальные исследова-

²⁸⁴ Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование. – М., 1982. С. 19.

ния последних лет показали, что малокалиберные пули обладают большим поражающим действием. Такие конструктивные и баллистические свойства, как высокая начальная скорость, малая масса, смещенный к хвостовой части центр тяжести, мягкий сердечник, малая устойчивость в полете и в тканях человеческого тела, обеспечивают им интегрирующее эффективное поражающее действие (например, пуля к патрону 5,45 x 39 мм для АК-74; пуля к патрону 5,56 x 45 мм для американской винтовки M16 и др.)²⁸⁵.

В последних разработках боеприпасов в качестве поражающих элементов предлагаются оперенные снаряды, так как благодаря более совершенной аэродинамической форме они сохраняют высокую скорость полета. Австрийская фирма «Штейр» уже приступила к производству боеприпасов с подкалиберным оперенным снарядом длиной 41,25, диаметром 1,6 мм и весом 0,66 г для винтовки «Штейр-Манлихер». Скорость такого снаряда – 1914 м/с.

Аналогичный боеприпас разработан к американской штормовой винтовке корпорации AAI (рис. 38).

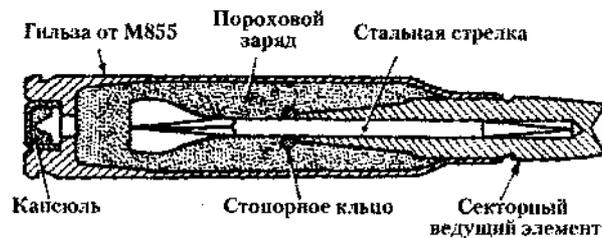

Рис. 38. Патрон калибра 5,56 мм к штормовой винтовке корпорации AAI

В настоящее время изменять бой гладкоствольного охотничьего ружья при стрельбе с различных дистанций

²⁸⁵См.: Ермолаев В. Эволюция патрона 5,45. // Мастер Ружье, № 36, 1999. С. 23–26; Борцов П. Полигон для пули. // Мастер Ружье, № 36, 1999. С. 81–83 и др.

предлагается не путем применения стволов с разными типами дульных сужений, а за счет использования в отстреливаемом патроне специальных пыжей-контейнеров. Поэтому охотник, имея одноствольное ружье с постоянным дульным сужением, может позволить себе стрелять и близко, и далеко, используя патроны с разной конструкцией пыжей. С применением этих патронов отпадает необходимость в использовании стволов с насадками и поличками, что особенно актуально для появившихся в последнее время в широкой продаже самозарядных и помповых одноствольных ружей²⁸⁶.

Производство названных патронов налажено в России фирмой «Селена» на Тульском патронном заводе.

Для получения оружия простой конструкции и малой массы в 1970-х годах была начата разработка опытных образцов стрелкового оружия, использующих принцип автоматики, предложенный Ротом в начале XX века (системы с неподвижным стволом, работающие от давления пороховых газов, отводимых из патронника через канал для капсюля в патроне особенной конструкции). Вся трудность заключается в создании дешевого и эффективного патрона с подвижным поршнем, непосредственно передающим энергию пороховых газов ударнику, который должен отпирать затвор и приводить в действие механизмы автоматики²⁸⁷.

Ведутся также разработки по созданию стрелкового оружия, стреляющего реактивными пулями (микроракетами). К преимуществам такого оружия можно отнести минимальную отдачу при стрельбе и, как следствие, небольшой вес, а к недостаткам – малую первоначальную скорость пули и плохую кучность боя. За рубежом имеются образцы названного оружия, например, пистолет МВА, стреляющий микроракетами «Джироджет».

²⁸⁶Блюм М. М. «Тайга» – патроны фирмы «Селена» // Охота и охотничье хозяйство, 1998. № 11. С.23.

²⁸⁷См.: Есаев И., Слуцкий Е. Указ. соч. С. 41.

Принципиально новым направлением считается создание стрелкового оружия, стрельба из которого производится за счет энергии жидкого топлива либо иных компонентов (окислителя и горючего). Работа механизмов автоматики этого оружия строится следующим образом. Имеющееся в конструкции оружия насосное устройство через специальные клапаны и трубопровод нагнетает порцию жидкого топлива в камеру сгорания. Пуля под действием давления жидкого топлива досылается в канал ствола. Ударник разбивает капсулю, жидкое топливо в камере сгорания воспламеняется и происходит выстрел. Под действием отводимых из ствола газов отпирается затвор, перемещая подвижные части оружия назад. Затем с помощью возвратной пружины они перемещаются вперед, и цикл работы автоматики повторяется.

Считается, что использование жидкого топлива вместо пороха может решить проблему боеприпасов и облегчить оружие.

В последние годы вновь усилился интерес к проблеме автоматизации револьверов. Ранее отмечалось, что предпринимавшиеся попытки их автоматизации заканчивались неудачей. Из всех разработок наиболее известен автоматический револьвер «Веблей-Фосбери».

Все недостатки предшествовавших моделей автоматических револьверов удалось устранить в современной модели – авторевольвере Матеба 6 «Уника». Это современное технологичное оружие со всеми достоинствами самозарядных пистолетов²⁸⁸.

Активная работа ведется и в плане создания стрелкового оружия специального назначения. Из всех направлений разработки такого оружия отметим лишь два. Первое из них связано с созданием пистолетов и автоматов для подводной стрельбы. В СССР их разработка началась

с конца 1950-х годов. На вооружение они поступили в 1970-х годах. Калибр 4-х ствольного пистолета – 4,5 мм, автомата – 5,66 мм. Пули патронов для пистолетов и автомата представляют собой своеобразные подводные стрелы длиной 14,5 см. Стрельбу можно вести на всю дальность видимости под водой, а также над водой на расстоянии до 50 м. В настоящее время зарубежных аналогов этому оружию не имеется (рис. 39, 40).

Рис. 39. 4,5-мм специальный подводный пистолет СПП-1

Рис. 40. 5,66-мм автомат подводный специальный АПС

Другое направление развития стрелкового оружия специального назначения – создание образцов нелетального действия, стреляющих патронами, снаряженными не только ирритантами, но и пулями травматического действия. Как правило, для поражения цели ирритантами и пулями травматического действия используются одни и те же об-

²⁸⁸Мотана В. Тот самый Матеба // Ружье, 1998. № 3. С. 29–32.

разцы оружия. Для изготовления названных образцов пуль (они могут быть самой разнообразной формы) используется резина, пластмасса, фторопласт. Из отечественных пуль наилучшие результаты показала сферическая резиновая пуля, которой с 1985 года снаряжается патрон «Волна-Р» для 23-мм карабинов специального назначения КС-23, КС-23М «Дрозд», КС-23К, ОЦ-28²⁸⁹ (рис. 41, 42).

Рис. 41. Карабин КС-23

Рис. 42. Карабин КС-23 М «Дрозд»

Тенденция к универсальности оружия побудила отечественных конструкторов к созданию образца, сочетающего в себе возможности боевого и нелетального оружия. В 1991 году климовский ЦНИИточмаш приступил к разработке специального револьверного комплекса «Удар», включающего в себя 12,3-мм револьвер и патроны к нему с боевой и неметаллической пулями, а также пирожидко-стной и шумовой²⁹⁰. Однако по ряду причин он оказался

невостребованным и лишь в незначительном количестве поступил на вооружение подразделений МВД России (рис. 43).

Рис. 43. Специальный револьверный комплекс «Удар»

В середине 1990-х годов американской фирмой «Кольт» был предложен проект пистолета, оснащенного электронной системой идентификации владельца (идея «*smart gun*» – «умного ружья»). Действие электронного блокиратора ударно-спускового механизма пистолета основано на сканировании папиллярных узоров пальцев рук стреляющего. На такое сканирование требуется до 3 секунд, что исключает немедленное применение оружия и поэтому рассматривается как существенный недостаток. Устранить этот недостаток удалось группе конструкторов-оружейников и специалистов по микроэлектронике Ижевского механического завода. На базе 9-мм пистолета Макарова ими разработан новый образец – «ПИВО» (пистолет с идентификацией владельца оружия), быстродействие электронного блокиратора которого составляет 0,1 секунды. В качестве элементов питания используются обычные «пальчиковые» батарейки. В настоящее время ведется активная доработка опытных образцов пистолета. В печати сообщается, что у серийных образцов рукоятка, оснащенная электроникой, станет напоминать ортопедическую рукоятку спортивного пистолета, емкость магазина ограничится восемью патронами, а ударно-спусковой механизм претерпит существенные изменения.

²⁸⁹ Борцова П. Указ. соч., 1999. С. 68–69.

²⁹⁰ См.: Борцова П. «Удар» еще «удар». // Мастер ружье. 1999. № 37/38. С. 82–85; Боечин И. «Удар» и «Пламя». // Ружье. 1997. № 1. С. 4–5.

§ 5. Проблемы формирования и выделения новых видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения

В условиях научно-технического прогресса с открытием новых возможностей в науке и технике идет постоянный процесс формирования и выделения новых видов судебных экспертиз. Можно с уверенностью констатировать, что «наблюдаемое в настоящее время ускорение процессов образования судебно-экспертных отраслей знаний в целом обусловлено бурным ростом науки и техники»²⁹¹. Названный процесс затронул и криминалистическую экспертизу оружия и следов его применения.

По мнению Р. С. Белкина, возникновение и формирование новых видов криминалистической экспертизы происходит либо в результате дробления традиционных видов в связи с появлением новых объектов данного класса или новых методов и задач исследования, либо как следствие поиска инструментальных средств и методов решения традиционных криминалистических задач²⁹². При этом, как мы уже ранее отмечали, иницирующим фактором формирования и выделения новых как родов, так и видов экспертизы выступают процессы дифференциации и интеграции научных знаний. «Порождаемые данными процессами новые средства и методы экспертного исследования, – справедливо указывает Т. В. Аверьянова, – побуждают к поиску ранее не известных практике объектов-носителей информации, позволяют решать нетрадиционные задачи и в целом расширяют, в частности, возможности судебной экспертизы»²⁹³.

Отмечая важную роль новых методов исследования в процессе возникновения и формирования новых ви-

дов криминалистических экспертиз²⁹⁴, следует также подчеркнуть, что в основе указанных процессов зачастую лежит и «объектный» фактор. Как свидетельствует опыт последних десятилетий, в основе возникновения и формирования новых видов криминалистических экспертиз в большинстве случаев лежит новый, ранее неизвестный объект, появляющийся в рамках уже сложившегося вида экспертизы. Однако иногда этот процесс начинается и при «старом» объекте, когда новые возможности науки и техники позволяют исследовать его на качественно ином уровне и тем самым обуславливают необходимость выделения такого исследования в самостоятельное, на базе которого впоследствии происходит формирование нового вида криминалистической экспертизы. При этом необходимость дальнейшего развития появившегося перспективного направления служит главным основанием для выделения нового вида экспертизы²⁹⁵.

Если обратиться к проблеме возникновения новых видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, то не трудно заметить, что становление взрывотехнической экспертизы началось с появления в рамках судебно-баллистической экспертизы нового для нее объекта – минно-взрывного оружия и формирования соответственно тоже нового вида экспертного исследования в рамках указанной экспертизы. Впоследствии на базе этого самостоятельного вида исследования развился и возник новый вид экспертизы – взрывотехническая.

Вместе с тем, далеко не каждый вновь появляющийся в рамках существующего вида экспертизы объект ведет к возникновению самостоятельного направления ис-

²⁹¹Надгорный Г. М. Указ. соч. С. 22.

²⁹²Белкин Р. С. Указ. соч., 1997. Т. 2. С. 328.

²⁹³Аверьянова Т. В. Указ. соч., 1994. С. 117.

²⁹⁴Подробнее об этом см.: Аверьянова Т. В. Указ. соч., 1994. С. 114–121.

²⁹⁵См.: Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития / Под ред. В. П. Лаврова. – М.: ЮИ МВД РФ, 1994. С. 182.

следования с перспективой превращения его в новый вид криминалистической экспертизы. Подобное превращение, как правило, происходит при наличии двух условий:

1) невозможности дальнейшего исследования нового объекта в полном объеме методами, применяемыми в рамках существующего вида экспертизы;

2) неспособности этих методов к модификации при исследовании нового объекта.

При этом под модификацией понимается не коренное изменение уже сложившихся в данном виде экспертизы экспертных методик, а их приспособление к специфике нового объекта экспертизы. По такому «модифицированному» варианту, на наш взгляд, шел процесс создания в рамках криминалистической экспертизы холодного оружия методик экспертного исследования многих, впервые появлявшихся в экспертной практике образцов метательного оружия, а также методик исследования пневматического и ствольного газового оружия в пределах судебно-баллистической экспертизы.

Однако указанный вариант не всегда возможен. Нередко для экспертного исследования нового объекта экспертизы в полном объеме приходится идти по пути, при котором, хотя и учитывается общий методический подход к изучению нового, тоже «оружейного» объекта, но требуется разработка принципиально новых экспертных методик его исследования, зачастую с привлечением таких данных, которыми не располагает существующая судебно-экспертная отрасль знания. Примером подобных объектов, помимо минно-взрывного оружия, могут стать, на наш взгляд, некоторые новые виды индивидуального оружия, разработка которых закончена сравнительно недавно или еще идет полным ходом. «Недалек тот день, – справедливо отмечают В. Н. Бородин и К. Т. Ростов, – когда на исследование станут поступать самодельные огнеметы, боевое уль-

тразвуковое, газоплазменное, химическое и, не дай бог, оружие массового поражения и т. п.»²⁹⁶.

В частности, одним из таких объектов, с которым эксперты-криминалисты уже постоянно испытывают значительные трудности при отнесении к конкретному виду оружия, сегодня стали электрошоковые устройства (разрядники). В этой связи В. М. Плескачевский пишет: «Появление в следственной и экспертной практике электрошоковых устройств привело к тому, что для их распознавания назначалась криминалистическая экспертиза. И производство таких экспертиз превращалось в научное исследование конструктивных и функциональных особенностей представленного объекта (выделено мной. – В. Р.)»²⁹⁷. Действительно, в научное исследование, поскольку ни одна из ранее разработанных методик экспертного исследования изучавшихся в криминалистике и судебной экспертизе видов оружия не позволяла отвечать на вопросы следствия, ставившиеся перед экспертами-криминалистами в связи с назначением криминалистической экспертизы электрошоковых устройств. И второй момент. Здесь практика пошла по единственно правильному пути: пути назначения именно криминалистической экспертизы электрошоковых устройств как разновидности электрического оружия. Мы бы лишь уточнили – криминалистической экспертизы электрического оружия как зарождающегося вида в роду криминалистических экспертиз оружия и следов его применения.

Представляется, что основы зарождающейся криминалистической экспертизы электрического оружия будут базироваться на положениях экспертного учения об оружии

²⁹⁶Бородин В. Н., Ростов К. Т. Проблемы современного оружейведения // Теория и практика криминалистического оружейведения. Матер. науч.-практ. конф. 21 апреля 1998 года. – СПб: С.-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 19–20.

²⁹⁷Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 310.

и следах его применения, а именно – формирующемся сейчас в его рамках разделе «Основы экспертно-криминалистического исследования нетрадиционных (новых) видов оружия», включающем и электрическое оружие. Однако в настоящее время, к сожалению, следует констатировать, что названный раздел находится в зачаточном состоянии. Например, отсутствуют понятие и классификация электрического оружия как одного из основных (и пока первых) объектов экспертного исследования, изучаемых в названном разделе. И главную причину подобного В. М. Плескачевский справедливо, на наш взгляд, видит в том, что «отсутствие в настоящее время автономных электропоражающих средств индивидуального применения, чье действие вело бы к летальному исходу, препятствует формулированию криминалистического определения электропоражающего оружия и составлению классификации группы электропоражающих объектов»²⁹⁸.

Думается, что с накоплением необходимого объема эмпирического материала об используемом в криминальных целях электрическом и ином оружии станет возможной «полномасштабная» разработка теоретических основ и базирующихся на них экспертных методик криминалистической экспертизы новых (нетрадиционных) видов оружия. А пока на начальном этапе формирования этой новой судебно-экспертной отрасли знания следует определиться с ее содержанием, чтобы уже сегодня вести целенаправленную работу по его наполнению.

На наш взгляд, в содержание указанной судебно-экспертной отрасли знания целесообразно включить следующие вопросы: научно-методические основы экспертизы нетрадиционных видов оружия и следов его применения; ее возможности, перспективы развития; понятие, классификация, конструктивные особенности и принцип действия

известных экспертной практике нетрадиционных видов оружия; научно-технические средства (например, тестирующие электроприборы, оборудование и т. п.), необходимые для исследования конкретных видов нетрадиционного оружия, и правила работы с ними; следы применения этих видов оружия и механизм их образования; классификационные экспертные исследования нетрадиционного оружия (определение принадлежности объекта к конкретному виду оружия и т. п.); диагностические экспертные исследования названного оружия и следов его применения; «пограничные» вопросы экспертного исследования нетрадиционного оружия и следов его применения.

Конечно, этот перечень не может быть исчерпывающим. С увеличением объема сведений об используемом в экспертной практике нетрадиционном оружии и следах его применения в содержание формирующейся судебно-экспертной отрасли знания будут вноситься соответствующие коррективы и дополнения.

Конкретные вопросы разработки экспертно-криминалистического исследования сейчас можно ставить пока лишь в отношении электрошоковых устройств. Что касается других нетрадиционных видов оружия, то о разработке методик их экспертного исследования можно вести речь только в прогностическом плане. И здесь нужно иметь в виду, прежде всего, такие активно формирующиеся в последние годы нетрадиционные виды оружия, как лазерное и ультразвуковое. Представляется, что единичные случаи их криминального использования, как уже имевшие место, так и будущие, должны стать объектом пристального внимания практиков и ученых для выработки научно обоснованных подходов к судебно-экспертному исследованию названных видов оружия и определения перспектив их дальнейшего развития.

Отдельно следует сказать о некоторых видах оружия массового поражения, в частности, химическом и биологи-

²⁹⁸Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 314–315.

ческом. Практика последних лет показала, что возможность их использования при совершении преступлений, прежде всего, террористической направленности, стала вполне реальной. Тем более что в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации имеются такие статьи, как статья 188 (контрабанда ядерного, химического, биологического и иных видов оружия массового поражения, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения), статья 189 (незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники) и статья 355 (производство или распространение оружия массового поражения), в которых химическое и биологическое оружие рассматривается в качестве предмета преступления. В целях создания более широкой правовой базы для судебно-экспертного исследования этого оружия было бы целесообразно увеличить перечень видов оружия, рассматриваемых в рамках Закона РФ «Об оружии». Мы согласны с мнением А. В. Федорова, который пишет: «В этом законе не отражено, что существует еще один вид оружия - оружие массового поражения. В связи с этим представляется целесообразным дополнить указанным законом, внося в него, как это было сделано в Законе Российской Федерации "Об оружии" 1993 года, положение о том, что имеются и «иные виды оружия» .

Вопросы разработки основ криминалистического и судебно-экспертного исследования химического и биологического оружия, на наш взгляд, своевременны и вполне заслуживают внимания ученых. Однако при этом вести речь о разработке методик экспертно-криминалистического исследования названных видов оружия не правомерно. По нашему мнению, уже на этом этапе вполне очевидно,

²⁹ Федоров А. В. Указ. соч. С. 311.

что вопрос формирования методик судебно-экспертного исследования химического и биологического оружия должен рассматриваться вне рамок криминалистической экспертизы. Проблемы же исследования указанных видов оружия при проведении других процессуальных действий могут и должны изучаться в рамках раздела криминалистической техники «Криминалистическое исследование оружия и следов его применения», хотя для этого и будет во многом использоваться помощь некриминалистов. Здесь следует согласиться с мнением В. М. Плещачевского о том, что «допустимо привлечение некриминалистов для исследования объектов, включаемых в круг оружия в криминалистике»³⁰⁰.

Становление криминалистической экспертизы зажигательного оружия также подчиняется в определенной мере законам появления новых видов экспертиз, но с некоторыми особенностями. Исторически сложилось так, что различные образцы зажигательного оружия, являясь уже давно известными «оружейными» объектами, изучались в рамках разных судебных экспертиз. Так, огнемечи, как один из распространенных образцов зажигательного оружия, до выделения взрывотехнической экспертизы в самостоятельный вид теоретически относились к объектам судебно-баллистической экспертизы³⁰¹. С формированием взрывотехнической экспертизы огнемечи (реактивные) и гранатометные выстрелы (гранаты) зажигательного действия стали ее объектами. Этой практики придерживаются и сегодня, мотивируя тем, что реактивные огнемечи и гранаты зажигательного действия обычно содержат заряд взрывчатого вещества и поэтому для их исследования требуются специальные знания эксперта-взрывотехника. Кроме того, эти образцы во многом функционально близки

³⁰⁰ Плещачевский В. М. Указ, соч., 1988. С. 15.
См.: Аханов В. С. Указ. соч. С. 9.

минно-взрывному оружию как объекту взрывотехнической экспертизы.

Действительно, нельзя отрицать, что для исследования реактивных огнеметов и гранат зажигательного действия требуются специальные знания эксперта-взрывотехника. Еще на начальном этапе формирования взрывотехнической экспертизы А. Р. Шляхов справедливо писал: «...взрывы часто сопровождаются разрушениями и пожарами, то легко представить все своеобразие данного вида экспертизы. Вот почему в будущем этот вид экспертизы может образовать самостоятельный род криминалистической экспертизы со множеством пограничных вопросов с иными судебными экспертизами»³⁰² (выделено мной. – В. Р.). В. М. Плескачевский, «распространяя эту поливалентность криминалистического взрывоведения на пиротехнику и экспертизу электроноражающих устройств», верно, на наш взгляд, замечает: «Очевидно, эта связь будет иметь как форму заимствований криминалистической закономерности судебной физики, судебной химии, электротехники, саперного дела, пиротехники, так и форму комплексной экспертизы. Это очень важное обстоятельство, так как создаются некоторые предпосылки для криминалистических исследований принципиально новых групп оружия и специальных средств»³⁰³. И такие предпосылки для выделения экспертно-криминалистического исследования зажигательного оружия в самостоятельное направление сегодня, по нашему мнению, имеются. Тем более что в настоящее время все чаще отмечаются случаи изъятия реактивных огнеметов из незаконного оборота, а также их применения в криминальных целях.

Другие образцы зажигательного оружия, в основном самодельного изготовления (бутылки с разного рода зажигательными веществами и смесями, конструктивно оформленные заряды зажигательных веществ со средства-

ми инициирования и прочие зажигательные устройства), исследовались и продолжают исследоваться в рамках пожарно-технической экспертизы. Там они обычно рассматриваются в качестве сложных поджигающих устройств³⁰⁴. Однако, где заканчивается сложное поджигающее устройство и начинается зажигательное оружие, остается не ясным.

Такое положение, когда зажигательное оружие «растаскано» по различным видам судебных экспертиз, вряд ли может считаться нормальным. Если мы признаем зажигательное оружие одним из старейших, исторически сложившихся видов (а это бесспорный факт) и считаем необходимым изучать его в рамках экспертного учения об оружии и следах его применения, то вполне логично экспертное исследование данного оружия (во всех его проявлениях) выделить в качестве самостоятельного с перспективой формирования на его базе нового вида экспертизы в составе криминалистической экспертизы оружия и следов его применения – экспертизы зажигательного оружия. В пользу этого могут свидетельствовать следующие доводы.

Во-первых, различные образцы зажигательного оружия относятся к одной группе объектов исследования (оружию) с присущими им общими признаками, учитываемыми при распознавании (классификационном экспертном изучении) данного рода объектов.

Во-вторых, они, как и любой «оружейный» объект, имеют естественные системные связи с другими видами оружия, характеризуются общими с ними закономерностями развития, использования в качестве средства совершения преступления, а также судебного исследования в качестве вещественного доказательства.

³⁰²См.: Шляхов А. Р. Указ. соч., 1979. С. 22.
³⁰³Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 315.
³⁰⁴См.: Зернов С. И., Колмаков А. И., Маковкин А. В., Попов И. А. Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов. Учеб. пособие – М.: ЭКЦ МВД России, 1998. С. 102–105.

В-третьих, при их экспертном изучении и разработке методик исследования могут с успехом использоваться отдельные положения методического характера, разработанные ранее в учении об оружии и следах его применения применительно к исследованию других видов оружия, например, минно-взрывного.

В-четвертых, исследование зажигательного оружия в рамках самостоятельного вида экспертизы в роду криминалистических экспертиз оружия и следов его применения предполагает его всестороннее изучение, которое будет, безусловно, объемнее, информативнее, нежели исследование с позиций лишь эксперта-взрывотехника либо эксперта-пожаротехника. Результаты самостоятельного экспертно-криминалистического исследования зажигательного оружия во многом будут носить интегративный характер с качественно иным уровнем знаний об исследуемом объекте.

Вероятно, на первоначальном этапе формирования криминалистической экспертизы зажигательного оружия следы его применения целесообразно продолжать исследовать по сложившейся на сегодняшний день традиции, то есть в рамках взрывотехнической либо пожарно-технической экспертизы. Не исключено, что с накоплением эмпирического материала и его критическим осмыслением может быть принято и иное решение.

В настоящее время можно предложить включить в содержание формирующейся судебно-экспертной отрасли знания следующие вопросы: научно-методические основы криминалистической экспертизы зажигательного оружия, ее возможности и перспективы развития; понятие зажигательных веществ и смесей, их свойства и классификация; понятие, классификация, конструктивные особенности и принцип действия зажигательного оружия; классификационные экспертные исследования зажигательного оружия (установление принадлежности объекта к зажигательному оружию и др.); диагностические экспертные исследо-

вания зажигательного оружия; «пограничные» вопросы экспертного исследования зажигательного оружия.

Итак, изложенный выше материал свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в теории и практике судебной экспертизы назрел вопрос о необходимости формирования и выделения в ней новых видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения.

§ 6. Комплексные экспертные исследования оружия, следов его применения и проблемы их проведения

Наряду с формированием и выделением новых видов судебных экспертиз одним из следствий влияния научно-технического прогресса в области судебной экспертизы и ускорения процессов интеграции и дифференциации знания в практической экспертной деятельности является все более широкое развитие комплексных исследований. «Расширение возможностей судебной экспертизы, – писал Р. С. Белкин, – прямо связано с повышением эффективности комплексного исследования объектов экспертизы. В этом проявляется влияние такого глобального процесса современности, как интеграция научного знания, взаимопроникновение научных методов познания»³⁰⁵.

Из всех тенденций развития научного знания на возникновение и распространение комплексных исследований объектов судебной экспертизы наиболее значимое влияние оказывает интеграция научного знания. Интеграция знаний специалистов различного профиля существенно расширяет границы познания исследуемых объектов, открывает новые перспективы развития экспертизы. «В связи с этим, – справедливо отмечает Т. В. Толстухина, – на передний план выдвигается задача синтеза наук,

³⁰⁵Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т.: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. – М.: Юристъ, 1997. С. 116.

служащих базой для развития комплексных специальных экспертных познаний в рамках создания общей теории и совершенствования практики судебной экспертизы»³⁰⁶.

В судебной экспертизе интеграция реализуется как по предмету, так и по объекту исследования. По мнению Т. Э. Суховой, в основе формирования комплексной экспертизы лежит сложная, отражающая единство различных сторон явлений действительности диалектическая взаимосвязь предметной и объектной интеграции знания. В частности, она пишет: «Одна только предметная интеграция знания не позволяет практически овладеть достаточно сложным объектом в целом. Для этого требуется сплав знаний обо всех сторонах данного объекта, их органическое единство. Во многих случаях, если иметь в виду именно практическую сторону дела, знание отдельных «срезов» объекта оказывается лишь частным средством достижения главной цели – подчинения его человеческому контролю и управлению. И наука должна ориентироваться на выработку комплексных знаний об особо сложных и важных объектах»³⁰⁷.

Вообще, на нынешнем этапе развития науки комплексный подход к исследованию различных процессов, явлений характерен не только для судебной экспертизы, но и для многих других отраслей знания. Современную науку нельзя представить без проведения комплексных исследований. «На уровне науки в целом, – отмечал О. И. Иванов, – комплексность, с нашей точки зрения, проявляется, во-первых, в формировании и развитии общенаучной стратегии (относительно новой методологической ориентации) – в комплексном подходе; во-вторых, в становлении комплексных исследований как особом ти-

³⁰⁶Толстухина Т. В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1999. С. 4.

³⁰⁷Сухова Т. Э. Указ. соч. С. 189.

пе научного поиска, опирающегося на принципы комплексного подхода; в-третьих, в комплексировании как особой деятельности в науке, направленной на объединение наук, дисциплинарных знаний и действий представителей разных научных специальностей в целях многостороннего и целостного изучения сложно организованных объектов и сложных комплексных проблем»³⁰⁸.

Комплексные экспертные исследования значительно расширяют возможности судебной экспертизы, в частности, предполагают привлечение новых методов, обеспечивающих требуемую точность исследований, позволяют отвечать на ранее не разрешимые вопросы, расширяют круг объектов экспертизы. При этом следует отметить, что расширение круга объектов экспертизы является не только следствием широкого использования в ней комплексных исследований, но и, в свою очередь, обуславливает активное применение и развитие последних в экспертной практике. Это обстоятельство имеет весьма важное значение, если учесть, что в последние десятилетия наблюдается стремительное расширение круга объектов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, нередко сопряженное и со значительным качественным изменением данных объектов. Подобное ведет к тому, что их экспертное исследование на основе лишь базовых знаний по полученной специальности в рамках одного вида экспертизы становится невозможным и требует знаний из других смежных наук. «Любой специалист (в том числе и работник государственного экспертного учреждения), начинающий систематически проводить экспертные исследования, – справедливо указывал Н. С. Романов, – даже по истечении незначительного времени своей практической деятельности сталкивается с проблемой несовпадения полученных по профилю специальности знаний и задач

³⁰⁸Иванов О. И. Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. – Л., 1981. С. 59.

экспертизы»³⁰⁹. Поэтому все усложняющиеся задачи экспертизы зачастую становятся разрешимы в полном объеме только в результате проведения комплексного экспертного исследования.

Вопрос о допустимости комплексной экспертизы в течение длительного времени в уголовном процессе и криминалистике был предметом дискуссии. Наибольшие возражения он вызывал у ученых-процессуалистов в связи с казавшейся им опасностью выхода экспертов за пределы своей компетенции и соответственно нарушения принципа персональной ответственности эксперта за данный им вывод³¹⁰. Однако практика не подтвердила подобных опасений. В настоящее время комплексная судебная экспертиза доказала свою эффективность, и ее необходимость не вызывает сомнений как у практиков, так и у ученых-криминалистов и процессуалистов. Более того, теперь ее проведение предусмотрено в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 201). Законодательное закрепление комплексной экспертизы явилось логическим завершением процесса прочного вхождения ее в судебно-следственную и экспертную практику, а также признанием того, что в условиях научно-технического прогресса и усиливающейся интеграции и дифференциации знаний производство судебной экспертизы должно носить не только единоличный, но и комиссионный характер. Не в последнюю очередь это связано с существенными потребностями судебно-следственной практики в решении вопросов, относящихся к смежным отраслям знаний. «Практика убеждала, – справедливо заметил М. Н. Ростов, – что объединение знаний,

³⁰⁹Романов Н. С. Закономерности и механизм формирования предмета судебной экспертизы и предмета отрасли судебно-экспертных знаний // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 21. – Киев, 1980. С. 35.

³¹⁰См.: Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. – М., 1953. С. 217; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958. С. 243.

опыта и усилий экспертов разных специальностей существенно расширяет возможности судебной экспертизы»³¹¹.

Являясь одним из перспективных направлений расширения возможностей судебной экспертизы, комплексные экспертные исследования в последние годы имеют устойчивую тенденцию к росту в общей массе судебно-экспертных исследований. Особенно это касается таких сложных объектов исследования, как боеприпасы, взрывные устройства, некоторые виды оружия (зажигательное, газовое и др.). Например, доля комплексных экспертных исследований боеприпасов и взрывных устройств в последние годы существенно возросла.

Однако, несмотря на большую востребованность комплексных экспертных исследований в судебно-следственной практике и, как следствие, достаточно пристальное внимание к проблеме комплексности исследования различных ученых (Т. В. Аверьянова, В. Д. Арсеньев, Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Ю. Г. Корухов, В. Е. Корнаухов, М. Г. Любарский, Н. Г. Малаховская, В. С. Митричев, Н. П. Майлис, Ю. К. Орлов, А. Я. Палиашвили, И. Л. Петрухин, М. Н. Ростов, Т. А. Седова, Н. А. Селиванов, А. Р. Шляхов, В. И. Шиканов и др.), некоторые аспекты названной проблемы до сих пор остаются спорными. В этой связи М. Н. Ростов совершенно справедливо отметил, что «длительное время многие аспекты проблемы комплексности в судебной экспертизе остаются спорными лишь в силу неупорядоченности терминологии – различного содержания, вкладываемого в понятия, связанные с комплексностью»³¹². Спорными остаются и критерии чет-

³¹¹Ростов М. Н. Некоторые аспекты обоснования объективной необходимости «эксперта-интегратора» // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1989. С. 35–36.

³¹²Ростов М. Н. Комплексность в научной и практической деятельности // Актуальные вопросы судебно-экспертного исследования материалов, веществ и изделий. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 17.

кого разграничения форм комплексного экспертного исследования³¹³.

В настоящее время после длительных дискуссий в криминалистике и судебной экспертизе принято выделять три основные формы комплексного экспертного исследования:

- комплексную экспертизу;
- комплекс исследований в рамках одной экспертизы;
- комплекс экспертиз по одному и тому же уголовно-

му делу.

В уголовно-процессуальном законе комплексной считается экспертиза, «в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей» (ст. 201 УПК РФ). При этом интересно отметить, что статья 23 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5.04.2001 года, регулирующая порядок производства комплексной судебной экспертизы, называется «комиссия экспертов разных специальностей». Определение комплексной судебной экспертизы, приводимое в статье 201 УПК РФ, конечно, не позволяет четко отграничить ее от других форм комплексного экспертного исследования, в частности, комплекса исследований в рамках одной экспертизы, в которой также могут участвовать эксперты разных специальностей. Здесь нет необходимости доказывать, какое важное практическое значение имеет четкое разграничение ком-

³¹³См., например: Корухов Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 30–36; Седова Т. А. Понятие комплексной экспертизы и комплексного исследования // Там же, С. 40–45; Корнаузов В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. – Красноярск: Изд. Красн. ун-та, 1982. С. 57–69; Абакиров К. К. Вопросы нормативной регламентации комплексной экспертизы // Информационный бюллетень № 11. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 26–31 и др.

плексной судебной экспертизы от комплекса исследований в рамках одной экспертизы.

Проведенный анализ криминалистической и уголовно-процессуальной литературы также свидетельствует об отсутствии однозначной совокупности критериев, позволяющей четко отграничить эти две формы комплексного экспертного исследования.

На наш взгляд, для комплексной судебной экспертизы характерны следующие отличительные признаки.

1. Наличие **общего предмета исследования** – своего рода «пограничных» фактов, устанавливаемых в процессе совместного, обычно ситуационного анализа.

2. **Одновременное совместное** участие в производстве экспертизы **экспертов разных специальностей либо одного эксперта, обладающего разнопрофильными знаниями.**

3. Применение при производстве экспертизы **специальных знаний из смежных областей.**

4. **Формулирование по итогам совместного исследования (кооперации знаний специалистов разного профиля) общего вывода.**

Представляется, что одним из критериев разграничения комплексной экспертизы от иных форм комплексного экспертного исследования является наличие именно **общего предмета исследования, а не объекта.**

Выделение же в качестве существенного отличительного признака комплексной экспертизы наличия общего объекта исследования, по нашему мнению, ошибочно³¹⁴. При производстве комплексной экспертизы объекты исследования могут быть как общими, так и различными. На это правильно обратил внимание М. Н. Ростов: «Наличие одного общего объекта не является обязательным признаком комплексного исследования вообще и комплексной

³¹⁴См., например: Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. III. – М.: ВНИИСЭ, 1968. С. 59; Седова Т. А. Указ. соч. С. 41 и др.

экспертизы, в частности. Наличие одного общего конкретного объекта, исследуемого с позиций различных отраслей знания, – нередкий, но все-таки частный случай комплексного исследования»³¹⁵. При производстве комплексной экспертизы эксперты разных специальностей решают вопросы, которые относятся к единому для них предмету исследования³¹⁶.

Другой важнейший признак комплексной экспертизы – участие в ней экспертов разных специальностей. Здесь следует иметь в виду два обстоятельства.

1. Участие экспертов разных специальностей в производстве комплексной экспертизы должно быть **одновременным и совместным**. Только такое участие делает возможным формулирование общего вывода³¹⁷.

2. Комплексная экспертиза может выполняться и одним экспертом, обладающим разнопрофильными знаниями. В этой связи Р. С. Белкин писал: «В гносеологическом аспекте производство комплексной (в современном ее понимании) экспертизы одним экспертом возражений вызывать не может, поскольку процесс познания в принципе не связан с числом познающих субъектов; он детерминирован качеством субъекта познания и разрешающими возможностями средств познания»³¹⁸.

Существенные разногласия в теории и практике криминалистики и судебной экспертизы вызывает характер специальных знаний, применяемых при производстве комплексной экспертизы. Здесь обозначились две основные позиции. Большинство авторов сходится во мнении, что при

³¹⁵Ростов М. Н. Теоретические и общеметодические аспекты комплексного криминалистического исследования боеприпасов к охотничьим ружьям с целью установления общности их происхождения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1980. С. 11.

³¹⁶Абакиров К. К. Указ. соч. С. 30.

³¹⁷На это обстоятельство особое внимание обращал Ю. Г. Корухов (см.: Корухов Ю. Г. Указ. соч. С. 32).

³¹⁸Белкин Р. С. Указ. соч., 1985. С. 38.

производстве комплексной экспертизы используются специальные знания **из смежных областей**³¹⁹. Другая группа авторов полагает, что при комплексной экспертизе могут применяться специальные знания, взятые из разных наук, **необязательно смежных**³²⁰. Наиболее предпочтительной нам представляется первая позиция. Действительно, смежность знаний, используемых в комплексной экспертизе, является **необходимым условием** ее проведения. «Возможности комплексной экспертизы, – справедливо отмечал Ю. Г. Корухов, – не случайно ограничиваются решением вопросов из области смежных наук, поскольку подразумевается наличие не только узкой специализации у каждого эксперта, но и определенных его познаний в смежной области (областях)»³²¹. На решение вопросов, относящихся к пограничным областям экспертных знаний, как важнейшее условие производства комплексной экспертизы, указывала и Н. П. Майлис³²².

Одним из важнейших признаков комплексной экспертизы следует рассматривать наличие **общего вывода**, фор-

³¹⁹См.: Ростов М. Н. Указ. соч. 1980. С. 12; Корухов Ю. Г. Указ. соч., 1985. С. 33–34; Шляхов А. Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М., 1985. С. 6; Рассейкин Д. П. Расследование преступлений против жизни. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1965. С. 27; Яковлев Я. М. Комплексная криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза при расследовании преступлений против жизни и здоровья // Проблемы судебной экспертизы, № 5. – М.: ВНИИСЭ, 1961. С. 61; Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1964. С. 147 и др.

³²⁰См., например: Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1976. С. 72–73; Абакиров К. К. Указ. соч. С. 30 и др.

³²¹Корухов Ю. Г. Указ. соч., 1985. С. 33–34.

³²²Майлис Н. П. Пограничные задачи комплексных экспертиз (трасологической и автотехнической, трасологической и КЭМВИ) // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 123–126.

мулируемого по итогам совместного исследования, которое является здесь не чем иным, как кооперацией знаний специалистов разного профиля. В этой связи Т. В. Аверьянова правильно пишет: «Будет ли такая интеграция осуществлена одним из них, официальным или фактическим лидером данной группы, либо интеграцию осуществляют коллективно все субъекты исследования – принципиального значения не имеет: важно, чтобы орган, назначивший экспертизу, получил не сумму отдельных выводов, а **решение общей экспертной задачи** (выделено мной. – В. Р.)»³²³. При этом следует еще раз подчеркнуть, что **общий вывод невозможен без одновременного совместного участия в производстве экспертизы экспертов разных специальностей**, использующих специальные знания из смежных областей. Необходимость формулирования при производстве комплексной экспертизы общего вывода – это ее основное отличие от комиссионной экспертизы с однородным составом участников³²⁴.

Таким образом, комплексную судебную экспертизу можно определить как проводимое в установленной уголовно-процессуальным законом форме сложное исследование с одновременным совместным участием в нем экспертов смежных специальностей или одного эксперта с разнопрофильными знаниями для решения общей экспертной задачи на основе специальных знаний из смежных областей с формулированием по итогам исследования общего вывода.

На практике комплексную судебную экспертизу нередко смешивают с комплексом исследований, проводимых в рамках одной экспертизы. Однако наряду с общими для них признаками у этих двух форм комплексного экспертного исследования есть и существенные различия. По нашему мнению, для комплекса исследований, прово-

димых в рамках одной экспертизы, специфичным является наличие **одного и того же объекта исследования** (обычно вещественного доказательства, которое может представлять собой сложную материальную систему, состоящую из ряда составных частей, могущих, в свою очередь, рассматриваться в качестве самостоятельных объектов исследования), изучение которого осуществляется **разными методами** с последующим **суммированием собранной информации** в целях получения более полной картины об исследуемом объекте, то есть **максимально возможного объема информации о нем**. Сближает же две названные формы комплексного экспертного исследования **совместное участие в них экспертов разных специальностей** (либо одного эксперта с разнопрофильными знаниями) и формулирование по итогам исследования **общего вывода**. При этом, в отличие от комплексной экспертизы, здесь совместное участие экспертов разных специальностей, на наш взгляд, может быть **не обязательно одновременным**, а в качестве участвующих в исследовании экспертов обычно выступают **эксперты-методники**, с выделением из их числа эксперта-интегратора. Однако наличие в составе участников эксперта-интегратора присуще также и комплексной судебной экспертизе. В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением Т. А. Седовой о том, что «нет необходимости в участии эксперта-интегратора в комплексной экспертизе – она всегда должна проходить в обстановке совместного обсуждения хода и результатов исследований и совместного формулирования выводов»³²⁵.

Еще одной формой комплексного экспертного исследования, как мы уже отмечали, является комплекс экспертиз по одному и тому же уголовному делу. На наш взгляд, подобный комплекс экспертиз допустимо рассматривать как форму комплексного экспертного исследования лишь

³²³ Аверьянова Т. В. Указ. соч., 1994. С. 120–121.

³²⁴ Седова Т. А. Указ. соч., 1985. С. 45.

³²⁵ Седова Т. А. Указ. соч., 1985. С. 43.

в том случае, когда результаты предыдущих экспертиз, входящих в названный комплекс, используются при формулировании выводов последующих. И при этом, как правильно указывал А. Р. Шляхов, имеет место комплекс экспертиз, «если эксперты решали эти вопросы, действуя в пределах своей компетенции, но без совместных исследования и оценки полученных результатов»³²⁶.

В судебно-следственной и экспертной практике борьбы с «вооруженной» преступностью используются все три рассмотренные нами формы комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения. Думается, что законодательная регламентация комплексной судебной экспертизы усилит тенденцию роста этой формы комплексного экспертного исследования «оружейных» объектов и, прежде всего, сложных в конструктивном и функциональном планах.

В настоящее время при необходимости судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения назначаются и проводятся различные комплексные экспертизы. Они могут классифицироваться по различным основаниям, например, видам используемых знаний и ведомственной принадлежности. По первому основанию различают межклассовые, межродовые и межвидовые комплексные судебные экспертизы. Исходя из ведомственной принадлежности они бывают межведомственными, внутриведомственными и межлабораторными³²⁷.

В практике судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения обычно проводятся такие межклассовые комплексные экспертизы, как медико-кримина-

листическая, инженерно-техническо-криминалистическая, инженерно-технологическо-криминалистическая.

Безусловно, наиболее распространенной из названных экспертиз является медико-криминалистическая, которая может проводиться для установления целого ряда «пограничных» вопросов. В частности, ее рекомендуется назначать в целях определения: положения оружия в момент его функционального действия (выстрела, взрыва, воспламенения, разряда, удара и т. п.) относительно потерпевшего; возможности производства выстрела (нанесения удара и т. п.) потерпевшим в себя; взаимного положения потерпевшего и нападавшего в момент нанесения повреждения на теле и одежде; групповой принадлежности (реже – идентификации) холодного или метательного оружия по следам на теле и одежде потерпевшего; количества экземпляров холодного (метательного) оружия и последовательности нанесения повреждений; огнестрельного характера повреждения на теле и одежде потерпевшего и отношения его к пулевым, дробовым или осколочным; дистанции, а также вида (модели) оружия, которым было нанесено повреждение; направления, последовательности и количества выстрелов; факта причинения повреждения снарядом после прохождения им определенной преграды или рикошета; мощности и типа взрывного устройства по характеру повреждений на потерпевшем; расстояния от взрывного устройства до пострадавшего в момент взрыва; физических и иных свойств (характеристик) электропоражающего устройства по степени воздействия на потерпевшего; типа зажигательного оружия, его мощности и направления действия по характеру ожогов на пострадавшем и др. В последние годы при проведении антитеррористической операции в Чеченской Республике зачастую возникает потребность в исследовании следов оружия, его частей и принадлежностей (затыльника приклада, спускового крючка, ремня) на теле задержанного. По нашему мнению, такие

³²⁶Шляхов А. Р. Указ. соч., 1985. С. 7.

³²⁷См.: Шляхов А. Р. Указ. соч., 1985. С. 12; Грановский Г. Л. О понятиях и основах классификации задач комплексных экспертиз // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 69–73.

исследования должны носить комплексный характер (в том числе и в форме комплексной медико-криминалистической экспертизы) с участием судебного медика и эксперта-криминалиста.

Следует заметить, что ряд перечисленных выше вопросов нередко удается решить в полном объеме в рамках одного класса (рода, вида) судебной экспертизы: судебно-медицинской³²⁸, судебно-баллистической, взрывотехнической и др. Все зависит от характера проявления следов применения того или иного вида оружия на потерпевшем. Зачастую эти следы бывают настолько специфичными, что «извлечь» из них требуемую информацию удастся лишь путем объединения знаний, опыта и усилий экспертов разных специальностей, для чего и приходится проводить комплексную медико-криминалистическую экспертизу.

При судебно-экспертном исследовании минно-взрывного и зажигательного оружия, его составных частей и следов применения также целесообразно проводить межклассовую комплексную экспертизу, в частности, инженерно-техническо-криминалистическую, обычно с участием экспертов взрывников и пожаротехников, реже – экспертов по технике безопасности. Необходимость кооперации их знаний и опыта обуславливается спецификой функционального действия минно-взрывного и зажигательного оружия и характером образуемых при этом следов. Так, применение этих видов оружия, как правило, сопровождается пожарами. В подобных случаях возникает ряд «пограничных» вопросов, решить которые удастся лишь путем назначения комплексной инженерно-техническо-криминалистической экспертизы. Ее целесообразно проводить для установления: факта первичности взрыва или пожара по имеющимся следам термического действия; вида (раз-

³²⁸См.: Судебно-медицинская экспертиза. Справочник для юристов. – М.: Юрид. лит., 1985. С. 35–53; Попов В. Л., Шигеев В. Б., Кузнецов Л. Е. Судебно-медицинская баллистика. – СПб: Гиппократ, 2002. С. 462–533 и др.

новидности) и особенностей функционального действия применявшегося оружия (взрывного устройства) по его термическим следам на окружающей обстановке; наличия среди обнаруженных на месте происшествия объектов (веществ, остатков и т. п.) составных частей или компонентов снаряжения боеприпасов термического (зажигательного) действия либо поджигающих устройств; факта использования в конструкции взрывного устройства принципа термического (зажигательного) действия; причинно-следственной связи между взрывом и имевшим место пожаром и др. «Предмет комплексной судебно-взрывотехнической и пожарно-технической экспертизы, – правильно указывает Ж. А. Успанова, – образуют фактические данные о причинах взрыва и пожара, характере взаимодействия факторов взрыва и пожара, причинной связи наступивших последствий со взрывом и пожаром»³²⁹.

Комплексная межклассовая инженерно-технологическо-криминалистическая экспертиза обычно проводится при расследовании преступлений, связанных со взрывами на промышленных объектах, когда не ясно, что послужило причиной взрыва: нарушение технологического процесса взрывоопасного производства или умышленный подрыв штатного либо самодельного взрывного устройства. Здесь интеграция специальных знаний в форме комплексной экспертизы для изучения причины взрыва, его последствий, причинно-следственной связи взрыва с обусловившим его деянием возможна между взрывотехнической, инженерно-технологической, металловедческой, пожарно-технической экспертизами, экспертизой по технике безопасности³³⁰.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года № 5

³²⁹Успанова Ж. А. Комплексные экспертизы при расследовании преступлений, связанных со взрывами на промышленных объектах. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1994. С. 14.

³³⁰Там же, с. 13.

«О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (п. 12) судам рекомендуется иметь в виду, что «ответственность по статьям 222, 226 УК РФ наступает за незаконный оборот, хищение либо вымогательство не только годного к функциональному использованию, но и неисправного либо учебного оружия, если оно содержало пригодные для использования комплектующие детали или если лицо имело цель привести его в пригодное состояние и совершило какие-либо действия по реализации этого намерения»³³¹. Однако, прежде чем доказывать умысел обвиняемого (подсудимого) в приведении оружия в пригодное состояние, важно знать, а возможно ли в принципе привести данное оружие в состояние пригодности к стрельбе. Поэтому в подобной ситуации органы следствия и суды зачастую вынуждены ставить перед экспертами вопрос «Возможно ли оружие, не пригодное к производству выстрелов, привести в состояние пригодности к стрельбе?». Как показывает практика, этот вопрос находится в «пограничной» сфере, и ответ на него во многих случаях можно дать, лишь кооперируя специальные знания эксперта-криминалиста и специалиста в области оружейного производства. Такую кооперацию специальных знаний рекомендуется осуществлять в рамках комплексной инженерно-технологической криминалистической экспертизы.

Комплексное экспертное исследование оружия и следов его применения может проводиться и в форме межродовой комплексной экспертизы. Здесь интеграция специальных знаний обычно происходит между традиционными криминалистическими экспертизами (трасологической,

³³¹Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». - Российская газета, 19 марта 2002 г.

судебно-баллистической, экспертизой холодного и метательного оружия) и криминалистическими экспертизами материалов, веществ и изделий – КЭМВИ (объектов волокнистой природы, металлов и сплавов, резины и пластмасс и др.). В состав комиссии экспертов, проводящих подобную межродовую комплексную криминалистическую экспертизу, рекомендуется включать эксперта-традиционника, специализирующегося на производстве трасологических экспертиз и экспертиз оружия (обычно огнестрельного, холодного и метательного), и эксперта-материаловеда (как правило, волоконоведа и металловеда). Названными экспертами при производстве межродовой комплексной криминалистической экспертизы, как правильно подчеркивает Н. П. Майлис, могут решаться четыре группы задач: классификационные, идентификационные, диагностические и ситуационные³³². Так, при решении этих задач возможно установить: групповую принадлежность объекта (например, вид или разновидность холодного оружия); единый источник происхождения; тождество конкретного оружия, которым нанесено повреждение, в частности, на одежде; факт его контактного взаимодействия с одеждой; особенности такого взаимодействия и условия процесса слеодообразования; последовательность образования повреждений и др.

На практике такие комплексные экспертизы относятся к числу наиболее распространенных и в основном проводятся в случаях, когда на исследование в качестве вещественных доказательств представляются одежда потерпевшего и орудие (оружие), которым предположительно причинены на ней повреждения. Здесь «трасолог изучает характер отображения свойств орудия в повреждениях на одежде, эксперт-волоконевед – особенности перехода на орудие микрочастиц волокон и характер их концов, а экс-

³³²Майлис Н. П. Указ. соч., 1985. С. 124–126.

перт-металловед – следы металлизации в местах поврежденных одежды»³³³. Если наряду с одеждой исследуются также повреждения на теле человека, то в состав комиссии экспертов дополнительно включается судебный медик, и подобная экспертиза уже становится межклассовой комплексной медико-криминалистической.

В качестве орудий причинения повреждений очень часто используются различные виды оружия (обычно холодное или метательное). В целях повышения эффективности комплексной (межклассовой и межродовой) экспертизы в состав комиссии экспертов целесообразно включать такого эксперта-криминалиста, который имеет опыт проведения не только трасологических экспертиз, но и криминалистических экспертиз того вида оружия, которым предположительно нанесены повреждения. В результате такого подбора специалистов удастся получить максимально возможный объем криминалистически значимой информации о взаимодействовавшем комплексе: оружие – одежда – тело человека, вплоть до установления конкретного экземпляра оружия. Подобному комплексному экспертному исследованию, несомненно, присущи черты комплексной экспертизы. В этой связи Н. П. Майлис правильно пишет: «Эксперт по исследованию волокон независимо от количества обнаруженных волокон и точности их локализации не может самостоятельно решить вопрос о механизме следового контакта. В рассматриваемом случае экспертная задача решается в основном трасологом, который, как правило, является интегратором данных, полученных участниками комплексной экспертизы, и komponует совместные выводы»³³⁴. Действительно, в подобной ситуации роль эксперта-

³³³Клочкова В. Н. Комплексное исследование колото-резаных повреждений на одежде и теле человека. // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 128–129.

³³⁴Майлис Н. П. Указ. соч., 1985. С. 126.

интегратора лучше всего выполнит указанный выше эксперт-криминалист.

Интеграция специальных знаний может происходить также между криминалистической экспертизой оружия и следов его применения (судебно-баллистической, взрывотехнической, экспертизой метательного, зажигательного и другого оружия) и видеофоноскопической экспертизой. В подобной ситуации мы будем иметь дело с межродовой комплексной криминалистической экспертизой. На практике потребность в ней возникает в случаях установления вида (модели и, возможно, конкретного экземпляра) оружия по имеющимся видеокадрам и фонограммам. По нашему мнению, здесь решаются «пограничные» вопросы, ответы на которые должны давать совместно эксперт-криминалист и специалист в области видеофоноскопии.

Так, при определении групповой принадлежности огнестрельного оружия по звуку выстрела иногда целесообразно проводить межродовую комплексную криминалистическую экспертизу с участием эксперта-баллиста и специалиста-фоноскописта. Для успешного решения этой общей экспертной задачи имеются все предпосылки. «В настоящее время, – справедливо отмечают А. В. Стальмахов, А. М. Сумарока и А. Г. Сухарев, – существует объективная возможность определения модели оружия по звуку выстрела, базирующаяся на дифференциации звуковых импульсов с использованием современной электронной техники»³³⁵. Использование названной техники в сочетании с опытом и возможностями эксперта-баллиста в установлении вида оружия по звуку выстрела³³⁶, даст желаемый эффект – объ-

³³⁵Стальмахов А. В., Сумарока А. М., Сухарев А. Г. Возможность определения групповой принадлежности огнестрельного оружия по звуку выстрела. // Криминалистическая экспертиза: трасологические и судебно-баллистические исследования. Межвузов. сб. науч. статей / Под ред. Б. Н. Морозова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. С. 49.

³³⁶См.: Кусташович С. Д. Судебная баллистика. – М.: Госюриздат, 1956. С. 249–251.

ективный вывод о групповой принадлежности применявшегося оружия.

При анализе видеок кадров вооруженного преступника, сделанных в необычном ракурсе, в затрудненных для нормального восприятия условиях и тому подобных, в целях установления вида (модели) оружия рекомендуется назначать межродовую комплексную криминалистическую экспертизу с участием эксперта-криминалиста, специализирующегося на производстве экспертизы оружия и следов его применения, и специалиста в области видеозаписи. На наш взгляд, только при одновременном совместном участии в исследовании названных специалистов достигим объективный вывод.

Судебно-экспертное исследование оружия и следов его применения может проводиться и в форме межвидовой комплексной криминалистической экспертизы с интеграцией специальных знаний между судебно-баллистической, взрывотехнической экспертизами, экспертизой холодного (метательного) оружия и др. Типичным примером подобного рода комплексной экспертизы может служить экспертиза по установлению групповой принадлежности комбинированного оружия, сочетающего в себе различные виды оружия, например, холодного и огнестрельного. Это обстоятельство побудило А. С. Подшибякина и Н. В. Черенкову высказать мнение о выделении «единого, комплексного судебно-экспертного исследования оружия и, соответственно, об оружейведческой экспертизе»³³⁷.

Комплексную межвидовую экспертизу комбинированного оружия целесообразно проводить также для определения его исправности, особенностей функционального действия, идентификации конкретного экземпляра названного оружия по совокупности оставленных им следов. Вообще, для современного этапа наряду с совершенствова-

нием существующих видов оружия характерно создание принципиально новых образцов, основанных на иных поражающих факторах либо сочетающих в себе особенности функционального действия различных типов оружия, что, как правило, ведет к усложнению конструкции и зачастую требует ее комплексного судебно-экспертного исследования. Примером может служить реактивный пехотный огнемет (в частности, РПО «Шмель-А»), в котором соединены функциональные особенности и поражающий эффект огнестрельного, минно-взрывного и собственно зажигательного оружия. Иначе говоря, создание подобного образца потребовало специальных знаний из области судебной баллистики, взрывного дела и пиротехники. Данное обстоятельство и предопределило комплексный характер исследования названного оружия и следов его применения, которое может проводиться в форме как межклассовой комплексной экспертизы с участием экспертов: взрывотехника, пожаротехника (пиротехника) и реже – баллиста, так и межвидовой комплексной экспертизы в составе эксперта-взрывотехника и эксперта-баллиста. Представляется, что прежде, чем произойдет выделение криминалистической экспертизы зажигательного оружия в самостоятельный вид, судебно-экспертное исследование этого вида оружия и следов его применения преимущественно будет носить комплексный характер.

Другой формой комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения, как мы уже отмечали, является комплекс исследований в рамках одной экспертизы. В процессе такого исследования используется совокупность разных методов, применяемых в процессе проведения одного вида экспертизы (например, судебно-баллистической) различными экспертами в отношении одного и того же объекта, зачастую представляющего собой сложносоставную систему, с формулированием общего вывода путем синтетизирования ведущим экспертом (экспергом-интегратором)

³³⁷ Подшибякин А. С., Черенкова Н. В. Указ. соч. С. 175.

суммы частных выводов. Типичным примером этой формы комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения служит комплексное исследование патронов к гладкоствольному охотничьему оружию, в процессе которого конструкцию патрона, способ снаряжения, судебно-баллистические характеристики и так далее изучает эксперт-баллист, а отдельные компоненты снаряжения патрона (дробь, порох, инициирующий состав капсюля, прокладки, пыжи) – эксперты других специальностей: физики, химики, материаловеды. Затем отдельные результаты названного исследования синтезируются (обычно экспертом-баллистом), и формулируется общий вывод (как правило, об источнике происхождения компонентов снаряжения патрона). В этой связи М. Н. Ростов пишет: «Несмотря на разнообразие форм вопросов, которые ставят следователи и судьи перед экспертами при назначении экспертизы боеприпасов к охотничьим ружьям, криминалистическая сущность этих вопросов может быть сведена к двум основным задачам: 1) установить, имеют ли компоненты снаряжения патрона, использованного для производства выстрела на месте происшествия, признаки, указывающие на источник их происхождения; 2) установить, имеют ли компоненты снаряжения патрона, использованного на месте происшествия, и боеприпасы, изъятые у подозреваемого (обвиняемого), признаки, свидетельствующие об общности их происхождения и указывающие на его источник»³³⁸.

Комплекс исследований может проводиться и в отношении других сложносоставных объектов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения: взрывных устройств; стрелкового, метательного и холодного оружия; пораженных преград со следами выстрела или взрыва и т. п.

Очень часто комплекс исследований имеет место при производстве взрывотехнической экспертизы самодельного

взрывного устройства. Практика показывает, что при изготовлении самодельных взрывных устройств используется широкий ассортимент самых различных материалов, веществ и изделий: металлы, пластмассы, стекло, изделия кабельной промышленности, компоненты и элементы радиоаппаратуры, элементы часовых механизмов, химические источники тока, фрагменты ВУ промышленного изготовления, самодельные ВВ и т. п.³³⁹ Это обстоятельство требует от эксперта-взрывотехника комплекса знаний в различных областях науки и техники, что, конечно же, не всегда возможно. Поэтому, чтобы получить информацию об общем источнике происхождения элементов обнаруженного или взорванного самодельного ВУ и изъятых у различных лиц аналогичных элементов ВУ, установить способ их производства, использованное оборудование, квалификацию (навыки) изготовителя, необходимо провести комплекс исследований в рамках взрывотехнической экспертизы с участием ряда экспертов различных специальностей. Общий вывод по результатам частных выводов здесь синтезирует эксперт-взрывотехник, выступающий в качестве ведущего эксперта.

Аналогичный комплекс исследований может проводиться и в отношении холодного, метательного, огнестрельного, газового и другого оружия, представляющего собой сложную составную систему. Обычно он проводится для установления общего источника происхождения представленных на исследование частей оружия либо двух и более экземпляров оружия.

Следует признать положительной практикой широкого использования комплекса исследований, проводимых

³³⁸Ростов М. Н. Указ. соч., 1980. С. 10.

³³⁹См.: Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., и др. Основы криминалистического исследования самодельных взрывных устройств. – М.: ЭКЦ МВД СССР, 1991; Контемиров В. Т., Ручкин В. А., Шапочкин В. И. и др. Указ. соч. С. 34–38; Ручкин В. А., Гераськин М. Ю. Комплексное экспертное исследование самодельных взрывных устройств и их фрагментов, изымаемых с мест криминальных взрывов. // Экспертиза на службе следствия. Тезисы докл. науч.-практ. конф. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. С. 83–85.

в рамках судебно-баллистической экспертизы в отношении следов выстрела на пораженной преграде, оружии и стрелявшем. Такое комплексное исследование с участием баллиста, химика и физика позволяет дать более точный ответ об огнестрельном характере повреждения; расположении входного и выходного повреждений; дистанции выстрела; конструкции пули, нанесшей повреждение; типе пороха, использовавшегося для снаряжения патрона; наличии продуктов выстрела на стрелявшем и топографии их отложения; модели применявшегося оружия и др.

Комплекс исследований целесообразно проводить также в рамках экспертизы холодного (метательного) оружия, судебно-баллистической и взрывотехнической экспертиз с участием опытного трасолога, специализирующегося в области механоскопии, для изучения следов производственных механизмов на оружии с целью установления способа его изготовления; примененных для этого инструментов, оборудования; профессиональных навыков изготовителя. В ряде случаев здесь нельзя обойтись лишь специальными знаниями эксперта-криминалиста, и требуется помощь специалистов, сведущих в технологии производства соответствующего вида (модели) оружия (специалистов-технологов). Такие ситуации зачастую возникают при судебно-баллистическом исследовании огнестрельного оружия заводской сборки³⁴⁰.

Эксперты разных специальностей могут осуществлять комплексное исследование оружия и следов его применения путем их последовательно-параллельного изучения в процессе раздельного проведения комплекса самостоятельных экспертиз в рамках одного уголовного дела. Здесь следует заметить, что проблема эффективного использования этой формы комплексного экспертного исследования

³⁴⁰См.: Латышов И. В. Теоретические и методические основы криминалистического исследования огнестрельного оружия заводской сборки. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1997.

выходит за рамки судебной экспертизы и тесно соприкасается с таким разделом криминалистики, как методика расследования отдельных видов преступлений. Исследуя названную проблему, Т. А. Седова пишет: «В пособиях по методике расследования, как правило, не изложены вопросы организационного и тактического плана по производству комплекса экспертиз: о моменте их назначения, последовательности, объеме, координации и взаимодействии следователя и экспертов и т. д. Особенно остро эти проблемы встают при производстве комплекса судебно-медицинских, биологических, химических экспертиз и КЭМВИ. Еще более усложняются они тем, что современные методики исследования ряда объектов (например, установление контактного взаимодействия, конкретного единичного объекта) разработаны только в рамках КЭМВИ. Все это настоятельно требует незамедлительного рассмотрения данных вопросов на межведомственном уровне»³⁴¹.

Анализ судебно-следственной и экспертной практики показывает, что комплекс судебных экспертиз в рамках одного уголовного дела как одна из форм комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения, как правило, оказывается эффективным при расследовании убийств и причинения вреда здоровью определенной тяжести. Здесь при комплексном экспертном исследовании оружия и следов его применения наиболее оптимальным представляется следующий комплекс судебных экспертиз (в порядке очередности их проведения): судебно-медицинские – криминалистические (оружия и следов его применения на одежде) – КЭМВИ – судебно-биологические.

Исследование объектов экспертизы должно носить последовательно-параллельный характер. Первыми (в зависимости от обстоятельств дела) проводятся судебно-медицинские экспертизы трупа (судебно-медицинское осви-

³⁴¹Седова Т. А. Указ. соч. С. 45.

детельствование живого лица), а также повреждений на нем, причиненных оружием (включая установление наличия в раневом канале разного рода частиц, перешедших с оружия, и их исследование судебным медиком в пределах своей компетенции). По получении результатов судебно-медицинских экспертиз целесообразно назначение и проведение криминалистической экспертизы (экспертиз) оружия, которым предположительно нанесены повреждения на теле потерпевшего, и следов, оставленных на его одежде. При этом параллельно с указанными исследованиями оружия и следов его применения эксперты-материаловеды подвергают изучению следы металлизации (включая смазку) вокруг повреждения и микроволокна, оказавшиеся на оружии (обычно холодном либо метательном). То есть здесь проводится серия криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий.

При наличии на оружии следов крови либо других выделений человека назначается и проводится судебно-биологическая экспертиза. Если к моменту назначения экспертизы обвиняемый известен, то судебно-биологическая экспертиза может включать и генотипоскопическую.

При таком последовательно-параллельном характере исследования «оружейных» объектов зачастую удается установить групповую принадлежность применявшегося оружия, в редких случаях – даже его конкретный экземпляр (обычно холодного или некоторых разновидностей метательного), а также криминалистически значимую информацию о некоторых элементах взаимодействовавшего комплекса: оружие – одежда – тело человека.

Комплекс экспертиз по одному уголовному делу достаточно эффективен также при расследовании преступлений, связанных со взрывами на промышленных объектах (в том числе в результате применения минно-взрывного оружия). В этой связи Ж. А. Успанова справедливо утверждает: «Вместе с тем остается актуальным проведение при рассле-

довании взрывов комплекса самостоятельных экспертиз, проводимых в определенной последовательности, когда результаты одних экспертиз используются для выводов последующей экспертизы. Такое взаимодействие происходит между судебно-взрывотехнической экспертизой и трасологической, химической экспертизами, экспертизой горючесмазочных материалов и нефтепродуктов, экспертизой взрывчатых веществ и взрывных устройств»³⁴².

Рассматривая различные формы комплексного экспертного исследования оружия и следов его применения, нельзя не отметить, что эффективность их использования в уголовном судопроизводстве в значительной мере определяется степенью разрешенности ряда общих проблем, стоящих перед комплексным исследованием в судебной экспертизе в целом.

Прежде всего к ним относится, на наш взгляд, проблема разработки методических основ решения задач комплексной экспертизы, то есть выработка общего алгоритма действий экспертов разных специальностей в процессе кооперации их специальных знаний в форме комплексной экспертизы.

На большой практический и теоретический интерес разработки этой, своего рода общей методики проведения комплексной экспертизы указывал Г. Л. Грановский «Такая методика, – отмечал он, – будет содействовать интеграции научного знания и свидетельствовать о единстве всех знаний, дифференцированных на различные экспертные науки и объединяемых в процессе проведения комплексных исследований»³⁴³.

Как известно, одним из проявлений дифференциации знания в судебной экспертизе является все более узкая специализация экспертной деятельности, которая может

³⁴²Успанова Ж. А. Указ. соч. С. 13.

³⁴³Грановский Г. Л. Указ. соч. С. 72–73.

вести к профессиональной самоизоляции и отгораживанию экспертов разных специальностей друг от друга, узковедомственному подходу при решении общих экспертных задач. В этой связи Т. В. Аверьянова правильно ставит вопрос «о необходимости владения экспертом минимальным объемом знаний из тех смежных областей науки (криминалистики, физики, химии, биологии, медицины и др.), которые не только повысили бы эрудицию эксперта, но и позволили ему на высоком профессиональном уровне решать экспертные задачи, в том числе пограничного характера (например, при производстве комплексных экспертиз)³⁴⁴. В значительной степени этому способствовала бы, по нашему мнению, разработка общей методики решения задач комплексной экспертизы. Она стала бы своего рода фундаментом, методологической основой интеграции специальных знаний из различных областей, кооперируемых для решения «пограничных» задач.

В определенной взаимосвязи с указанной проблемой находится другая – выявление и научный анализ «пограничных» задач судебных экспертиз. «Классификация экспертиз при всей очевидной ее плодотворности, – указывал А. Р. Шляхов, – это путь дифференциации, который имеет вместе с тем и определенные слабые стороны: он не показывает пограничных зон в предметных науках, не обозначает смежных вопросов разного рода экспертиз³⁴⁵.

Выявление и научный анализ «пограничных» задач судебных экспертиз, в свою очередь, будет способствовать решению следующей проблемы комплексного исследования в судебной экспертизе – совместной разработке экспертами разных специальностей (в том числе и различных ведомств) комплексных методик решения наиболее актуальных «пограничных» задач.

³⁴⁴Аверьянова Т. В. Указ. соч., 2001. С. 32.

³⁴⁵Шляхов А. Р. Указ. соч., 1985. С. 17.

Определяя перспективы развития методик комплексного экспертного исследования. М. П. Чавчанидзе справедливо, на наш взгляд, отмечает: «При этом не исключается, что по мере разработки теории и методик некоторых видов комплексных экспертных исследований соответствующие методики будут утрачивать свой комплексный характер, а «разнородные» знания в своей новой, интегративной форме станут содержанием теории новой разновидности (рода, вида) судебной экспертизы»³⁴⁶.

Требует дальнейшего совершенствования и проблема организации проведения комплексных межведомственных экспертиз. В частности, остаются не до конца урегулированными и соответственно не четко прописанными в имеющихся инструкциях следующие ее аспекты:

- 1) порядок направления объектов экспертизы в судебно-экспертные учреждения различных ведомств и критерии отбора ведущего из них;
- 2) подробные правила организации работы комиссии экспертов из разных судебно-экспертных учреждений;
- 3) порядок исчисления общего срока производства комплексной межведомственной экспертизы;
- 4) условия и порядок назначения (либо выбора) ведущего эксперта в комиссии экспертов;
- 5) условия, при которых судебно-экспертные учреждения отказываются от проведения исследований;
- 6) порядок заявления ходатайств со стороны ведущего судебно-экспертного учреждения и его действий в случае отказа в удовлетворении заявленных ходатайств и др.

Вопросы четкой организации проведения комплексных межведомственных экспертиз тесно связаны с проблемой законодательной регламентации комплексной экспер-

³⁴⁶Чавчанидзе М. П. Комплексная экспертиза как одна из форм комиссионной экспертизы // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 46.

тизы в целом. В этой связи Р. С. Белкин писал: «Насущные потребности экспертной практики настоятельно требуют законодательного решения таких вопросов: 1) объем компетенции в смежных областях знания экспертов, участвующих в производстве комплексной экспертизы; 2) порядок формирования выводов участников комплексной экспертизы; 3) порядок производства межведомственных комплексных экспертиз, определение в этом случае ведущего судебно-экспертного учреждения (подразделения); 4) правовой статус ведущего эксперта (эксперта-интегратора) как организатора и руководителя деятельностью комиссии экспертов, определение его функций, прав и обязанностей... 5) возможность проведения комплексной экспертизы одним экспертом, профессионально владеющим знаниями в нескольких областях науки или техники»³⁴⁷.

В настоящее время проблема законодательной регламентации комплексной экспертизы, на наш взгляд, решена половинчато. Законодатель, с одной стороны, предусмотрел в новом УПК РФ проведение этой экспертизы (ст. 201), с другой – детально не прописал условия и порядок ее назначения, организации и производства (что особенно важно для межведомственной комплексной экспертизы), а также возможных субъектов комплексной экспертизы, их статус, функции и порядок формулирования ими общего вывода. Учитывая все возрастающее значение в современных условиях комплексных исследований вообще и комплексных экспертиз в частности, нам представляется оправданной более детальная регламентация в законе указанных выше организационно-правовых аспектов комплексной судебной экспертизы. Реализация на законодательном уровне названных предложений, несомненно, будет способствовать повышению эффективности комплексных экспертных исследований в уголовном судопроизводстве.

³⁴⁷Белкин Р. С. Указ. соч., 1997, Т. 3. С. 116–117.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОРУЖИЯ И СЛЕДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ЭКСПЕРТА-КРИМИНАЛИСТА

§ 1. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения как учебная дисциплина

Ранее, рассматривая криминалистическую экспертизу оружия и следов его применения в системе специальных знаний, используемых в целях раскрытия и расследования преступлений, мы отмечали, что ее теоретические основы (то есть экспертное учение, на котором она базируется) активно используются, конечно, наряду с другими специальными знаниями, различными субъектами уголовного судопроизводства в своей практической деятельности по борьбе с «вооруженной» преступностью. При этом чем выше уровень овладения этими знаниями, тем эффективнее идет процесс раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением оружия. И в качестве первоосновы успешной деятельности, как верно заметил В. Н. Быков, должны быть сформированные у субъектов раскрытия и расследования преступлений знания, позволяющие им принимать своевременные и правильные решения о применении криминалистической техники, а также умения, навыки и опыт, достаточные для ее грамотного использования, собирания, исследования, оценки следов преступления и других доказательств³⁴⁸.

³⁴⁸Быков В. Н. Психологические аспекты применения технико-криминалистических средств при расследовании преступлений. // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев, 1980. С. 26–30.

Формирование у субъектов раскрытия и расследования преступлений указанных знаний, умений и навыков – это одна из важнейших задач их профессионального обучения, в структуре которого криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения может рассматриваться как компонент профессиональной подготовки обучаемого.

В настоящее время трудно переоценить значение профессиональной подготовки специалистов для успешной борьбы с преступностью. В. Ф. Статкус выделяет три основных направления повышения эффективности работы органов внутренних дел России в борьбе с преступностью: повышение профессионализма, улучшение материального и технического обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и укрепление связи с населением³⁴⁹. При этом на первый план им выдвигается проблема профессионализма. В частности, он пишет: «Но сегодня, на мой взгляд, на первое место нужно поставить проблему профессионализма, так как, например, деньги, потраченные на приобретение самых совершенных средств обнаружения и фиксации доказательств, будут потрачены впустую, если эти средства окажутся в руках профессионально не подготовленного человека»³⁵⁰. Действительно, нельзя считать успешной такую борьбу с преступностью, которая ограничивается лишь внедрением технико-криминалистических средств, применением научных достижений и не предполагает участия в ней профессионально грамотных специалистов. В этой связи В. А. Вольнский справедливо отмечает, что «только их знания и умения, их опыт позволяют рассчитывать на успешную реализацию возможностей криминалистической техники даже в условиях самой совершен-

³⁴⁹Статкус В. Ф. Некоторые проблемы подготовки специалистов по раскрытию и расследованию преступлений. // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1. – М., 2000. С. 36.

³⁵⁰Статкус В. Ф. Указ. соч. С. 37.

ной правовой системы и соответствующей организации ее использования в борьбе с преступностью»³⁵¹.

Становление будущего профессионала, призванного активно участвовать в борьбе с преступностью, как известно, начинается с профессионального образования в учебном заведении. И эффективность профессиональной подготовки выпускника данного образовательного заведения в конечном итоге будет определяться правильно выбранным курсом на подготовку соответствующего специалиста, в основе которого должен лежать максимально приближенный к потребностям практики, оптимально сбалансированный и органично сочетающий в себе строго выверенный комплекс изучаемых дисциплин учебный план. В этой связи В. Н. Синюков справедливо пишет: «В образовательных курсах не должно быть ассиметрии, односторонних приоритетов. Для "непрофильных" дисциплин необходима разумная профилизация, способствующая соединению усилий разных кафедр и преподавателей для формирования нового типа специалиста»³⁵².

Среди комплекса учебных дисциплин, изучаемых в вузах МВД России будущими специалистами, одно из важнейших мест занимают дисциплины, содержание которых составляет определенная сумма знаний, составной частью входящих в учение об оружии и следах его применения. Естественно, количество названных дисциплин и объем включаемой в них информации об оружии и следах его применения напрямую зависит от специализации (квалификации) обучаемых. В системе вузов МВД России можно выделить три основные специальности, по которым ведется подготов-

³⁵¹Вольнский В. А. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 294.

³⁵²Синюков В. Н. Методологические проблемы подготовки экспертов-криминалистов. // Криминалистическая экспертиза: трасологические и судебно-баллистические исследования: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Б. Н. Морозова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. С. 4.

ка (в том числе переподготовка и повышение квалификации) специалистов: «Юриспруденция» (следователи); «Правоохранительная деятельность» (большей частью оперативные работники) и «Судебная экспертиза» (эксперты-криминалисты). Все три названные категории специалистов относятся к субъектам раскрытия и расследования преступлений, в том числе связанных с использованием оружия.

Как уже отмечалось, в последние годы в стране сохраняется высокий уровень «вооруженной» преступности. При этом крайне низкой остается раскрываемость этих преступлений, что в значительной степени обусловлено появлением в преступном обороте ранее не известных «оружейных» объектов, а также использованием преступниками новых способов совершения и сокрытия преступлений. В связи с этим резко возрастают требования к качеству профессиональной подготовки (а соответственно и к содержанию и качеству преподавания дисциплин, в рамках которых изучаются вопросы экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения) субъектов раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением оружия. Не останавливаясь на подробном освещении проблемы подготовки следователей и оперативников в области криминалистического исследования оружия и следов его применения (это выходит за рамки нашей работы), заметим лишь, что названная образовательная деятельность исчерпывается обычно пределами курса криминалистики³⁵³.

Несколько иначе обстоит дело с подготовкой (в том числе переподготовкой и повышением квалификации)

³⁵³См. об этом подробнее: Агафонов В. В., Овсянникова М. Н., Плещачевский В. М. Методика преподавания криминалистики в образовательных учреждениях МВД России. – М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 1998; Профессиональная подготовка кадров в учебных заведениях МВД России: проблемы, пути их решения. – М.: ЮИ МВД РФ, 2000; Организация профессионального обучения сотрудников следственного аппарата. Учеб. пособие / Под общ. ред. Н. И. Кулагина. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1995 и др.

экспертов-криминалистов. Их обучение вопросам экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения должно быть более основательным, фундаментальным и, прежде всего, отличаться (относительно обучения следователей и оперативников) по объему и глубине изучения специальных знаний в названной области.

Итак, попытаемся изложить свое видение указанной проблемы, а именно: в каком объеме и в какой последовательности должны даваться будущим экспертам-криминалистам знания об оружии и следах его применения, систематизированные в рамках одноименного экспертного учения, при изучении каких дисциплин и на каких этапах обучения?

Представляется, что первоначальное общее знакомство обучаемых с положениями криминалистического исследования (исключая на этом этапе экспертно-криминалистический аспект исследования) оружия и следов его применения должно происходить в рамках изучения такой дисциплины, как «Криминалистика». Проследим, как решается названная проблема в настоящее время в образовательных учреждениях высшего профессионального образования МВД России по специальности «Судебная экспертиза»³⁵⁴.

Преподавание криминалистики в этих вузах строится сейчас в соответствии с ее примерной программой, утвержденной Главным управлением кадров МВД России 15.09.97 года³⁵⁵. Бюджет времени на изучение дисциплины определяется рабочим учебным планом, утверждаемым Ученым советом образовательного учреждения. Анализ данной примерной программы показывает, что в разделе

³⁵⁴Специальность «Судебная экспертиза» утверждена распоряжением Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 23.07.1999 г. № 893-14.

³⁵⁵См.: Криминалистика. Примерная программа для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России. – М.: МЦ при ГУК и КП МВД России, 1998 (подготовлена авторским коллективом в составе: С. М. Колотушкина, Н. П. Исаченко, А. А. Евстратова, С. Н. Путивка).

«Криминалистическая техника» отсутствует какое-либо упоминание о такой ее традиционной отрасли, как «Криминалистическое исследование оружия и следов его применения». При этом в пояснительной записке отмечается: «Настоящая программа подготовлена с учетом профиля специальной подготовки слушателей, поэтому в ней отсутствуют некоторые темы, традиционно составляющие криминалистическую технику, – криминалистическая фотография, трасология, судебная баллистика и др. Эти темы составляют самостоятельные курсы в системе подготовки экспертов-криминалистов, содержание их отражено в соответствующих программах»³⁵⁶. Такая позиция представляется нам не бесспорной. Думается, что содержание упоминаемых выше самостоятельных курсов, в частности, криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, базирующейся на соответствующем экспертном учении, должны составлять лишь экспертно-криминалистические аспекты исследования, а также некоторые научные данные из раздела криминалистической техники «Криминалистическое исследование оружия и следов его применения». Все иные вопросы криминалистического исследования оружия и следов его применения, выходящие за пределы экспертно-криминалистической работы с названными объектами, наш взгляд, целесообразно изучать в рамках криминалистики. В целях сведения к минимуму возможного дублирования в дисциплине «Криминалистика», например, можно было бы рассматривать такие темы, как понятие, предмет, система и задачи отрасли криминалистической техники «Криминалистическое исследование оружия и следов его применения»; следы, оставляемые различными видами оружия при совершении преступлений и их взаимосвязь с другими следами преступления; технико-криминалистические средства, приемы и способы

³⁵⁶Там же, с. 3.

обнаружения, фиксации, осмотра, предварительного исследования, изъятия этих следов в процессе осмотра места происшествия, обыска, выемки и других следственных (судебных) действий; правила хранения изъятых «оружейных» объектов и особенности подготовки их на экспертизу.

При таком подходе к обучению экспертов-криминалистов в области исследования оружия и следов его применения из учебного процесса, по сути, выпадает ряд важнейших тем и, прежде всего, ориентация будущих специалистов на появление в криминалистике новой интегративной отрасли знания³⁵⁷, изучающей не только огнестрельное, холодное и метательное оружие, но и ряд других, появившихся в последнее время в судебно-следственной и экспертной практике видов оружия и следов их применения в комплексе с ранее названным оружием. Незнание тенденций появления новых конструктивных типов оружия, перспектив развития новой интегративной отрасли криминалистического знания и «зашоренность» на изучение лишь определенных видов оружия, на наш взгляд, – это тупиковый путь в организации обучения экспертов-криминалистов в области исследования оружия и следов его применения. «Трудно понять и объяснить, – справедливо замечает В. А. Образцов, – почему не стал общепризнанным при всей важности факт того, что в криминалистике сформировалась новая область научного знания, определяемая как криминалистическое оружиеведение, что криминалистическая баллистика, на изучение которой ориентирует минвузовский образовательный стандарт, является лишь элементом указанной системы оружиеведения»³⁵⁸.

³⁵⁷Речь идет о разделе криминалистической техники, именуемом В. М. Плескачевским «криминалистическим оружиеведением».

³⁵⁸Образцов В. А. Криминалистическая дидактика: еще раз об изменении научной парадигмы. // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Матер. Всерос. науч.-практич. конф. (28–29 февраля). – Тула: ТулГУ, 2000. С. 56–57.

В этом плане выгодно отличается примерная программа по криминалистике для образовательных учреждений МВД России юридического профиля, утвержденная Главным управлением кадров и кадровой политики МВД России 14.12.1999 года³⁵⁹. В ней обучаемым предлагается для изучения интегративная отрасль криминалистической техники – «Криминалистическое исследование оружия, боеприпасов, взрывных устройств и следов их применения (криминалистическое оружиеведение)», в которой, наряду с тенденциями появления новых конструктивных типов оружия и развития данного раздела криминалистики, дополнительно к огнестрельному, холодному оружию рассматривается и минно-взрывное³⁶⁰. Очевидно, что такой подход к организации обучения должен быть распространен и на подготовку экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях МВД России.

Основная сумма специальных знаний, систематизированных в экспертном учении об оружии и следах его применения, должна даваться, на наш взгляд, в процессе подготовки (в том числе и переподготовки) экспертов-криминалистов при изучении ими дисциплины специальности «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения». В принципе, такой подход соблюдается при организации обучения экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях МВД России. Например, он предусмотрен государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальности 350600 «Судебная экспертиза», утвержденным Министерством образования 14.03.2000 года. Согласно названному образовательному стандарту срок обучения – 5 лет (на

³⁵⁹См.: Криминалистика. Примерная программа для образовательных учреждений МВД России юридического профиля. – М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 2000 (подготовлена авторским коллективом в составе: А. Г. Филиппова, В. М. Плещачевского).

³⁶⁰Там же, с. 11.

базе среднего (полного) образования), квалификация выпускника – эксперт-криминалист. При этом учебным планом наряду с другими дисциплинами предусматривается изучение экспертами-криминалистами двух дисциплин специальности «Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза» и «Криминалистическая экспертиза холодного и метательного оружия». Кроме того, учебными планами вузов МВД России, осуществляющих подготовку экспертов криминалистов в рамках национально-регионального (вузовского) компонента общепрофессиональных дисциплин, по выбору вуза предусматривается также дисциплина «Взрывные устройства и следы их применения».

В отношении объема (в часах) и последовательности изучения учебного материала возражений нет. Замечания с нашей стороны вызывает принцип формирования предлагаемого для изучения материала из области экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения. Прежде всего, исходя из интегративного характера формирующейся судебно-экспертной отрасли знания «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения» не целесообразно, по нашему мнению, различные виды оружия искусственно вычленять из общей системы оружия и «растаскивать» их по отдельным учебным дисциплинам. Очевидно, что предусмотренные в настоящее время действующими учебными планами вузов МВД России дисциплины («Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза», «Криминалистическая экспертиза холодного и метательного оружия», «Взрывные устройства и следы их применения») ориентируют лишь на изучение определенной, но далеко не всей группы оружия, могущего встретиться в экспертной практике. Поэтому здесь должна быть одна интегративная учебная дисциплина специальности с аналогичным названием и содержанием, как и соответствующая ей формиру-

ющаяся интегративная судебно-экспертная отрасль знания. (Аргументы в пользу формирования экспертизы оружия и следов его применения как самостоятельного рода криминалистической экспертизы (соответственно и судебно-экспертной отрасли знания) нами приводились ранее)³⁶¹.

В этой связи Г. М. Надгорный правильно пишет: «Чтобы быть общественным достоянием, использоваться на практике, наука должна обеспечивать, в частности, возможность подготовки кадров соответствующей специализации, т. е. существовать и в виде учебной дисциплины. Необходимость создания **самостоятельной** учебной дисциплины – один из факторов образования судебно-экспертной отрасли знаний (выделено мной. – В. Р.)»³⁶².

Изучение экспертами-криминалистами материала в рамках одной интегративной учебной дисциплины позволит им отчетливее видеть наличие естественных системных связей между различными видами оружия, общие закономерности в развитии оружия в целом и тенденции появления его новых конструктивных типов, общие методические подходы к исследованию разных видов и образцов оружия и др.

Идея изучения различных видов оружия в рамках, например, одной отрасли криминалистической техники не нова и предлагалась рядом ученых-криминалистов (В. С. Аханов, В. М. Плескачевский, А. С. Подшибякин и др.). Так, А. С. Подшибякин по этому поводу писал: «В связи с тем, что криминалистическое учение о холодном оружии представляет обладающую известной самостоятельностью и целостностью структуру, оно является самостоятельной отраслью криминалистической техники. В учебных целях эта отрасль может объединяться в про-

граммах и учебниках по криминалистике с другой, традиционно рассматриваемой отраслью криминалистической техники – судебной баллистикой, в один раздел: "Криминалистическое исследование оружия и следов его применения", как это уже сделано в указанном выше учебнике ВШ МВД и как это делается в отношении криминалистического исследования письма и технико-криминалистического исследования документов. Такое объединение двух отраслей в один раздел целесообразно в связи с тем, что объект исследования у них один – оружие»³⁶³.

Впервые вопрос об изучении экспертами-криминалистами различных видов оружия в рамках одной самостоятельной учебной дисциплины был поставлен в 1996 году³⁶⁴. Последующее развитие теории и практики экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения укрепило нас в правильности высказанного суждения. В настоящее время интегративную учебную дисциплину «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения» для подготовки экспертов-криминалистов мы видим состоящей из двух частей: общей и особенной. Такой подход к делению дисциплин, как отмечает В. Е. Корноухов, «не является чем-то особенным, потому что все правовые науки имеют аналогичную структуру»³⁶⁵. Действительно, в общей части через систему базовых положений экспертного учения об оружии и следах его применения будут отражаться основные закономерности объекта изучения и через призму этого раскрываться понятийный аппарат, рассматриваемый в рамках учебной дисциплины, а в особенной части – освещаться специфика судебно-экс-

³⁶¹См. § 2 гл. 1.

³⁶²Надгорный Г. М. Указ. соч., 1978. С. 20–21.

³⁶³Подшибякин А. С. Указ. соч., 1997. С. 16.

³⁶⁴Ручкин В. А. Указ. соч., 1996. С. 9–12.

³⁶⁵Корноухов В. Е. От системы учебников к системе курса науки криминалистики. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всерос. «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 44.

пертного исследования различных видов оружия и научные данные, на которых базируется подобное исследование. Поскольку данная учебная дисциплина по сути является отражением однойименной формирующейся судебно-экспертной отрасли знания, мы здесь не приводим ее структуру и содержание (см. § 2 гл. 1). Считаем необходимым лишь сделать несколько дополнений и пояснений.

Первое. Дисциплина «Взрывные устройства и следы их применения» в действующих учебных планах вузов МВД России, осуществляющих подготовку экспертов-криминалистов, значится как общепрофессиональная. В соответствии с ранее высказанным нами мнением она должна рассматриваться в качестве самостоятельного раздела – «Криминалистическая экспертиза минно-взрывного оружия и следов его применения (взрывотехническая)» – единой интегративной дисциплины специальности «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения». При этом по завершении обучения по данному разделу дисциплины необходимо предусмотреть выдачу выпускникам свидетельства на право производства взрывотехнической экспертизы. Такое решение в значительной степени снимет остроту проблемы нехватки квалифицированных экспертов-взрывотехников в условиях постоянно увеличивающегося числа криминальных взрывов в нашей стране. «В настоящее время, – верно указывает В. И. Игнашин, – региональные (республиканские, краевые, областные) управления МВД имеют в своем штате 1–2 специалистов взрывотехников, что не обеспечивает их участия в следственных действиях в дежурном режиме в реальном масштабе времени»³⁶⁶. Объективные возможности для подготовки таких специалистов в рамках названного образовательного стандарта, на наш взгляд, имеются. Мы согласны с мнением В. М. Плескачевского о том, что

«эксперты-баллисты, обладающие достаточно высокими познаниями в криминалистике и практическими навыками работы с огнестрельным оружием после краткосрочной стажировки, основой которой должно стать "...изучение правил техники безопасности при работе со взрывоопасными объектами" (в соответствии с тематикой подготовки в ЭКЦ МВД РФ), могут проводить исследования ряда взрывотехнических объектов»³⁶⁷.

Второе. В примерном учебном плане государственного образовательного стандарта по специальности 350600 «Судебная экспертиза» в интегративной учебной дисциплине «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения» целесообразно предусмотреть самостоятельный раздел: «Основы экспертно-криминалистического исследования индивидуального зажигательного оружия и следов его применения». В перспективе, со становлением самостоятельного вида – криминалистической экспертизы зажигательного оружия и следов его применения – можно было бы продумать вопрос о возможности выдачи выпускникам соответствующего свидетельства на право ее производства.

Третье. Анализ практики производства различных видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения (например, судебно-баллистической, взрывотехнической экспертиз, экспертизы холодного и метательного оружия) показывает, что экспертам-криминалистам во многих случаях приходится решать вопросы в тесном контакте с экспертами других специальностей. Однако эффективность подобного рода совместных (комплексных) исследований зачастую невысока. И одна из основных причин этого – незнание экспертами основ смежных наук, специальные знания из которых требуется применять в процессе исследования. Названная причина может быть устранена введением в процесс обучения экспертов-криминалистов

³⁶⁶Игнашин В. И. Указ. соч. С. 4.

³⁶⁷Плескачевский В. М. Указ. соч., 1999. С. 299.

соответствующей дисциплины либо отдельного раздела в курс «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения», которые бы позволили овладеть основами смежных наук.

Практика показывает, что экспертам-криминалистам при производстве экспертиз различных видов оружия и следов их применения чаще всего приходится принимать участие в медико-криминалистических и инженерно-технологическо-криминалистических исследованиях. «Общеизвестны такие области, – отмечал Ю. Г. Корухов, – как исследование механических повреждений одежды, исследование следов выстрела, в которых с равным успехом специализируются как криминалисты, так и судебные медики»³⁶⁸. Поэтому введение, например, в дисциплину «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения» такого раздела, как «Комплексные медико-криминалистические и иные исследования при производстве криминалистической экспертизы оружия и следов его применения», на наш взгляд, способствовало бы в конечном итоге повышению эффективности борьбы с «вооруженной» преступностью.

Четвертое. Учитывая чрезвычайную актуальность методического обоснования интеграционных связей внутри учебной дисциплины «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения», представляется целесообразным увеличить количество часов, отводимых на изучение эволюции оружия, ее тенденций, знания о которых во многом способствуют методическому обоснованию отмеченных связей, выступают как бы исторической основой этого обоснования³⁶⁹. Тем более что в программах названных учебных дисциплин специализации существующего образовательного стандарта

³⁶⁸Корухов Ю. Г. Указ. соч., 1985. С. 34.

³⁶⁹Подробнее об этом см.: Ручкин В. А. Эволюция ручного оружия и ее тенденции как предмет преподавания. // Проблемы преподавания экспертных дисциплин в вузах МВД России. Матер. науч.-метод. конф. / Под ред. В. А. Ярмака. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. С. 55–59.

(50600) основной упор сделан на изучение огнестрельного и холодного оружия, и, соответственно, предполагается рассмотреть лишь их истории развития. Здесь речь не идет о введении самостоятельного курса «Эволюция оружия и ее тенденции». Это может быть, например, самостоятельный раздел в дисциплине «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения».

Определенной спецификой отличается обучение экспертов-криминалистов в системе переподготовки (повышения квалификации) кадров, сложившейся в образовательных учреждениях МВД России. Главная особенность их обучения – крайне сжатый срок, в течение которого обучаемые должны овладеть основами экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения. Отмеченная особенность и налагает отпечаток на весь процесс обучения и его методическое обеспечение.

В настоящее время в образовательных учреждениях МВД России профессиональная переподготовка экспертов-криминалистов в области криминалистического исследования оружия и следов его применения проводится по двум категориям сборов с выдачей после их завершения и сдачи экзамена свидетельств на право производства соответственно судебно-баллистической экспертизы и экспертизы холодного (метательного) оружия. Минимально достаточный срок обучения экспертов-баллистов определен в 33 учебных дня (202 часа) с режимом работы 6–8 часов аудиторных занятий в день, а экспертов в области исследования холодного (метательного) оружия – 11 учебных дней (72 часа) с режимом работы также 6–8 часов аудиторных занятий в день³⁷⁰.

³⁷⁰См.: Примерная программа профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов МВД России по криминалистической экспертизе оружия и следов его применения. – М.: ЦОКП МВД России, 2001; Примерная программа профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов МВД России по криминалистической экспертизе холодного и метательного оружия. – М.: ЦОКП МВД России, 2001 (подготовлена В. М. Плещачевским).

Успешная профессиональная переподготовка названных специалистов в такие сжатые сроки предполагает, с одной стороны, грамотный отбор кандидатов на учебу, с другой, – интенсификацию процесса обучения по максимально приближенным к потребностям практики примерным программам изучаемых дисциплин.

Сложившуюся в настоящее время в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России практику отбора кандидатов для профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов в области исследования оружия и следов его применения в целом следует признать положительной. Так, на сборы экспертов-баллистов, как правило, отбираются сотрудники экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел, имеющие в большинстве своем высшее профессиональное образование по различным специальностям и стаж экспертной работы по другим видам экспертиз (в среднем 3–4 года). Это позволяет им довольно успешно осваивать учебный материал по программе переподготовки, рассчитанной на короткий срок обучения.

С учетом потребностей практики и 25-летнего опыта профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов на факультете повышения квалификации Волгоградской академии МВД России (в том числе и 24-летнего личного опыта обучения автором экспертов-баллистов на названном факультете) нами подготовлена и внедрена в систему профессиональной переподготовки экспертов-баллистов МВД России примерная программа³⁷¹, ориентирующая обучаемых на изучение не только огнестрельного оружия и следов его применения, но и других видов ору-

³⁷¹Примерная программа профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов МВД России по криминалистической экспертизе оружия и следов его применения. – М.: ЦОКП МВД России, 2001 (подготовлена авторским коллективом в составе В. А. Ручкина, В. И. Шапочкина, Н. Ю. Жигалова, А. С. Гобеева, И. А. Чулкина под общей редакцией В. А. Ручкина).

жия (пневматического, ствольного газового, минно-взрывного³⁷²). Ориентация обучаемых на комплексное судебно-экспертное исследование оружия вызвана, прежде всего, потребностями судебно-следственной и экспертной практики, а также рядом других обстоятельств, ранее изложенных нами применительно к подготовке экспертов-криминалистов по государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по специальности 350600 «Судебная экспертиза».

В перспективе мы считаем целесообразным рассмотреть вопрос о возможности профессиональной переподготовки в образовательных учреждениях МВД России экспертов-баллистов и экспертов по исследованию холодного (метательного) оружия в рамках одной интегративной дисциплины: «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения» с одновременной выдачей обучаемым по окончании срока переподготовки и сдачи экзамена соответственно двух свидетельств на производство экспертиз. Такое решение, на наш взгляд, позволит не только повысить эффективность профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов названной специализации, но и значительно сократить материальные расходы, связанные с их откомандированием к месту учебы.

§ 2. Формы подготовки специалистов в области криминалистической экспертизы оружия, следов его применения и пути их совершенствования

К настоящему времени в МВД России сложилось несколько форм подготовки специалистов (экспертов-криминалистов) в области криминалистической экспертизы

³⁷²Изучение минно-взрывного оружия ввиду краткосрочности обучения на сборах ограничивается лишь знакомством обучаемых с общими сведениями о его устройстве, принципах действия и мерах безопасности при обращении с ним.

оружия и следов его применения. В принципе, можно выделить четыре основные формы:

1) подготовка экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях высшего профессионального образования МВД России по специальности 350600 «Судебная экспертиза»;

2) профессиональная переподготовка экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях МВД России (обычно на факультетах повышения квалификации);

3) стажировка по специальной программе сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел на сборах, проводимых в экспертно-криминалистическом центре (ЭКЦ) МВД России (в основном экспертов-взрывотехников);

4) обучение сотрудников экспертно-криминалистических подразделений на местах с последующей сдачей ими экзамена экспертно-квалификационной комиссии и получением свидетельства на право производства соответствующего вида экспертизы (как правило, криминалистической экспертизы холодного (метательного) оружия).

Подготовка экспертов-криминалистов в системе органов внутренних дел нашей страны берет свое начало с первых полугодовых экспертных курсов при научно-техническом подотделе Центроросыска НКВД РСФСР, открывшихся в январе 1928 года в Москве³⁷³. Три состоявшихся выпуска этих курсов (1928–1930 гг.) подготовили для органов внутренних дел основной костяк экспертных кадров и послужили мощным толчком к дальнейшему развитию экспертно-криминалистической службы³⁷⁴.

В дальнейшем (с 1931 г.) эксперты-криминалисты получали образование на научно-техническом отделении Центральной школы милиции НКВД СССР, которая после

войны (1945 г.) была переименована в Высшую офицерскую школу МВД СССР, а еще позже – в Высшую школу МВД России. Например, несмотря на трудности военного времени, школа выпустила в период с 1940 по 1944 год 110 экспертов-криминалистов³⁷⁵.

В этот период резко возросло количество преступлений, совершаемых с применением огнестрельного оружия. Так, только в 1942 году было изъято 70969 стволов³⁷⁶. В связи с этим существенно увеличилась потребность в подготовке значительного числа квалифицированных экспертов-баллистов. Вообще, в предвоенный и военный периоды значительная часть экспертов-криминалистов (в том числе специализирующихся в области экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения) готовилась на местах в форме стажировки под руководством опытных сотрудников. Лишь малая часть экспертов имела специальное высшее профессиональное образование.

В 1945 году в составе научно-технического отдела Главного управления милиции НКВД СССР был создан Научно-исследовательский институт криминалистики (НИИК), одной из основных задач которого была подготовка и переподготовка научно-технических кадров³⁷⁷. Подготовка и переподготовка специалистов в области экспертно-криминалистического исследования оружия и следов его применения осуществлялась на базе имевшейся в составе НИИК лаборатории баллистических экспертиз.

Таким образом, в послевоенный период «централизованная» подготовка (в том числе переподготовка) экспертов-криминалистов, специализирующихся на исследовании оружия и следов его применения, велась у нас в стра-

³⁷³Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. – М.: ЮИ МВД РФ, 1994. С. 84.

³⁷⁴Там же, с. 86.

³⁷⁵Там же, с. 138.

³⁷⁶Там же, с. 138.

³⁷⁷См.: Приказ НКВД СССР от 19.12.1945 г. «Об организации научно-технического отдела Главного управления милиции НКВД СССР».

не в Высшей офицерской школе МВД СССР (позднее – Высшей школе милиции) и НИИК НТО Главного управления милиции НКВД СССР. В частности, подготовка экспертов-криминалистов в Высшей школе милиции велась до 1953 года. Продолжительность обучения слушателей со средним образованием составляла 2 года. Выпускники получали средне-специальное образование и квалификацию «эксперт-криминалист» с правом производства всех традиционных видов криминалистических экспертиз (дактилоскопической, трасологической, судебно-баллистической, почерковедческой, портретной, технико-криминалистической экспертизы документов и экспертизы холодного оружия).

В 1949 году в Московской специальной средней школе милиции открывается экспертное отделение по подготовке экспертов-криминалистов с правом производства всех (названных) традиционных видов криминалистических экспертиз. Подготовка экспертных кадров осуществлялась в ней до 1973 года. Названная школа готовила экспертов-криминалистов со среднеспециальным юридическим образованием.

Подготовка экспертов-криминалистов с высшим юридическим образованием началась с 1961 года в Высшей школе МВД РСФСР. В 1973 году открывается факультет подготовки экспертов-криминалистов с высшим юридическим образованием в Высшей следственной школе МВД России (сейчас Волгоградская академия МВД России). Одновременно с его открытием ликвидируются отделения по подготовке экспертов-криминалистов в Высшей школе МВД СССР и Московской специальной средней школе милиции. Выпускники открывшегося в Волгограде факультета по окончании четырехлетнего срока обучения получали квалификацию «юрист, эксперт-криминалист» и обладали правом производства уже называвшихся ранее семи видов традиционных криминалистических экспертиз. Ежегодно,

начиная с 1977 года, названным факультетом выпускалось в среднем около 110 экспертов-криминалистов.

Кроме того, в Высшей следственной школе МВД СССР одновременно с факультетом подготовки экспертов-криминалистов был открыт и факультет повышения квалификации, на котором с 1977 года также происходило обучение (в форме профессиональной переподготовки) экспертов-криминалистов по различным видам традиционных криминалистических экспертиз. В частности, за период с 1977 по 2002 год переподготовку прошел 8651 эксперт-криминалист, из них получили допуски на право производства судебно-баллистической экспертизы 2087 экспертов, криминалистической экспертизы холодного оружия – 2344 эксперта. Однако это было значительно меньше той потребности в подобной категории специалистов, которую испытывали экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел. Для исправления создавшейся ситуации руководством МВД страны предпринимается ряд мер. Во-первых, увеличивается количество образовательных учреждений, а также отделений по подготовке экспертов-криминалистов. Во-вторых, принимается решение (приказ МВД России № 261 от 01.06.1993 года) о создании на местах экспертно-квалификационных комиссий, которым предоставляется право принимать экзамены у сотрудников экспертно-криминалистических подразделений после прохождения ими обучения по специальной программе и выдавать прошедшим эту аттестацию свидетельства о праве производства соответствующих видов экспертиз (в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения – это свидетельства о праве производства неидентификационной судебно-баллистической экспертизы и экспертизы холодного оружия).

Так, в 1988 году вновь открывается отделение по подготовке экспертов-криминалистов в Московской специальной средней школе милиции. Спустя еще че-

тыре года (1992 г.) в Саратове на базе специальной средней школы милиции создается Высшая школа (ныне Саратовский юридический институт) МВД России по подготовке экспертов-криминалистов с высшим профессиональным образованием. Там же создаются курсы повышения квалификации, где осуществляется профессиональная переподготовка экспертов-криминалистов по некоторым видам традиционных криминалистических экспертиз, в частности, по исследованию холодного (метательного) оружия.

Потребность в экспертных кадрах продолжала возрастать и в 1999 году в Московской академии МВД России (сейчас Московский университет МВД России) открылся факультет по подготовке экспертов-криминалистов с высшим профессиональным образованием. На этом же факультете параллельно с подготовкой специалистов с высшим профессиональным образованием проводится профессиональная переподготовка экспертов-криминалистов по традиционным видам криминалистических экспертиз, в частности, судебно-баллистической экспертизе и экспертизе холодного (метательного) оружия.

Одновременно с открытием факультета подготовки экспертов-криминалистов в Московской академии МВД России принимается решение о ликвидации экспертного отделения в Московской специальной средней школе милиции. (Решение о прекращении подготовки экспертов-криминалистов со средним специальным образованием и переходе на обучающие программы высшего профессионального образования было принято в МВД РФ в 1998 году).

Таким образом, к настоящему времени основной «кузницей» экспертных кадров (в том числе и в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения) стали три вуза МВД России: Волгоградская академия, Московский университет и Саратовский юридический институт МВД России.

В последние годы в связи с резким увеличением числа криминальных взрывов в стране и острой нехваткой экспертов-взрывотехников задача по их подготовке в основном легла на Экспертно-криминалистический центр МВД России. Там было организовано проведение в течение года нескольких сборов экспертов-взрывотехников, которые после окончания обучения и последующей работы в данной должности могут сдавать экзамен экспертно-квалификационной комиссии ЭКЦ МВД России на получение свидетельства о праве производства взрывотехнической экспертизы³⁷⁸.

В условиях существенного роста преступлений, связанных с использованием различных видов оружия, возникает вопрос о повышении качества обучения экспертов-криминалистов вообще и экспертов в области экспертизы оружия и следов его применения в частности, а также о совершенствовании существующих форм их подготовки. В этой связи А. Ф. Волынский совершенно справедливо пишет: «В настоящее время предпринимаются попытки реформировать всю систему подготовки кадров для органов внутренних дел, но, по нашему мнению, они слишком робки, непоследовательны и не лишены элементов формализма. Может оказаться, что дальше введения новой технологии (бакалавр, магистр и т. п.) эта реформа не пойдет. Принципиальное решение проблемы требует четкой ориентации на профессиональную милицейскую систему подготовки кадров, на создание таких учебных заведений в системе МВД, где бы учили бороться с преступностью, раскрывать и расследовать преступления, а не готовили юристов широкого профиля. В правильности такого подхода убеждает нас не только зарубежный опыт, но и беспло-

³⁷⁸См.: Мартынов В. В., Кузнецов В. В. Специальная подготовка экспертов-взрывников органов внутренних дел. // Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью. Сборник. Под ред. А. М. Зинина. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 1994. С. 70–71.

мощность органов внутренних дел в борьбе с преступностью в современных условиях»³⁷⁹.

Одним из условий повышения качества обучения является правильное определение модели будущего специалиста (системы критериев, которой должен соответствовать выпускник образовательного учреждения). При постоянном возрастании роли человеческого фактора в современной жизни проблема формирования специалиста, в частности, эксперта-криминалиста, выглядит особенно актуальной и значимой для организации эффективной борьбы с преступностью, в том числе и «вооруженной». «Из тех проблем, – правильно отмечает И. Л. Николаева, – которые сейчас ждут своего безотлагательного решения, особого внимания заслуживает проблема совершенствования деятельности экспертно-криминалистических подразделений, обеспечения контроля и самоконтроля профессиональной деятельности экспертов-криминалистов, формирования профессиональной направленности и профессиональной пригодности в условиях обучения и воспитания в специальных учебных заведениях МВД СССР и разработки основ профессионального отбора для занятия экспертной деятельностью»³⁸⁰.

Создание эффективной модели эксперта-криминалиста, лежащей в основе подготовки высокопрофессионального специалиста, невозможно без знания профессионально значимых качеств судебного эксперта, психологических и организационно-методических аспектов его отбора, обучения, воспитания и последующей профессиональной стабилизации. Не зря с конца 1970-х и начала 1980-х годов

³⁷⁹Волынский А. Ф. Криминалистика: наука – техника – право – специалист. // Проблемы криминалистики и методики ее преподавания: Тезисы выступлений участников совещания-семинара преподавателей криминалистики (г. Пермь, 14–15 июня 1994 г.). – М.: МВД РФ, 1994. С. 13.

³⁸⁰Николаева И. Л. Формирование модели эксперта-криминалиста (теоретические и методические аспекты). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1990. С. 5.

этим проблемам в криминалистике и судебной экспертизе начинает уделяться значительное внимание (В. Г. Грузкова, Я. М. Яковлев, Х. Г. Мелконян, Н. И. Клименко, В. К. Стринжа, И. Л. Николаева и др.)³⁸¹.

Безусловно, в основе построения модели эксперта-криминалиста должны лежать результаты анализа судебно-экспертной деятельности и разработанные с их учетом требования, предъявляемые к эксперту. «Анализ практической деятельности эксперта, – справедливо указывает в этой связи И. Л. Николаева, – дает возможность шире рассматривать проблему подготовки, использования молодых экспертов и повышения их профессионального мастерства, позволяет построить модель как эталон, опираясь на который, педагогический коллектив учебного заведения МВД сможет организовать и спланировать свое развитие, а руководители криминалистических подразделений и эксперты смогут решать вопросы контроля и самоконтроля их деятельности»³⁸².

Представляется, что исходя из сложившейся в стране социально-экономической обстановки и наблюдаемой сейчас динамики преступности существующие в настоящее время наработки в плане построения эффективной модели эксперта-криминалиста нуждаются в серьезной корректи-

³⁸¹См.: Яковлев Я. М. Профессиональные качества судебного эксперта. // Актуальные теоретические и общеметодические проблемы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1975. С. 18–34; Грузкова В. Г. Психологические и организационно-методические аспекты профессионального отбора и подготовки судебных экспертов в системе Министерства юстиции СССР. // Криминалистика и судебная экспертиза. Межведомст. науч.-метод. сб. Вып. 25. – Киев, 1982. С. 43–47; Мелконян Х. Г. О проблеме судебного эксперта и некоторых проблемах подготовки экспертных кадров. // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1984. С. 73–93; Клименко Н. И., Стринжа В. К. К вопросу о подготовке экспертов. // Криминалистика и судебная экспертиза. Межведом. науч.-метод. сб. Вып. 39. – Киев, 1989. С. 24–28; Николаева И. Л. Указ. соч.; Авдонин А. Формы повышения квалификации судебных экспертов. // Сов. юстиция, № 13. – М., 1975. С. 14–15 и др.

³⁸²Николаева И. Л. Указ. соч. С. 14.

ровке. Подтверждением тому служат падение престижа экспертной службы, высокая текучесть экспертных кадров и сравнительно невысокая эффективность деятельности экспертно-криминалистических подразделений МВД России в процессе раскрытия и расследования преступлений, особенно, связанных с использованием оружия. «Профессиональная подготовка в настоящее время, – небезосновательно замечает по этому поводу Т. Н. Шамонова, – не отвечает ни состоянию преступности, ни развитию науки и техники, а также и решению вопросов конкретного уголовного дела, в расследовании которого принимают участие, как правило, сотрудники нескольких служб ОВД одновременно»³⁸³.

В повышении уровня профессиональной подготовки экспертов-криминалистов самое серьезное внимание, на наш взгляд, должно отводиться совершенствованию уже сложившихся форм их подготовки в системе МВД России. И делать это необходимо с учетом не только отечественного, но и зарубежного опыта подготовки названных специалистов.

Одна из серьезных попыток усовершенствовать подготовку экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях высшего профессионального образования МВД России была предпринята в середине 1990-х годов. В частности, судебная экспертиза признавалась в качестве специальности. Госкомвузом России 21.03.1996 года, утверждаются Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности 022400 «Судебная экспертиза». Для определения перспектив и реформирования экспертных кадров в образовательных учреждениях

³⁸³Шамонова Т. Н. Совершенствование профессиональной подготовки следователей и экспертов-криминалистов в органах внутренних дел. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений: Общая теория криминалистики и перспективы развития криминалистической техники, тактики и методики. Матер. науч.-практ. конф. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С.93.

в масштабе страны при Саратовском юридическом институте МВД России приказом Минобразования РФ № 2344 от 24.11.1997 года, создается учебно-методическое образование (УМО) по специальности «Судебная экспертиза». При координирующей роли названного объединения принимается ряд решений, направленных на дальнейшее реформирование подготовки экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях, а также ее методическое обеспечение. Так, распоряжением Министерства общего и профессионального образования РФ № 893–14 от 23.07.1999 года, утверждается специальность 350600 «Судебная экспертиза». По названной специальности разрабатывается и принимается Государственный образовательный стандарт (утвержден Минобразования 14.03.2000 г.). В соответствии с этим стандартом срок обучения с 4-х лет увеличивается до 5 лет. Предусматривается очная форма обучения, квалификация специалиста – эксперт-криминалист. Выпускники по завершении обучения получают высшее профессиональное (экспертное) и среднее юридическое образование. Однако при этом выпускники по-прежнему получают право производства семи (ранее называвшихся) видов традиционных криминалистических экспертиз.

Лейтмотивом подобного реформирования высшего профессионального (экспертного) образования явилось мнение ряда ученых-криминалистов о том, что базовыми учебными дисциплинами при подготовке экспертов-криминалистов должны быть не юридические, а естественнонаучные отрасли знания³⁸⁴. Наиболее концентрированно

³⁸⁴См.: Волынский А. Ф. Указ. соч. 1994. С. 13–14; Россинская Е. Р. Общеэкспертные методы исследования вещественных доказательств и проблемы совершенствования их использования и преподавания. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений: Современное состояние и перспективы развития судебной экспертизы. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 11; Хрусталев В. Н. О совершенствовании системы отбора абитуриентов в СВШ МВД РФ // Там же, с. 133–135 и др.

это мнение изложено В. Н. Хрустальевым: «В основе методик всех видов криминалистических экспертиз, а также работы специалиста-криминалиста со следами на местах происшествий, лежит естественно-научный эксперимент. Следовательно, эксперт-криминалист обязательно должен обладать глубокими знаниями в области необходимого цикла естественных наук, аналитическим складом ума и склонностью к экспериментальной деятельности. Такая система уже многие десятки лет успешно действует во всех без исключения развитых западных странах, где при подготовке экспертов-криминалистов (независимо от ее формы) естественные науки (химия, физика, математика, биология) являются базовыми и занимают основное место в обучении, причем глубокая естественно-научная подготовка предшествует получению правовых знаний. Сложившаяся у нас академическая система подготовки экспертов-криминалистов предполагает обратный порядок»³⁸⁵.

Основным доводом противников подобного подхода к реформированию обучения экспертов-криминалистов было мнение о том, что «юридическая подготовка необходима эксперту-криминалисту как одному из активных участников процесса раскрытия, расследования преступлений и судопроизводства»³⁸⁶.

После длительных дискуссий на УМО по специальности «Судебная экспертиза» было принято во многом компромиссное решение, итогом которого явился Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 350600 «Судебная экспертиза». Согласно стандарту существенно увеличивал-

ся блок естественно-научных дисциплин в примерном учебном плане подготовки экспертов-криминалистов и сохранялось также юридическое образование (среднее). Однако при этом, на наш взгляд, из внимания было упущено, как минимум, два существенных момента.

1. При увеличении сроков обучения не предусматривалось увеличения количества допусков выпускникам на право производства экспертиз. По нашему мнению, дополнительно к семи называвшимся допускам на право производства традиционных криминалистических экспертиз целесообразно было бы предусмотреть выдачу допусков на некоторые другие виды криминалистических экспертиз, например, взрывотехническую, криминалистическую экспертизу материалов, веществ и изделий в отношении определенной категории объектов. Тем более что освоение именно этих видов экспертиз требует больше всего естественно-научных знаний, на существенное увеличение которых и пошли при разработке нового образовательного стандарта. При этом, учитывая, что специальные знания эксперта-криминалиста – категория подвижная, в образовательный стандарт желательно было заложить определенный резерв времени, за счет которого можно было бы оперативно «реагировать» на происходящие изменения в теории и практике судебно-экспертной деятельности, например, появление новых видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения.

2. В образовательном стандарте высшего профессионального (экспертного) образования практически не предусмотрена дача обучаемым знаний по основам управления вообще и в органах внутренних дел в частности. Между тем, практика показывает, что специалиста именно с высшим профессиональным (экспертным) образованием следует рассматривать как потенциального руководителя экспертно-криминалистического подразделения. И основы будущего руководителя необходимо закладывать еще на стадии

³⁸⁵Хрусталева В. Н. Указ. соч. С. 133–134.

³⁸⁶Григорьев Ф. А. Методологические проблемы подготовки юристов, экспертов-криминалистов. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений: Общая теория криминалистики и перспективы развития криминалистической техники, тактики и методики. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 5.

его обучения. В этой связи Н. И. Кулагин совершенно справедливо пишет: «Большинство руководителей (если не все) обычно имеют высшее юридическое образование. Одни из них окончили вневедомственные юридические вузы, другие – вузы МВД России. Понятно, что последние получили знания, приближенные к специфике деятельности органов внутренних дел... Но, независимо от того, кто и какой вуз окончил, все начинающие руководители нуждаются в знаниях по руководству людьми и организации работы подразделения. Весьма важны для них знания по специальной психологии, стилю работы руководителя, научной организации своего труда»³⁸⁷.

В настоящее время в МВД России профессиональная переподготовка экспертов-криминалистов в рамках получения дополнительного профессионального образования осуществляется в основном на факультетах повышения квалификации трех вузов – Волгоградской академии, Московского университета и Саратовского юридического института МВД России. Их профессиональная переподготовка проходит, как правило, на базе ранее полученного ими высшего профессионального образования (преимущественно по естественно-техническим специальностям) и определенного стажа работы в качестве сотрудника ЭКП МВД России. Анализ зарубежного опыта обучения судебных экспертов показывает, что такая форма их подготовки в большинстве стран является преимущественной (конечно, с определенными специфическими особенностями, отличающими ее от сложившейся у нас формы профессиональной переподготовки)³⁸⁸.

³⁸⁷Кулагин Н. И. Становление руководителя подразделения. Лекция. – Волгоград: ВСИШ МВД России, 1995. С. 12.

³⁸⁸См., например, Baxter P. G. The training of Questioned Document Examiners. «Medicine Science and the Law», 1970, V. 10, № 2; Editorial. The Diploma in Medical Jurisprudence, – The Medico-Legal Journal», 1961, V. 29; Клименко Н. И., Стринжа В. К. Указ. соч. С. 27 и др.

Вероятно, зарубежный опыт подготовки судебных экспертов во многом послужил поводом для высказывания Х. Г. Мелконяном следующего мнения: «Автор настоящей статьи не разделяет точку зрения тех ученых и практиков, которые вносили предложения о подготовке судебно-экспертных кадров на базе средней школы, создании соответствующих высших и средних специальных учебных заведений... Отбор и последующую подготовку высококвалифицированных профессиональных судебно-экспертных кадров, на наш взгляд, необходимо проводить по получении высшего образования и приобретении солидного запаса специальных знаний в области науки и техники. Для этого нужна совершенно новая система подготовки и совершенствования судебно-экспертных кадров»³⁸⁹. Очевидно, что такая позиция автора излишне категорична, и «истина лежит посередине». Здесь мы придерживаемся подхода, выраженного словами В. А. Волынского о том, что «эта система должна и может быть реформирована без ее коренной ломки, т. е. с сохранением накопленного за десятилетия научно-педагогического потенциала и богатейшего опыта работы профессорско-преподавательского состава, с использованием наиболее прогрессивной организации учебного процесса, передовых форм и методов обучения, практикуемых не только в других странах, но и в учебных заведениях иных правоохранительных министерств и ведомств нашей страны»³⁹⁰. Тенденция увеличения числа экспертов-криминалистов, обучающихся в форме профессиональной переподготовки, характерна и для отечественной практики. В частности, по данным ЭКЦ МВД России, в 2000 году такую переподготовку прошли 694 эксперта (на 103 эксперта больше, чем в 1999 году).

На наш взгляд, решение обозначенной проблемы должно заключаться не в замене одних форм подготовки

³⁸⁹Мелконян Х. Г. Указ. соч. С. 90.

³⁹⁰Волынский В. А. Указ. соч. С. 306.

экспертов-криминалистов другими, порой принципиально новыми, а в разумном сочетании уже сложившихся форм подготовки названных специалистов в органах внутренних дел. И в этом плане у нас имеется ряд принципиальных предложений.

Первое. Основной упор в подготовке экспертов-криминалистов (в том числе и в области экспертизы оружия и следов его применения) для органов внутренних дел необходимо сделать на такую форму их обучения, как профессиональная переподготовка на факультетах повышения квалификации образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Судебная экспертиза». В пользу такого решения свидетельствуют:

- а) зарубежный опыт подготовки судебных экспертов;
- б) современные тенденции увеличения числа сотрудников экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел за счет экспертов-криминалистов, прошедших профессиональную переподготовку;
- в) достаточно высокая профессиональная подготовка и последующая профессиональная стабилизация экспертов при названной форме обучения;
- г) экономичность этой системы подготовки кадров для ЭКП МВД России.

Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Так, обучение эксперта-криминалиста в форме его профессиональной переподготовки в современных условиях острого бюджетного дефицита для МВД России обходится в сотни раз дешевле, нежели подготовка аналогичного специалиста в образовательном учреждении высшего профессионального образования по специальности «Судебная экспертиза» по пятилетней программе обучения. Более того, при такой неоправданно расточительной для нынешней ситуации системе подготовки с высшим профессиональным образованием, она еще оказывается и крайне неэффективной. Напри-

мер, уже с момента окончания вуза около одной трети выпускников изначально идет работать в различные службы органов внутренних дел и других правоохранительных органов, не связанные с экспертной деятельностью. Заметим, это при том, что подготовка экспертов-криминалистов с высшим профессиональным образованием обходится государству значительно дороже, чем подготовка специалистов с высшим образованием по специальности «Юриспруденция» и «Правоохранительная деятельность». Через 3–4 года работы в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России в их штате остается около 60 % выпускников образовательного учреждения высшего профессионального образования по специальности «Судебная экспертиза». В итоге – в условиях острого недофинансирования колоссальные средства Министерством внутренних дел тратятся крайне неэффективно. В то же время при несопоставимо низких затратах для МВД России профессиональная переподготовка грамотно отобранных сотрудников экспертно-криминалистических подразделений с высшим образованием по качеству обучения, как показывает наш опыт, не только не уступает подготовке названных выше выпускников вузов МВД России, но и в ряде случаев превосходит ее. При этом текучесть кадров среди экспертов-криминалистов, прошедших профессиональную переподготовку, значительно ниже, чем среди экспертов-выпускников вузов МВД России. О высокой текучести экспертных кадров свидетельствует и факт того, что в настоящее время 58,5 % экспертов имеют стаж работы менее одного года³⁹¹.

Второе. Требуется предпринять ряд мер, направленных на повышение эффективности профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов. Прежде всего, необходимо при активном участии ЭКП МВД России опре-

³⁹¹ Орлов Ф. П. К вопросу о подготовке экспертов. // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий. Матер. межведом. науч.-практ. конф. В 3-х ч. Часть 1. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002. С. 53.

делить перечень специальностей, которые следует рассматривать в качестве базовых при обучении экспертов в форме их профессиональной переподготовки по каждому роду (виду) экспертизы. Наш опыт подготовки экспертов в области исследования огнестрельного, пневматического, газового, холодного и метательного оружия показывает, что базовыми специальностями для профессиональной переподготовки экспертов в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения (как рода) лучше всего рассматривать естественно-технические. Следует согласиться с мнением И. Е. Мишакова о том, что зачастую при проведении экспертных исследований используются методы, предполагающие знания из естественно-научных и технических дисциплин, например, при производстве исследований в целях решения вопроса об отношении предмета к холодному или метательному оружию нередко необходимы знания из области технологии производства, материаловедения, сопротивления материалов и т. д.³⁹² Безусловно, на основе этих базовых специальностей процесс овладения знаниями по тому или иному виду экспертизы будет значительно эффективней, несмотря на сжатые сроки, отводимые на профессиональную переподготовку экспертов-криминалистов.

В целях повышения эффективности профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов наряду с определением перечня базовых специальностей целесообразно установить также для командированного на обучение минимальный стаж его работы в качестве сотрудника ЭКП МВД России вообще и в качестве эксперта-стажера по изучаемому виду экспертизы в частности. На наш взгляд, для профессиональной переподготовки в области экспертизы холодно-

го (метательного) оружия и судебно-баллистической экспертизы должны отбираться сотрудники ЭКП МВД России, имеющие общий стаж работы в должности эксперта не менее одного года, из них в качестве эксперта-стажера по изучаемому виду экспертизы соответственно от полугода до года. При отборе кандидатов на профессиональную переподготовку экспертов-взрывотехников названные сроки целесообразно увеличить, как минимум, в два раза.

В качестве действенной меры, направленной на повышение эффективности профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов, следует рассматривать и увеличение сроков их обучения. Так, в действующие сейчас примерные программы профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов МВД России по криминалистической экспертизе оружия и следов его применения заложен лишь минимально необходимый временной объем изучения дисциплин. Однако данными примерными программами предусматривается также его увеличение решением ученого совета образовательного учреждения по согласованию с заказчиком – ЭКЦ МВД России. Очевидно, с учетом специфики организации профессиональной переподготовки экспертов в области различных видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения, а также действующих ныне нормативных документов МВД России³⁹³ эта цифра потребует определенной корректировки. В этом плане заслуживает внимания мнение И. Е. Мишакова о том, «что пока нет стандарта переподготовки экспертов-криминалистов, логично было бы готовить программы и учебно-тематические планы приближенно к Государственному стандарту специальности 350600 – Судебная экспертиза»³⁹⁴.

³⁹²Мишаков И. Е. Некоторые аспекты подготовки экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях МВД России. // Судебная экспертиза: теоретические, практические, дидактические вопросы. Сб. науч. тр. Московской академии МВД России. – М.: МА МВД России, 2002. С. 190.

³⁹³См.: «Инструкция по организации учебного процесса в системе повышения квалификации и переподготовки сотрудников органов внутренних дел» (утверждена приказом МВД России № 389 от 24.08.1994 г.).

³⁹⁴Мишаков И. Е. Указ. соч. С. 193–194.

Перечисленные выше меры по повышению эффективности профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов, на наш взгляд, могли бы найти свое отражение при разработке Государственного стандарта дополнительного профессионального образования (повышение квалификации и переподготовка судебных экспертов), потребность в котором уже давно назрела. Такая позиция находит поддержку и у других авторов³⁹⁵.

Третье. Наряду с факультетами повышения квалификации образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России необходимо усилить роль ЭКЦ МВД России в подготовке экспертных кадров, в частности, экспертов-взрывотехников. Думается, что в настоящее время только эта головная экспертная организация в системе МВД России способна в полной мере осуществлять подготовку экспертов-взрывотехников. В перспективе с учетом накопленного опыта и наработанных методических рекомендаций ЭКЦ МВД России мог бы помочь в организации подготовки таких специалистов в образовательных учреждениях высшего профессионального образования МВД России по специальности 350600 «Судебная экспертиза» (по пятилетней программе обучения).

Четвертое. Целесообразно максимально ограничить такую форму подготовки экспертов-криминалистов, как обучение на местах с последующей сдачей экзамена экспертно-квалификационной комиссии ЭКУ (ЭКО) МВД – ГУВД –

³⁹⁵ См., например, Мишаков И. Е. К вопросу подготовки экспертов-криминалистов в системе повышения квалификации и переподготовки сотрудников органов внутренних дел. // Проблемы повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в условиях реализации государственных образовательных стандартов второго поколения. Матер. науч.-метод. конф. Ч. 1. – Саратов: СЮИ МВД России, 2001. С. 117–122; Рассказова В. В. Организационно-методические проблемы введения программы дополнительного профессионального образования в сфере судебной экспертизы. // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий. Матер. межведом. науч.-практ. конф. В 3-х ч. Ч. 1. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002. С. 57–59.

УВД и получением свидетельства о праве производства определенного вида экспертизы. Наш десятилетний опыт рецензирования по заданию ЭКЦ МВД России заключений экспертов-криминалистов показал, что качество экспертиз, выполненных экспертами, обучавшимися на местах, является крайне низким. Особенно тревожная ситуация наблюдалась в области исследования холодного (метательного) оружия после утверждения Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований методики и регистрационного паспорта по исследованию холодного оружия (18.11.1998 г.). Это побудило руководство ЭКЦ МВД России пойти на ограничение подготовки экспертов-криминалистов на местах. Как правильно заметил И. Е. Мишаков, переподготовка сотрудников экспертно-криминалистических подразделений на местах «способствовала ускорению процесса заполнения штатов экспертных подразделений, но при этом, по нашему мнению, не способствовала повышению качества подготовки специалистов»³⁹⁶. Такая форма подготовки экспертов-криминалистов была вызвана острой нехваткой экспертных кадров и в настоящее время должна быть сведена к минимуму как не в полной мере оправдавшая себя на практике.

В заключение следует отметить, что реализация названных предложений, на наш взгляд, способствовала бы повышению уровня профессиональной подготовки экспертов-криминалистов, в том числе и специализирующихся в области криминалистической экспертизы оружия и следов его применения.

³⁹⁶ Мишаков И. Е. Указ. соч., 2002. С. 192.

Список литературы

1. Официальные документы и нормативно-правовые акты

- 1.1. Конституция Российской Федерации.
- 1.2. Европейская рамочная Конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами (СЕД № 101). – Страсбург, 28 июня 1978 г.
- 1.3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: ООО «ВИТРЭМ», 2002.
- 1.4. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 1998.
- 1.5. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 5.04.2001 г.
- 1.6. Федеральный закон РФ «Об оружии» от 20.05.93 г.
- 1.7. Федеральный закон РФ «Об оружии» от 13.11.96 г.
- 1.8. Указ президента Российской Федерации № 1341 от 8 ноября 1992 года «О специальных средствах самообороны, снаряженных веществами слезоточивого и раздражающего действия».
- 1.9. Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 марта 1935 года «О мерах борьбы с хулиганством».
- 1.10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 года № 5 «О судебной практике по делам, связанным с хищением, вымогательством и незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств».
- 1.11. ГОСТ Р 51215-98 «Оружие холодное. Термины и определения». – М., 1998.
- 1.12. ГОСТ РФ «Метательные устройства. Требования безопасности и методы испытания на безопасность». – М., 1994.

- 1.13. ГОСТ РФ «Метательные устройства. Луки и арбалеты. Термины и определения». – М., 1994.
- 1.14. ГОСТ 28653-90 «Оружие стрелковое. Термины и определения». – М., 1990.
- 1.15. ГОСТ 4407-85 «Патроны спортивные, охотничьи и спортивно-охотничьи к нарезному оружию. Номенклатура показателей». – М., 1986.
- 1.16. Приказ НКВД СССР от 19.12.1945 г. «Об организации научно-технического отдела Главного управления милиции НКВД СССР».
- 1.17. Приказ МВД России № 389 от 24.08.1994 г. «Инструкция по организации учебного процесса в системе повышения квалификации и переподготовки сотрудников органов внутренних дел».
- 1.18. Распоряжение Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 23.07.1999 г. № 893-14.
- 1.19. Программа по криминалистике. Для учебных заведений МВД СССР. – М., 1971.
- 1.20. Криминалистика. Примерная программа для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России. – М.: МЦ при ГУК и КЦ МВД России, 1998.
- 1.21. Криминалистика. Примерная программа для образовательных учреждений МВД России юридического профиля. – М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 2000.
- 1.22. Примерная программа профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов МВД России по криминалистической экспертизе холодного и метательного оружия. – М.: ЦОКП МВД России, 2001.
- 1.23. Примерная программа профессиональной переподготовки экспертов-криминалистов МВД России по криминалистической экспертизе оружия и следов его применения. – М.: ЦОКП МВД России, 2001.

2. Учебники, монографии, учебные и учебно-методические пособия, словари, справочники

2.1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Росинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. / Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. – М.: НОРМА, 2000.

2.2. Агафонов В. В., Овсянникова М. Н., Плескачевский В. М. Методика преподавания криминалистики в образовательных учреждениях МВД России. – М.: ЦИ и НМОКП МВД России, 1998.

2.3. Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы. – М.: Академия МВД России, 1994.

2.4. Автоматические пистолеты и следы их на пулях и гильзах. Судебно-баллистический справочник. / Под ред. А. И. Устинова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1972. Т. 1; 1973. Т. 2.

2.5. Андреев В. В., Бабахаян Р. В., Владимиров В. Ю., Катков И. Д. Газовое оружие самообороны (криминалистические и судебно-медицинские аспекты). Учебно-методическое пособие. / Под ред. В. П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский ЮИ МВД России, 1997.

2.6. Ардашев А. Н. Огнемтно-зажигательное оружие: иллюстрированный справочник. – М.: ООО «Изд. «Астрель»; ООО «Изд. «АСТ», 2001.

2.7. Асмолов К. В. История-холодного оружия. Восток и Запад. – М., 1993. Ч. 1; 1994. Ч. 2.

2.8. Астапкина С. М., Дубровицкая Л. П., Плесовских Ю. Г. Участие специалиста-криминалиста в расследовании преступлений. Учебное пособие. – М.: УМЦ при ГУК МВД России, 1992.

2.9. Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – М., 1995.

2.10. Аханов В. С. Криминалистическая экспертиза огнестрельного оружия и следов его применения. Учебник для вузов МВД СССР. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1979.

2.11. Ашурков В. С. Мосин С. И. – создатель русской винтовки. – М., 1951.

2.12. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. – М.: Юристъ, 1997.

2.13. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частная теории. – М.: Юридическая литература, 1987.

2.14. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: НОРМА, 2001.

2.15. Белкин Р. С. Криминалистика. Учебный словарь-справочник. – М.: Юристъ, 1999.

2.16. Бехайм В. Энциклопедия оружия. – СПб, 1995.

2.17. Блюм М. М., Шишкин И. Б. Охотничье ружье: Справочник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Агропромиздат, 1987.

2.18. Бокариус Н. С. Первоначальный наружный осмотр трупа при милицейском и розыском дознании. – Харьков, 1925.

2.19. Болотин Д. Н. Советское стрелковое оружие. 3-е изд. – М.: Воениздат, 1990.

2.20. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 18. – М., 1974.

2.21. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 19. – М., 1975.

2.22. Бородин С. В., Палиашвили А. Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. – М.: Юридическая литература, 1963.

2.23. Будаевский И. Курс ручного оружия. – СПб, 1910.

2.24. Винниченко А. С. Криминалистическое исследование метательного оружия. Учебное пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2002.

2.25. Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А. Экспертизы на предварительном следствии. – М.: Юридическая литература, 1967.

2.26. Владимиров В. Ю. Криминализация оборота газового оружия (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты). Монография. – СПб: Санкт-Петербургский ЮИ МВД России, 1996.

2.27. Волковский Н. Л. Силы специальных операций. – СПб, 1996.

2.28. Волынский В. А. Криминалистическая техника: наука – техника – общество – человек. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000.

2.29. Вооружение и техника. Справочник / А. В. Громов, О. Я. Суков, С. В. Владимиров и др. – М.: Воениздат, 1982.

2.30. Все об оружии. Иллюстрированный справочник / Автор и составитель И. Д. Камынин. – М., 1997.

2.31. Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1983.

2.32. Военный энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Воениздат, 1986.

2.33. Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. III. – М.: ВНИИСЭ, 1968.

2.34. Гнатовский Н. И., Шорин П. А. История развития отечественного стрелкового оружия. – М.: Воениздат, 1958.

2.35. Голдованский Ю. П., Тахо-Годи Х. М. Экспертиза по установлению самодельного холодного оружия. Методическое пособие. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1973.

2.36. Гобеев А. С. Криминалистическое исследование холодного оружия: Лекция. – Волгоград: ВА МВД России, 2001.

2.37. Гончаренко В. И. Научно-технические средства в следственной практике. – Киев, 1984.

2.38. Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – М.: Наука, 1993.

2.39. Грабовой И. Д., Кадюк В. К. Зажигательное оружие и защита от него. – М.: Воениздат, 1983.

2.40. Грабовой И. Д. Современное оружие и защита от него. – М.: ДОСААФ, 1984.

2.41. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей и жандармской полиции, 1892 (рус. пер.). – Смоленск, 1895–1896. Вып. 1–30.

2.42. Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений. Перевод с 6-го немец. изд., перераб. и дополн. И. Н. Якимовым. – М.: Изд. НКВД РСФСР, 1930.

2.43. Дворкин А. Д. Стрельба из пневматических винтовок. – М.: ДОСААФ, 1986.

2.44. Дворянский И. А. Судебно-баллистическая экспертиза. Вып. 2. Установление места производства выстрела при больших дистанциях стрельбы. – М.: ВНИИСЭ, 1976.

2.45. Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Основы криминалистического исследования самодельных взрывных устройств. – М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991.

2.46. Дильдин Ю. М., Мартынов В. В., Семенов А. Ю., Шмырев А. А. Взрывные устройства промышленного изготовления и их криминалистическое исследование. Учебное пособие. – М.: ВНКЦ МВД СССР, 1991.

2.47. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. – М.: Госкультпросветиздат, 1953.

2.48. Дельбрук Г. История военного искусства в рамках политической истории. – СПб: «Ювента», 1996.

2.49. Ермоленко Б. Н. Определение расстояния выстрела из дробового ружья и кинетической энергии снаряда. – Киев: РИО МВД УССР, 1974.

2.50. Ермоленко Б. Н. Теоретические и методические проблемы судебной баллистики. – Киев: РИО МВД УССР, 1976.

2.51. Емельянов Н. И. Краткие сведения о холодном оружии. – Л.: НТО УМ исполкома Ленгорсовета, 1957.

2.52. Жан Ноэль Муре. Ножи мира. – М.: АСТ «Полигон», 1995.

2.53. Жигалов Н. Ю., Ручкин В. А., Шапочкин В. И., Степанов Г. Н. Современное огнестрельное, пневматическое, газовое оружие и боеприпасы к нему. Учебное пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2001.

2.54. Жук А. Б. Винтовки и автоматы. – М.: Воениздат, 1988.

2.55. Жук А. Б. Револьверы и пистолеты. Изд. 2-е, испр., перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1990.

2.56. Закатов А. А., Оропай Ю. Н. Использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании преступлений. – Киев: РИО МВД УССР, 1980.

2.57. Защита от оружия массового поражения / Под ред. В. В. Мясникова. – М.: Воениздат, 1989.

2.58. Закутский Д. М., Лесников В. Д., Филиппов В. В. Охотничье огнестрельное оружие отечественного производства (1968–1986). Учебное пособие. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1988.

2.59. Зернов С. И., Колмаков А. И., Маковкин А. В., Попов И. А. Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов. Учебное пособие. – М.: ЭКЦ МВД России, 1998.

2.60. Зуев Е. И. Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1975.

2.61. Зуев Е. И. Формы участия специалиста-криминалиста в оперативно-розыскных мероприятиях. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1973.

2.62. Иванов О. И. Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. – Л., 1981.

2.63. Иволгин А. И. Созидательные взрывы. – М.: Недра, 1967.

2.64. Иволгин А. И. Развитие и применение минно-подрывных средств. – М.: Воениздат, 1956.

2.65. Изметинский Н. Л., Михайлов Л. Е. Ижевские ружья. Ижевское оружие. Т. 1. – Ижевск, 1995.

2.66. Инженерные боеприпасы. Кн. 1 и 2. – М., 1976, 1978.

2.67. Ищенко П. П. Специалист в следственных действиях (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты). – М.: Юридическая литература, 1990.

2.68. Ищенко П. П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. – М.: «Берегиня», 1994.

2.69. Кантор И. В., Чулков И. А. и др. Криминалистическое исследование оружия и следов его применения. Практикум. – Волгоград: ВСШ МВД РФ, 1993.

2.70. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли. IX–XIII вв. – М. – Л.: Наука, 1966.

2.71. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. – М. – Л.: Наука, 1966.

2.72. Кононаев А. В., Лесников В. А., Филиппов В. В. Стреляющие устройства небоевого назначения промышленного изготовления. – М.: ЭКЦ МВД России, 1997.

2.73. Кокин А. В. и др. Газовое, сигнальное, пневматическое оружие и патроны к нему. Справочник эксперта-криминалиста. – М.: Можайск-Терра, 1997.

2.74. Коваленко В. С. В зоне огня – мишени. – Мн.: «Полымя», 1989.

2.75. Контемиров В. Т., Ручкин В. А., Шапочкин В. И. и др. Особенности осмотра места происшествия, связанного со взрывами и обнаружением взрывных устройств: Практическое пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2000.

2.76. Колотушкин С. М. Криминалистическая взрывотехника. Основы теории и практики. Монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2002.

2.77. Комаринец Б. М., Шевченко Б. И. Руководство по осмотру места преступления. 1 кн. – М.: ГУРКМ НКВД СССР, 1938.

2.78. Комаринец Б. М. Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по стреляным гильзам. – М.: НИИК ГУМ МВД СССР, 1955.

2.79. Комаринец Б. М. Судебно-баллистическая экспертиза. Вып. 1. – М.: ВНИИСЭ, 1974.

2.80. Комаринец Б. М. Идентификация огнестрельного оружия по выстрелянным пулям // Методика криминалистической экспертизы. Вып. 3. – М.: ЦКЛ ВИЮН МЮ РСФСР, 1961.

2.81. Комаров И. А., Плотников С. Е., Тихомирова Е. В., Шокарев Ю. В., Петровский М. В. История винтовки. От пичали до автомата // Энциклопедия техники ТМ. Вып. 2, 1993.

2.82. Корнаухов В. Е. Комплексное судебно-экспертное исследование свойств человека. – Красноярск: Изд. Красн. ун-та, 1982.

2.83. Корецкий Д. Оружие: правовой режим. – Ростов-на-Дону: «Молот», 1995.

2.84. Крылов И. Ф. Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы. – Л.: Изд. ЛГУ, 1975.

2.85. Косоплечев Н. П. Осмотр места происшествия по делам, связанным с применением огнестрельного оружия. – М.: Госюриздат, 1956.

2.86. Криминалистическая экспертиза: Курс лекций. Вып. 2. Судебно-баллистическая экспертиза. / Редкол. В. А. Ручкин (отв. ред.) и др.; Под общ. ред. Б. П. Смагоринского. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1996.

2.87. Криминалистическое исследование огнестрельного оружия. Методическое пособие для экспертов, следователей и судей. – М.: ВНИИСЭ, 1987.

2.88. Криминалистическое исследование пневматического оружия / Под ред. А. И. Устинова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1971.

2.89. Криминалистическая экспертиза: возникновение, становление и тенденции развития. / Под ред. В. П. Лаврова. – М.: ЮИ МВД РФ, 1994.

2.90. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. / Под ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина. – М.: Новый юрист, 1997.

2.91. Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000 («Концепции юридического образования на современном этапе, проблемы преподавания криминалистики», с. 5–71).

2.92. Криминалистика. Учебник. / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999.

2.93. Криминалистика. Учебник для среднего проф. образования / Под ред. А. А. Закатова и Б. П. Смагоринского. – Волгоград: ВА МВД России, 2000.

2.94. Криминалистика. Учебник для вузов / Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 2000.

2.95. Криминалистика. Учебник. / Под ред. В. А. Образцова. – М.: Юристъ, 1997.

2.96. Криминалистика. Учебник. / Под ред. проф. А. Г. Филиппова. – М.: Юриспруденция, 2000.

2.97. Криминалистика. Учебник. / Под ред. проф. А. Г. Филиппова (отв. ред.) и проф. А. Ф. Вольнского. – М.: «Спарк», 1998.

2.98. Криминалистика. Т. 1 / Под ред. Р. С. Белкина и Г. Г. Зуйкова. – М.: ВШ МВД СССР, 1969.

2.99. Криминалистика. Учебник для средн. юрид. учеб. Заведений. / Под ред. Р. С. Белкина. – М.: Юридическая литература, 1974.

2.100. Криминалистика. Учебник для спец. средн. учеб. Заведений. / Под ред. Р. С. Белкина. – М.: Юридическая литература, 1979.

2.101. Криминалистика. Учебник для вузов МВД СССР / Под ред. Р. С. Белкина и И. М. Лузгина. – М.: Академия МВД СССР, 1978.

2.102. Криминалистика. Учебник для средн. юрид. учеб. Заведений. / Отв. ред. Р. С. Белкин. – М.: Юридическая литература, 1986.

2.103. Криминалистика. Учебное пособие в схемах. / Под ред. проф. А. Г. Филиппова. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Юриспруденция, 1999.

2.104. Криминалистика. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В. А. Образцова. – М.: Юристъ, 1999.

2.105. Криминалистика. Учебник для вузов МВД России. Т. 2. Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. / Редкол.: Смагоринский Б. П. (отв. ред.), Волинский А. Ф., Закатов А. А., Филиппов А. Г. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1994.

2.106. Криминалистика. Курс лекций. / Рук. авт. кол. Е. З. Трошкин. – М.: Академия ФСК России, 1994.

2.107. Кубицкий Ю. М. Судебная баллистика. – М.: ВЮЗИ, 1956.

2.108. Кустанович С. Д. Судебная баллистика. – М.: Госюриздат, 1956.

2.109. Кулагин Н. И. Становление руководителя подразделения. Лекция. – Волгоград, 1995.

2.110. Кулинский А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800–1917. – СПб: ТОО «Магик-Пресс», 1994.

2.111. Латышов И. В., Никитин И. И., Чулков И. А. Предмет, объекты и задачи судебно-баллистической экспертизы: Лекция. – Волгоград: Перемена, 2001.

2.112. Левкович А. Арбалет. – Харьков, 1936.

2.113. Лесников В. А. Криминалистическое исследование «газошумовых» пистолетов, револьверов и патронов к ним. Учебное пособие. – М.: ЭКЦ МВД России, 1995.

2.114. Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Изд. 2-е, доп. – Л.: Изд. ЛГУ, 1984.

2.115. Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. – СПб: Полигон, 1994.

2.116. Методика установления принадлежности объекта к огнестрельному оружию. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.

2.117. Момот В. Традиционное оружие ниндзя. Т. 2. – Киев: «София», 1997.

2.118. Моторный И. Д. Теоретико-прикладные основы применения средств и методов криминалистической взрывотехники в борьбе с терроризмом. Монография. – М.: Издатель Шумилова И. И., 1999.

2.119. Материальная часть стрелкового оружия. Кн. 1. / Под ред. А. А. Благонравова. – М.: Оборонгиз, 1945.

2.120. Мураховский В. И., Слуцкий Е. А. Оружие специального назначения. – М., 1995.

2.121. Мураховский В. И., Федосеев С. Л. Оружие пехоты. Справочник. – М.: Арсенал-Пресс, 1992.

2.122. Морозов И. В. Космическое оружие. – М., 1966.

2.123. Микриков М. П. С ружьем на глубину. – М., 1973.

2.124. Наставление по стрелковому делу. Винтовка обр. 1981/30 гг. и карабины обр. 1938 г. и обр. 1944 г. – М.: Воениздат, 1961.

2.125. Наставление по стрелковому делу. 7,62-мм модернизированный автомат Калашникова (АКМ и АКМС). – М.: Воениздат, 1973.

2.126. Наставление по стрелковому делу. – М.: Изд. МО СССР, 1973.

2.127. Начальная военная подготовка. / Под ред. Ю. А. Науменко. – М.: Просвещение, 1985.

2.128. Новиков И. В., Конюхов В. И. Огнемтно-зажигательное оружие. – М.: ДОСААФ, 1957.

2.129. Нормативное обеспечение дополнительных профессиональных образовательных программ для получения дополнительных квалификаций. – М.: МАДИ (ТУ), 2000.

2.130. Организация профессионального обучения сотрудников следственного аппарата. Учебное пособие. / Под ред. Н. И. Кулагина. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1995.

2.131. Оружие самозащиты. Каталог-справочник. – Москва-Кемерово: Империял, 1992.

2.132. Оружие / Сост. А. Гитун. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2000.

2.133. Охотничье и спортивное оружие, патроны. Каталог. – М.: Внешторгиздат, 1985.

2.134. Охотничье огнестрельное оружие отечественного производства. Справочно-методическое пособие. / Под ред. А. И. Устинова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1969.

2.135. Пастухов И. П., Плотников С. Е. Рассказы о стрелковом оружии. – М., 1983.

2.136. Патроны ручного огнестрельного оружия и их криминалистическое исследование. / М. М. Блюм, А. С. Волнов, А. Б. Жук, Т. Ф. Одиноккина, А. И. Устинов, В. В. Филиппов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982.

2.137. Парский Б. И. Оружие массового поражения и защита от него. – М.: Воениздат, 1973.

2.138. Павлов М. П. Ракетно-ядерное оружие и его поражающее действие. – М., 1971.

2.139. Пантелеев И. Ф. Расследование и профилактика взрывов, пожаров, крушений и авиапроисшествий. – М.: Юридическая литература, 1975.

2.140. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1964.

2.141. Писаренко И. В., Молибога Н. П., Василенко Г. П., Биленчук П. Д. Криминалистическое исследование охотничьего огнестрельного оружия. – Киев: РИО МВД УССР, 1987.

2.142. Плотников С. Е., Тихомирова Е. В., Шокарев Ю. В. Пистолеты и револьверы. – М.: ГМ, 1995.

2.143. Плескачевский В. М. Осмотр места происшествия по делам, связанным с применением огнестрельного оружия. Учебно-методическое пособие. – М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1992.

2.144. Плескачевский В. М. Оружие в криминалистике. Понятие и классификация. Монография. – М.: ООО «НИПКЦ ВОСХОД», 1999.

2.145. Подшибякин А. С. Холодное оружие. Уголовно-правовое и криминалистическое исследование. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1980.

2.146. Подшибякин А. С. Вопросы криминалистического исследования холодного оружия. Учебное пособие. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1975.

2.147. Подшибякин А. С. Холодное оружие. Криминалистическое учение. – М.: «ЮрИнфор», 1997.

2.148. Попенко В. Н. Холодное оружие Востока и Запада. – М.: Горбунок, 1992.

2.149. Попенко В. Н. Холодное оружие. Энциклопедический словарь. – М., 1996.

2.150. Попенко В. Н. Древнее оружие Востока. – М., 1993.

2.151. Попенко В. Н. Холодное метательное оружие. – М.: «Богучар», 1993.

2.152. Попенко В. Н. Приемы метания холодного оружия. – М., 1994.

2.153. Попов В. Л., Шигеев В. Б., Кузнецов Л. Е. Судебно-медицинская баллистика. – Спб: Гиппократ, 2002.

2.154. Потоцкий Н., Юрлов В. Курс ручного оружия. – СПб, 1905.

2.155. Профессиональная подготовка кадров в учебных заведениях МВД России: проблемы, пути их решения. – М.: ЮИ МВД РФ, 2000.

2.156. П. фон Винклер. Оружие. К истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до

начала XIX века. / Под ред. А. И. Устинова, Ю. В. Шокарева. – М.: «Софт-Мастер», 1992.

2.157. Рассейкин Д. П. Расследование преступлений против жизни. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1965.

2.158. Расследование убийств, совершенных с применением взрывчатых веществ. / Под ред. А. М. Ларина. – М.: Прокуратура СССР, 1975.

2.159. Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. – М., 1953.

2.160. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. Практическое пособие. – М.: Право и закон, 1996.

2.161. Руководство по 5,45-мм автомату Калашникова (АК 74, АКС 74, АК 74Н, АКС 74Н) и 5,45-мм ручному пулемету Калашникова (РПК 74, РПКС 74, РПК 74Н, РПКС 74Н). – М.: Воениздат, 1976.

2.162. Россинский Н. Л., Магойченков М. А., Галаджий Ф. М. Мастер-взрывник. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Недра, 1988.

2.163. Русаков М. Н. Криминалистическое исследование оружия и следов его применения: Учебное пособие. – Омск: ОБШМ МВД СССР, 1981.

2.164. Ручкин В. А. Оружие и следы его применения. Криминалистическое учение. – М.: Юрлитинформ, 2003.

2.165. Ручкин В. А., Железняков А. И., Сенцов А. С., Калашников А. Н. Основы криминалистических знаний о боеприпасах и взрывчатых веществах и ответственность за преступное обращение с ними. Учебное пособие. – Волгоград: БЮИ МВД России, 1995.

2.166. Ручкин В. А. Эволюция ручного оружия. Учебное пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2001.

2.167. Самончик А. Н. Криминалистическое исследование холодного оружия. – М.: НИИМ МВД СССР, 1959.

2.168. Ручкин В. А., Королев В. В., Жигалов Н. Ю. Сборник примерных образцов заключений эксперта по судебно-

баллистической экспертизе. Учебное пособие. – Волгоград: ВА МВД России, 2002.

2.169. Сборник информационных листков холодного (метательного) оружия и предметов хозяйственно-бытового назначения, сходных с ним, прошедших сертификационные криминалистические испытания в 1994–1999 гг. – М., 1999.

2.170. Селиванов Н. А. Привлечение специалистов к расследованию. – М., 1973.

2.171. Скопин В. И. Милитаризм. – М.: Воениздат, 1957.

2.172. Справочник по патронам, ручным и специальным гранатам иностранных армий. – М.: Воениздат, 1946.

2.173. Сташенко Е. И. Отождествление канала ствола огнестрельного оружия по выстрелянной пуле. Учебное пособие. – М.: ВНИИСЭ, 1973.

2.174. Словарь основных терминов теории и практики судебно-баллистической экспертизы. – М.: ВНИИСЭ, 1984.

2.175. Советская военная энциклопедия. Т. 2. – М., 1976.

2.176. Советская военная энциклопедия. Т. 3. – М., 1977.

2.177. Советская военная энциклопедия. Т. 4. – М., 1977.

2.178. Спецсредства. Учебное пособие. – М., 1991.

2.179. Справочник по судебной баллистике. Нарезное оружие отечественного производства. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1963.

2.180. Стрелковое оружие. / Худ. обл. М. Д. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 1997.

2.181. Стальмахов А. В., Сумарока А. М., Егоров А. Г., Сухарев А. Г. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза. / Под общ. ред. А. Г. Егорова. – Саратов, 1998.

2.182. Сборник справочных материалов по огнестрельному оружию. – М.: ЭКЦ МВД России, 1998. Ч. 2, 3, 6.

2.183. Сицко А. В., Блюм М. М., Шишкин И. Б. Советы начинающему охотнику. – М.: Агропромиздат, 1991.

2.184. Специальная техника. – М.: НИИСТ МВД РФ, 1994.

2.185. Справочник взрывника. / Под общ. ред. Б. Н. Кутузова. – М.: Недра, 1988.

2.186. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1958.

2.187. Советская военная энциклопедия. Т. 5. – М., 1978.

2.188. Советская военная энциклопедия. Т. 6. – М., 1978.

2.189. Сумарока А. М., Стальмахов А. В., Егоров А. Г. Холодное и метательное оружие. Учебник. / Под ред. А. Г. Егорова. – Саратов: СЮИ МВД России, 2000.

2.190. Судебно-медицинская экспертиза: Справочник для юристов. – М.: Юридическая литература, 1985.

2.191. Теоретические и методические основы судебно-баллистической экспертизы. Методическое пособие для экспертов. Вып. 1 и 4. – М.: ВНИИСЭ, 1984.

2.192. Тихонов Е. Н. Криминалистическая экспертиза холодного оружия. Учебное пособие. 2-е изд., дополн. и перераб. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 1987.

2.193. Тихонов Е. Н. Уголовно-правовая и криминалистическая оценка холодного оружия. – Томск: Изд. ТГУ, 1976.

2.194. Тихонов Е. Н. Криминалистическая взрывотехника и взрывотехническая экспертиза. Методические рекомендации. / Сост. Е. Н. Тихонов. Ч. 1 и 2. – Барнаул: Изд. АГУ, 1989.

2.195. Тихонов Е. Н. Судебно-баллистическая экспертиза. Учебное пособие. – Барнаул: Изд. АГУ, 1991.

2.196. Тихонов Е. Н. Ручное длинноствольное и среднествольное огнестрельное оружие. Пособие для экспертов. – М.: ВНИИСЭ, 1979.

2.197. Торвальд Ю. Сто лет криминалистики. – М.: Прогресс, 1974.

2.198. Трубников Б. Г. Определитель оружия и вооружения. – СПб: Полигон, 1998.

2.199. Устинов А. И., Портнов М. Э., Нацваладзе Ю. А. Ножи, кинжалы, кортики, тесаки, стилеты, штыки. – М., 1994.

2.200. Устинов А. И., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. Холодное оружие. Практическое пособие. – М.: ВШ МВД РСФСР, 1961.

2.201. Устинов А. И., Филиппов В. В. Криминалистическое исследование некоторых видов холодного оружия народов Востока. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1984.

2.202. Устинов А. И. Самодельное огнестрельное оружие и методика его экспертного определения. Пособие для экспертов-криминалистов. – М.: ВНИИОП МОП СССР, 1968.

2.203. Федоров В. Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч. 2. – М.: Госвоениздат, 1939.

2.204. Федоров В. Г. К вопросу о дате появления артиллерии на Руси. – М., 1949.

2.205. Федоров В. Г. Курс ручного оружия. – СПб, 1912.

2.206. Философский словарь. / Под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991.

2.207. Филиппов В. В., Титоренко Г. А., Комаров А. А. Современное отечественное ручное огнестрельное оружие военных образцов и патроны к нему. Справочное пособие. – М.: ЭКЦ МВД России, 1996.

2.208. Хартинк А. Е. Пистолеты и револьверы. Энциклопедия. – «Райсинта», 1997.

2.209. Херш С. Химическое и биологическое оружие. Тайный арсенал Америки. – М.: Воениздат, 1970.

2.210. Хогг Я., Уико Д. Все пистолеты мира. Полный иллюстрированный справочник пистолетов и револьверов. – М.: ЗАО Изд. «ЭКСМО-ПРЕСС», 1998.

2.211. Холодное оружие и бытовые ножи. / Под общ. ред. А. И. Устинова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1978.

2.212. Цветкова В. Н., Ястребова А. Г. Методические рекомендации по осмотру места взрыва, организации и проведению взрывотехнической экспертизы (экспертизы остатков взрывных устройств и следов взрыва). – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1983.

2.213. Шагов Ю. В. Взрывчатые вещества и пороха. – М.: Воениздат, 1976.

2.214. Шиканов В. И. Комплексная экспертиза и ее применение при расследовании убийств. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд., 1976.

2.215. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. – М.: Юридическая литература, 1979.

2.216. Шнейдер М. М. Новые виды массового уничтожения. – М., 1985.

2.217. Шокарев Ю. В. История оружия. Луки и арбалеты. – М., 2001.

2.218. Щеглов Н. Материал к судебно-медицинскому исследованию огнестрельных повреждений. – М., 1879.

2.219. Черваков В. Ф. Судебная баллистика. – М.: Юриздат, 1937.

2.220. Черваков В. Ф. Очерки судебной баллистики: Пособие для следователей. – М.: Госюриздат, 1953.

2.221. Чулков И. А., Латышов И. В. Материальная часть стрелкового огнестрельного оружия. Криминалистические аспекты. Учебное пособие. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1999.

2.222. Чулков И. А. Участие специалиста-криминалиста в осмотре места происшествия, связанного с применением огнестрельного оружия. Лекция. – Волгоград: ВСШ МВД России, 1994.

2.223. Эйсман А. А. Заключение эксперта (Структура и научное обоснование). – М.: Юридическая литература, 1967.

2.224. Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. – М., 1924.

2.225. Ярочкин В. И. Оружие. Гражданское, служебное, боевое. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1997.

Статьи

3.1. Абакиров К. К. Вопросы нормативной регламентации комплексной экспертизы // Информационный бюллетень № 11. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 26–31.

3.2. Авдонин А. Формы повышения квалификации судебных экспертов // Сов. Юстиция. № 13. – М., 1975. С. 14–15.

3.3. Аверьянова Т. В. Субъекты экспертной деятельности // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. С. 29–37.

3.4. Агапов Б. Путь лука и стрелы // Кэмп, 1992. № 5.

3.5. Алексеев И. Подводная часть «айсберга» // Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 15–17.

3.6. Ардашев А. Единым махом семерых побиваю // Оружие, 1995. № 12. С. 38–39.

3.7. Белкин Р. С. Новые песни о старом или новое поколение выбирает «оружиеведение» // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. Сб. науч. трудов. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 119–123.

3.8. Блюм М. М. «Тайга» – патроны фирмы «Селена» // Охота и охотничье хозяйство, № 11. – М., 1998. С. 22–23.

3.9. Богодухова Е. Д. Процесс дифференциации и интеграции знаний в современной криминалистической экспертизе. // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы. Сб. науч. трудов – М.: ВНИИСЭ, 1987. С. 99–104.

3.10. Бородин В. Н., Ростов К. Т. Проблемы современного оружиеведения. // Теория и практика криминалистического оружиеведения. Матер. науч.-практ. конференции 21 апреля 1998 года. – СПб: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998. С. 18–23.

3.11. Боечин И. Спецназ. // Оружие, 1995. № 12, С. 3.

3.12. Боечин И. «Удар» и «Пламя» // Ружье, 1997. № 1. С. 4–5.

3.13. Борцова П. Полицейская семья калибра 23 мм // Мастер Ружье, 1999. № 40. С. 67–70.

3.14. Борцов П. Полигон для пули // Мастер Ружье, 1999. № 36. С. 81–83.

3.15. Борцова П. «Удар» еще «удар» // Мастер ружье, 1999. № 37/38. С. 82–85.

3.16. Быков В. Н. Психологические аспекты применения технико-криминалистических средств при расследовании преступлений. // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии. – Киев, 1980. С. 26–30.

3.17. Вакуловский А. Н., Мартынов М. Ф. Ручные гранаты как объект криминалистического исследования. // Сб. работ по криминалистике, № 4. – М.: НИИ милиции, 1958. С. 126–147.

3.18. Винокуров С. Назначение судебно-технических экспертиз при расследовании преступного обращения со взрывчатыми материалами // Соц. Законность, 1976. № 8.

3.19. Виноградов В. Оружие для охоты на рыб // Мастер ружье, № 23. – М., 1998. С. 40–45.

3.20. Вихорев Л. Прицельный комплекс «Квант» // Ружье, 1999. № 1. С. 24–26.

3.21. Владимиров Ю. «Мосберг» модель 590 «Арми» // Мастер Ружье, 1997. № 5/6. С. 53–55.

3.22. Волынский А. Ф. Криминалистика: наука – техника – право – специалист // Проблемы криминалистики и методики ее преподавания. Тезисы выступлений участников совещания-семинара преподавателей криминалистики (г. Пермь, 14–15 июня 1994 г.). – М.: МВД РФ, 1994. С. 9–14.

3.23. Выдря М. Криминалистическая экспертиза холодного оружия // Соц. Законность, 1955. № 5. С. 53–54.

3.24. Герасимов С. И. Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия и меры по его предупреждению // О состоянии борьбы с незаконным оборотом оружия и мерах по её усилению. – М., 2000. С. 3–6.

3.25. Голдованский Ю. П. Задачи экспертизы по установлению холодного оружия и ее место в системе судебных экспертиз // Труды ВНИИСЭ МЮ СССР. Вып. 4. – М., 1972. С. 218–223.

3.26. Грановский Г. Л. О понятиях и основах классификации задач комплексных экспертиз // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Материалы Всесоюз. Науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. с. 69–73.

3.27. Григорьев Ф. А. Методологические проблемы подготовки юристов, экспертов-криминалистов. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Общая теория криминалистики и перспективы развития криминалистической техники, тактики и методики. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С.3–6.

3.28. Грузкова В. Г. Психологические и организационно-методические аспекты профессионального отбора и подготовки судебных экспертов в системе Министерства юстиции СССР. // Криминалистика и судебная экспертиза. Межведомст. науч.-метод. сб. Вып. 25. – Киев, 1982. С. 43–47.

3.29. Гусев А. В. Некоторые проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России. С. 112–114.

3.30. Демин Н. С. Пистолет для подводной охоты как объект судебно-баллистического исследования // Экспертная техника. Вып. 34. – М.: ЦНИИСЭ, 1971. С. 39–41.

3.31. Драгунов М. Разящие воздухом // Ружье, 1998. № 3. С. 64–65.

3.32. Дуванов Б., Павлушенко М. Стреляющие светом // Оружие, 1995. № 12. С. 18–19.

- 3.33. Дьяконов П. А. О новом типе ударно-раздробляющего холодного оружия. // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 10. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1981. С. 9–13.
- 3.34. Дьяконов П. А. Экспертиза холодного оружия // Соц. Законность. 1982. № 9. С. 45.
- 3.35. Дьяконов П. А. Холодное оружие ударно-раздробляющего действия. // «Черные дыры» в российском законодательстве, 2002. № 3. С. 193–212.
- 3.36. Ермолаев В. Эволюция патрона 5,45 // Мастер Ружье, 1999. № 36. С. 23–26.
- 3.37. Есаян И., Слуцкий Е. Направления развития стрелкового оружия. // Знать военную технику. Сб. статей. / Сост. Л. В. Герасимова. – М.: ДОСААФ, 1978. С. 36–44.
- 3.38. Ефремов Д. Прицелы для стрелкового оружия // Мастер Ружье, 1997. № 1. С. 62–67.
- 3.39. Железняк А. С. К вопросу о производстве экспертизы холодного оружия // Сб. матер. по обмену опытом экспертной практики. – М.: ОТУ МВД СССР, 1967. С. 155–164.
- 3.40. Жигалов Н. Ю., Королев В. В., Ручкин В. А., Ярмак В. А. Судебно-баллистические характеристики современных пистолетов-пулеметов ПП-90, «Кипарис» и следов, оставляемых ими на пулях и гильзах // Экспертная практика, № 40. – М.: ЭКЦ МВД России, 1996. С. 63–68.
- 3.41. Зигуненко С. Спецстрелой по терроризму // Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 46–47.
- 3.42. Зуев Е. И. Роль специальных познаний в раскрытии преступлений // Криминалистические средства и методы раскрытия преступлений: Сб. науч. тр. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1982. С. 17–19.
- 3.43. Зырянов В. В., Лученок Н. Н., Шунков Ю. А. Проблемы формирования криминалистического оружейведения как отрасли криминалистической техники. // Актуаль-

ные проблемы правоведения в современный период. Сб. статей. Часть 3 / Под ред. В. Ф. Воловича. – Томск: Изд. Том. ун-та, 1998. С. 96–97.

3.44. Зырянов В. В. К понятию судебно-экспертной отрасли знания // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 129–132.

3.45. Исаев Л. К., Цветкова В. Н. Применение методов тонкослойной хроматографии и ИК-спектроскопии при исследовании некоторых промышленных ВВ. // Экспертная практика и новые методы исследований. – М.: ВНИИ-ТИ, 1975.

3.46. Карлин И. П. Методика исследования холодного оружия. // Теория и практика криминалистического оружейведения. Матер. науч.-практ. конф. 21 апреля 1998 года. – СПб, 1998. С. 3–5.

3.47. Кинг Г. А. Ударная программа американской науки // За рубежом, № 33. – М., 1989. С. 20–21.

3.48. Кирсанов Э. И., Летоштяк Л. Новая отрасль криминалистической техники. // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул: Изд АГУ, 1982. С. 122–131.

3.49. Клименко Н. И., Стринжа В. К. К вопросу о подготовке экспертов // Криминалистика и судебная экспертиза. Межведом. науч.-метод. сб. Вып. 39. – Киев, 1989. С. 24–28.

3.50. Ключкова В. Н. Комплексное исследование колото-резанных повреждений на одежде и теле человека. // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всесоюзной науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 128–129.

3.51. Коваленко В., Нерубенко В. Тайное оружие древних // Техника – молодежи, № 7. – М., 1985. С. 53–54.

3.52. Кокорев Л. Д. Процессуальные проблемы использования достижений научно-технического прогресса в уго-

ловном судопроизводстве // Вопросы уголовного процесса: Межвуз. сб. Вып. 1. – Воронеж, 1977. С. 8–11.

3.53. Конторович А. Зачем нужен «летающий лом» // Оружейный двор, № 5. – М., 1997. С. 99–104.

3.54. Кораблин В. Суперновое оружие России – пистолет-пулемет «Вереск» 9x21 // Мастер Ружье, 1999. № 37/38. С. 22–27.

3.55. Корноухов В. Е. От системы учебников к системе курса науки криминалистики // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 43–45.

3.56. Корухов Ю. Г. Теоретический, методический и процессуальный аспекты комплексных исследований // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Материалы Всесоюзной науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 30–36.

3.57. Корецкий Д. А. О понятии криминалистической армалогии и ее уголовно-правовых аспектах. // Особенности развития уголовной политики в современных условиях. – М., 1996. С. 166–170.

3.58. Корецкий Д. А. Нелетальное оружие: понятие, виды, классификация. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. матер. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 400–408.

3.59. Корецкий Д. А., Косматенко А. А., Коваленко В. И., Мясников К. А. Состояние вооруженной преступности в Ростовской области и меры борьбы с ней. – Ростов-на-Дону, 2001. С. 9–12.

3.60. Корма В. Д. Процессуальные и криминалистические вопросы участия специалиста-криминалиста в собирании следов по делам об убийствах, совершенных с применением огнестрельного оружия. // Российское законодательст-

во и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Матер. Всерос. науч.-практ. конференции (28–29 февраля). – Тула: ТулГУ, 2000. С. 198–206.

3.61. Корякин А. В. Некоторые вопросы доказательственного значения результатов специальных исследований. // Проблемы борьбы с преступностью в современных условиях. Матер. междунар. научн.-практ. конф. 24–26 мая 1995 года. Ч. 3. – Иркутск, 1995. С. 95–98.

3.62. Ладин В. Н. Судебно-баллистическое исследование пистолета ППО-2. / Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 17. – Киев: Вища школа, 1978. С. 67–69.

3.63. Леонидов Ф. «Подготовить гранаты» // Оружие, 1999. № 8. С. 60–65.

3.64. Лопатин В. Философия персональной обороны // Оружие. «ТМ», декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 19.

3.65. Лопатин В. Пневматики в Лас-Вегасе, пневматики в Москве. // Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 26–29.

3.66. Любарский М. Г. Криминалистическое исследование холодного оружия. // Тезисы докладов восьмой расширен. конф. Ленинградского отделения всесоюз. научн. общества суд. медиков и криминалистов. – Л., 1954. С. 45–48.

3.67. Любарский М. Г. Понятие – «холодное оружие» // Бюллетень № 1 Ленинградской НИЛСЭ. – Л., 1959. С. 15–32.

3.68. Любарский М. Г. Финские ножи // Бюллетень № 2 Ленинградской НИЛСЭ. – Л., 1961. С. 12–19.

3.69. Макаров И. В., Касаткин Б. С. Криминалистическое и судебно-медицинское значение пневматического оружия // Вопросы криминалистики. Вып. 6–7. – М.: Госюриздат, 1962. С. 178–188.

3.70. Маликов В. Г. Не порохом единым... // Техника – молодежи, 1985. № 7. С. 48–49.

3.71. Мартынов В. В., Кузнецов В. В. Специальная подготовка экспертов-взрывников органов внутренних дел //

Актуальные проблемы криминалистических исследований и использование их результатов в практике борьбы с преступностью. Сборник. / Под ред. А. М. Зинина. – М.: ЭКЦ МВД РФ, 1994. С. 70–71.

3.72. Майлис Н. П. Пограничные задачи комплексных экспертиз (трасологической и автотехнической, трасологической и КЭМВИ). // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Материалы Всесоюзной науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 123–126.

3.73. Махов В. Участие специалиста в расследовании преступлений. // Соц. Законность, 1969. № 5. С. 27–28.

3.74. Мелконян Х. Г. О проблеме судебного эксперта и некоторых проблемах подготовки экспертных кадров // Теоретические и методические вопросы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1984. С. 73–93.

3.75. Менков А. Колесцовый замок и Леонардо да Винчи // Магnum, 2000. № 10 (октябрь). С. 39–43.

3.76. Мироненко Г. В. Аспекты признания луков и арбалетов холодным оружием и методические рекомендации по их исследованию // Экспертная практика, № 36. – М., 1994. С. 11–17.

3.77. Михальчук А. Е. О криминалистической экспертизе оружия. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений (современное состояние и перспективы развития судебной экспертизы). – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 33–36.

3.78. Мишаков И. Е. Некоторые аспекты подготовки экспертов-криминалистов в образовательных учреждениях МВД России // Судебная экспертиза: теоретические, практические, дидактические вопросы. Сб. науч. тр. Московской академии МВД России. – М.: МА МВД России, 2002. С. 189–197.

3.79. Мишаков И. Е. К вопросу подготовки экспертов-криминалистов в системе повышения квалификации и переподготовки сотрудников органов внутренних дел. // Проблемы повышения эффективности учебно-воспитательного процесса в условиях реализации государственных образовательных стандартов второго поколения: Матер. науч.-метод. конф. Ч. 1. – Саратов: СЮИ МВД России, 2001. С. 117–122.

3.80. Могутов П. А. Огнеметно-зажигательное оружие армии США. // Зарубежное военное обозрение, 1981. № 6.

3.81. Мотана В. Тот самый Матеба. // Ружье, 1998. № 3. С. 29–32.

3.82. Монетчиков С. Лучший на той войне. // Оружие, 1999. № 8. С. 38–47.

3.83. Надгорный Г. М. К вопросу о формировании судебно-экспертных отраслей знаний. // Криминалистика и судебная экспертизы. Вып. 17. – Киев: Вища школа, 1978. С. 15–23.

3.84. Омеляненко А. Еще раз о Benelli // Мастер ружье, 1997. № 5/6. С. 37–50.

3.85. Образцов В. А. Криминалистическая дидактика: еще раз об изменении научной парадигмы. // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы. Матер. Всерос. научно-практ. конф. (28–29 февраля). – Тула: ТулГУ, 2000. С. 56–62.

3.86. Орлов Ф. П. К вопросу о подготовке экспертов. // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий: Материалы межведом. науч.-практ. конф. В 3-х ч. Ч. 1. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002. С. 51–56.

3.87. Охочинский М. «OF MOSS & SONS». Секрет успеха. // Ружье, 1995. № 3. С. 20–23.

3.88. Петров Ю. Хит российского оружейного рынка – «помпа» // Ружье, 1995. № 3. С. 8–11.

3.89. Плескачевский В. М. Экспертиза холодного оружия и некоторые процессуальные вопросы, связанные с ней. // Вопросы судебной экспертизы. Сб. 3. – Баку: Азерб. НИИСЭ, 1966. С. 110–125.

3.90. Плескачевский В. М. Криминалистическое понятие оружия и его классификации. // Совершенствование криминалистических средств и методов в борьбе с преступностью. – Межвузов. сб. науч. трудов. – М., 1988. С. 11–19.

3.91. Плескачевский В. М. Проблема оружия в криминалистике. // Криминалистическая экспертиза. Трасологические и судебно-баллистические исследования. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Б. Н. Морозова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. С. 35–36.

3.92. Плескачевский В. М. Некоторые проблемы развития системы криминалистической техники как раздела науки криминалистики. // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. – М.: ЮИ МВД РФ, 1994. С. 28–32.

3.93. Подшибякин А. С. О следах применения холодного оружия, владения и пользования им. // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 3. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1978. С. 27–32.

3.94. Подшибякин А. С., Черенкова Н. В. Криминалистическая экспертиза в борьбе с незаконным изготовлением оружия и преступным обращением с ним. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 174–177.

3.95. Поповцев С. А., Алексеев Н. Р. «Нунчаку» – холодное оружие многоцелевого назначения. // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 11. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1982. С. 8–14.

3.96. Поташник Д. П., Устьянцева Т. В. К вопросу о понятии и содержании специальных познаний эксперта-криминалиста. // Применение научных методов при расследо-

вании преступлений и изучении преступности. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. Ч. 1 Вып. 1. – М., 1973. С. 159–164.

3.97. Плескачевский В. М. Проблемы формирования криминалистического оружейведения в свете укрепления общественного порядка. // Укрепление общественного порядка и законности в правовом государстве. Межвуз. сб. науч. тр. – М., 1989. С. 203–211.

3.98. Рассказова В. В. Организационно-методические проблемы введения программы дополнительного профессионального образования в сфере судебной экспертизы. // Судебная экспертиза на рубеже тысячелетий. Матер. межведом. науч.-практ. конф. В 3-х ч. Часть 1. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002. С. 57–59.

3.99. Решетников В. Я., Коссович А. А. Особенности классификации судебных экспертиз. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 185–187.

3.100. Россинская Е. Р. Общеэкспертные методы исследования вещественных доказательств и проблемы совершенствования их использования и преподавания. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Современное состояние и перспективы развития судебной экспертизы. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 7 – 11.

3.101. Романов Н. С. Закономерности и механизм формирования предмета судебной экспертизы и предмета отрасли судебно-экспертных знаний. // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 21. – Киев, 1980. С. 31–37.

3.102. Ростов М. Н. Некоторые аспекты обоснования объективной необходимости «эксперта-интегратора». // Актуальные проблемы теории и практики судебной экспертизы. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1989. С. 35–36.

3.103. Ростов М. Н. Комплексность в научной и практической деятельности. // Актуальные вопросы судебно-

экспертного исследования материалов, веществ и изделий. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ, 1983. С. 17–21.

3.104. Ручкин В. А. Электрошоковые устройства: оружие или специальные средства самозащиты. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 187–189.

3.105. Ручкин В. А. О концептуальных основах криминалистического учения об оружии и следах его применения. // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. Сб. науч. трудов. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 248–254.

3.106. Ручкин В. А., Игнашин В. И. Взрывные устройства как объекты криминалистического оружиеведения. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Всероссийский «круглый стол» 15–16 июня 2000 года. Сб. тезисов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2000. С. 189–191.

3.107. Ручкин В. А. Из истории становления и развития газового оружия. // Проблемы преподавания экспертных дисциплин в вузах МВД России. Матер. научн.-метод. конф. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. С. 23–26.

3.108. Ручкин В. А. О предмете и системе курса «Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения». // Теория и практика экспертных исследований в свете закона Российской Федерации «Об оружии». Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1996. С. 9–12.

3.109. Ручкин В. А., Гераськин М. Ю. Комплексное экспертное исследование самодельных взрывных устройств и их фрагментов, изымаемых с мест криминальных взрывов. // Экспертиза на службе следствия. Тезисы докл. науч.-практ. конф. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. С. 83–85.

3.110. Ручкин В. А. Эволюция ручного оружия и ее тенденции как предмет преподавания. // Проблемы преподавания экспертных дисциплин в вузах МВД России: Матер. науч.-метод. конф. / Под ред. В. А. Ярмака. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. С. 55–59.

3.111. Сагаков И. От гиперблоида – к бластеру. // Оружие, декабрь 1997 – январь 1998. № 3. С. 40–41.

3.112. Сагаков И. Миниарбалет и другие идеи. // Оружие, 1997. № 1. С. 34–35.

3.113. Свадовский И. В. Некоторые вопросы экспертного исследования национального холодного оружия и национальных бытовых ножей. // Экспертная практика и новые методы исследования. Вып. 2. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1974. С. 23–27.

3.114. Седова Т. А. К вопросу о понятии холодного оружия в криминалистической литературе и судебно-следственной практике. // Вопросы экспертизы в работе защитника. – Л.: Изд. ЛГУ, 1970. С. 132–152.

3.115. Седова Т. А. Понятие комплексной экспертизы и комплексного исследования. // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 40–45.

3.116. Сенцов А. С., Мокринский О. А. Огнестрельное оружие как предмет контрабанды: уголовно-правовой и криминалистический аспекты. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. матер. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 252–256.

3.117. Семенов А. В. Поражение как признак отнесения объектов к категории оружия. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. матер. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 436–439.

3.118. Семенов Л. Оружие последнего броска. // Оружие, 1997. № 1. С. 8–10.

3.119. Синюков В. Н. Методологические проблемы подготовки экспертов-криминалистов. // Криминалистическая экспертиза: трасологические и судебно-баллистические исследования. Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Б. Н. Морозова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. С. 3–6.

3.120. Скрылев И. КС-23 – наш полицейский карабин // Мастер Ружье, № 1. С. 48–51.

3.121. Снетков В. А. Уголовный процесс и криминалистика в деятельности специалиста. // Уголовный процесс и криминалистика на рубеже веков. Сб. науч. трудов. – М.: Академия управления МВД России, 2000. С. 106–111.

3.122. Стальмахов А. В., Сумарока А. М., Сухарев А. Г. Возможность определения групповой принадлежности огнестрельного оружия по звуку выстрела. // Криминалистическая экспертиза: трасологические и судебно-баллистические исследования. Межвузов. сб. науч. статей / Под ред. Б. Н. Морозова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. С. 49–51.

3.123. Статкус В. Ф. Некоторые проблемы подготовки специалистов по раскрытию и расследованию преступлений // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 1. – М., 2000. С. 35–39.

3.124. Степанов В. В. Проблемы средств доказывания по делам о преступлениях, совершенных организованными группами. // Социально-экономические, правовые, оперативно-розыскные и экспертно-криминалистические проблемы борьбы с организованной преступностью. Матер. науч.-практ. конф. – Саратов, 1995. С. 114–116.

3.125. Сухова Т. Э. Интеграция знаний по предмету и объекту исследования в судебной экспертизе. // Российское законодательство и юридические науки в современных условиях: состояние, проблемы, перспективы: Матер.

Всерос. науч.-практ. конф. (28–29 февраля). – Тула: ТулГУ, 2000. С. 183–191.

3.126. Тарасов В. П., Гобеев А. С. Некоторые теоретические предпосылки создания криминалистической оружейно-ведческой экспертизы как самостоятельного вида. // Теоретические и прикладные проблемы экспертно-криминалистической деятельности: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 1999 года. Ч. 2. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. С. 63–65.

3.127. Терзиев Н. В. Идентификация в криминалистике. // Советское государство и право, 1948. № 12. С. 36–45.

3.128. Тобольская Е., Татарских С. Газовое оружие России. // Мастер Ружье, 1997. № 3. С. 42–48.

3.129. Трушечкин М. Порох вчера, сегодня, завтра. // Мастер Ружье, 1999, № 37/38. С. 66–67.

3.130. Федоренко В. А., Колотушкин С. М. Преподавание курса «Взрывные устройства и следы их применения» в рамках специальности «Судебная экспертиза». // Проблемы преподавания экспертных дисциплин в вузах МВД России. Матер. науч.-метод. конф. / Под ред. В. А. Ярмача. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 2000. С. 149–151.

3.131. Федоров А. В. О нетрадиционном оружейоведении. // Теоретические и прикладные проблемы экспертно-криминалистической деятельности: Материалы Всерос. науч.-практ. конференции. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 1999 года. Ч. 1 / Под общ. ред. В. П. Сальникова и И. П. Карлина. – СПб, 1999. С. 310–311.

3.132. Федосеев С. Винтовка + граната. // Оружие, 1997. № 1. С. 16–17.

3.133. Федосеев С. Лазер для пистолета. // Оружие, 1997. № 1. С. 48–49.

3.134. Федосеев С. Самый знаменитый «Немец». // Оружие, 1999. № 8. С. 2–11. 27.

3.135. Фирсов Е. П. Правовые основания и формы использования специальных познаний в расследовании пре-

ступлений. // Криминалистическая экспертиза: трасологические и судебно-баллистические исследования. Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. Б. Н. Морозова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1997. С. 8–10.

3.136. Хвалин В. А. О связи и соотношении понятий криминалистического оружейведения и криминалистического орудиеведения. // Труды филиала Московской юридической академии в г. Кирове. № 5. Сб. статей. – Киров: КОГУП Кировская обл. типография, 2001. С. 166–171.

3.137. Христич В. Ружье, которое испугало Наполеона. // Ружье. Оружие и амуниция. Октябрь – ноябрь 1996. С. 66–68.

3.138. Хрусталеv В. Н. О совершенствовании системы отбора абитуриентов в СВШ МВД РФ. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Современное состояние и перспективы развития судебной экспертизы. Матер. науч.-практ. конф. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 133–135.

3.139. Цветкова В. Н. Исследование взрывчатых веществ методом тонкослойной хроматографии. // Материалы научного семинара 14–16 сентября 1973 года. – М., 1973. С. 117–121.

3.140. Циркаль В. В. Участие группы специалистов в следственных действиях. // Криминалистика и судебная экспертиза. Республ. межведом. науч.-метод. сборник. Вып. 19. – Киев, 1979. С. 59–64.

3.141. Шамонова Т. Н. Совершенствование профессиональной подготовки следователей и экспертов-криминалистов в органах внутренних дел. // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Общая теория криминалистики и перспективы развития криминалистической техники, тактики и методики. Матер. науч.-практ. конф. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1994. С. 89–93.

3.142. Шапочкин В. И., Ручкин В. А., Субботина М. В., Мокринский О. А. Особенности производства отдельных

следственных действий по делам, связанным с использованием боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ. // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Второй Всероссийский «круглый стол», 20–21 июня 2002 года. Сб. материалов. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002. С. 318–322.

3.143. Шапочкин В. И., Ручкин В. А., Гераськин М. Ю. К вопросу о создании новых автоматизированных информационно-поисковых систем самодельных взрывных устройств во взрывотехнической экспертизе. // Проблемы использования автоматизированных систем в экспертной практике. Сб. науч. тр. – Саратов: СЮИ МВД России, 2000. С. 76–77.

3.144. Шванков В., Яблоков Н. Борьба с незаконным владением холодным оружием служит предупреждению преступлений. // Соц. Законность, 1959. № 7. С. 32–35.

3.145. Шляхов А. Р. Теория и практика комплексных исследований в судебно-экспертных учреждениях системы МЮ СССР. // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Матер. Всеросс. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М., 1985. С. 3–20.

3.146. Шокарев Ю. Уроки Венсенской школы. // Техника – молодежи, 1989. № 7. С. 46–47.

3.147. Шокарев Ю. «Переломные» и бескурковые. // Техника – молодежи, 1990. № 1. С. 38–39.

3.148. Шокарев Ю. Перспективное оружие. // Мастер ружье, 1997. № 5/6. С. 18–26.

3.149. Шухин И. «Узи», «Бизоны» и «Абаканы» на горизонте. // Оружие, 1995. № 12. С. 28–29.

3.150. Чавчанидзе М. П. Комплексная экспертиза как одна из форм комиссионной экспертизы. // Проблемы организации и проведения комплексных экспертных исследований. Материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). – М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 45–49.

3.151. Чулков И. А. Участие специалиста в осмотре места происшествия по делам о преступлениях, совершенных с использованием огнестрельного оружия. // Совершенствование криминалистических и оперативно-розыскных средств и методов в борьбе с преступлениями. Сб. материалов 4 Межвузов. науч.-практ. конф. адъюнктов и соискателей. – М., 1984. С. 62–65.

3.152. Эксархопуло А. А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы. // Вестник криминалистики / Отв. ред. А. Г. Филиппов. Вып. 2. – М.: Спарк, 2001. С. 23–28.

3.153. Яблоков Н. П. К вопросу об экспертизе холодного оружия. // Теория и практика криминалистической экспертизы. Вып. 2. – М.: Госюриздат, 1956. С. 334–354.

3.154. Яковлев Я. М. Комплексная криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза при расследовании преступлений против жизни и здоровья. // Проблемы судебной экспертизы, № 5. – М.: ВНИИСЭ, 1961. С. 60–64.

3.155. Яковлев Я. М. Профессиональные качества судебного эксперта. // Актуальные теоретические и общеметодические проблемы судебной экспертизы. Сб. науч. тр. – М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1975. С. 18–34.

3.156. Янин Ю. Пять лучших армейских дробовых ружей. // Ружье, 1996. № 2. С. 51–53.

3.157. Янин Ю. Чириков С. Италия. Урбино. Бенелли. // Ружье. Оружие и аммуниция, октябрь-ноябрь, 1996. С. 12–16.

3.158. Янин Ю. Рекомендую – мой друг «Моссберг». // Ружье, 1995. № 3. С. 30–35.

Диссертации и авторефераты диссертаций

4.1. Винниченко А. С. Теоретические и методические основы криминалистического исследования метательного оружия. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1998.

4.2. Владимиров В. Ю. Теория и практика криминалистического оружейноведения. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. – СПб, 2002.

4.3. Владимиров В. Ю. Криминалистическое исследование газового оружия. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб, 1996.

4.4. Гобеев А. С. Ручное оружие как объект криминалистического исследования. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1999.

4.5. Зезьянов В. П. Роль, место и значение специальных знаний в криминалистике. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 1994.

4.6. Зырянов В. В. Проблемы криминалистического оружейноведения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 1998.

4.7. Игнашин В. И. Техничко-криминалистическое обеспечение и особенности взаимодействия участников следственно-оперативной группы при поиске, локализации и обезвреживании взрывных устройств на месте происшествия. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001.

4.8. Коровкин Д. С. Основы криминалистического учения о метательном неогнестрельном оружии. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999.

4.9. Латышов И. В. Теоретические и методические основы криминалистического исследования огнестрельного оружия заводской сборки. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 1997.

4.10. Николаева И. Л. Формирование модели эксперта-криминалиста (теоретические и методические аспекты). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1990.

4.11. Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1993.

4.12. Подшибякин А. С. Теория и практика криминалистического исследования холодного оружия (уголовно-

правовой и криминалистические аспекты). Дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1975.

4.13. Ростов М. Н. Теоретические и общеметодические аспекты комплексного криминалистического исследования боеприпасов к охотничьим ружьям с целью установления общности их происхождения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1980.

4.14. Стаценко В. Г. Правовые и технико-криминалистические основы выявления следов выстрела на стрелявшем и их использование в процессе розыска. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001.

4.15. Тихонов Е. Н. Проблемы теории и практика установления групповой принадлежности в криминалистической экспертизе оружия. Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1982.

4.16. Толстухина Т. В. Современные тенденции развития судебной экспертизы на основе информационных технологий. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1999.

4.17. Успанова Ж. А. Комплексные экспертизы при расследовании преступлений, связанных со взрывами на промышленных объектах. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1994.

4.18. Шуматов Ю. Т. Использование специальных познаний на предварительном следствии. Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1996.

Литература на иностранном языке

5.1. Schobel. Iagdwaffen. Berlin «MV», 1989.

5.2. Schobel. Iagdwaffen und Iagdgerat des Historischen Museums zu Dresden. – Berlin: Militarverlag der DDR (VEB), 1976.

5.3. Major Joseph Stoffel Aus (Ret). Explosives and home-made bombs. Charles C. Thomas. Publisher. Springfield, Illinois. Second Edition, second Printing, 1977.

5.4. Baxter P.G. The training of Questioned Document Examiners. «Medicine Science and the Law», 1970, V. 10, № 2.

5.5. Editorial: The Diploma in Medical Jurisprudence, – The Medico-Legal Journal», 1961, V. 29.

Оглавление

Введение3

Глава 1. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения в системе специальных знаний, используемых в борьбе с «вооруженной» преступностью15

§ 1. Содержание и формы использования специальных знаний в области криминалистического и судебно-экспертного исследования оружия и следов его применения при раскрытии и расследовании преступлений18

§ 2. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения как важнейшая процессуальная форма использования специальных знаний60

§ 3. Объекты криминалистической экспертизы оружия и следов его применения97

§ 4. Основные тенденции и направления развития и совершенствования оружия как одного из основных объектов экспертизы176

§ 5. Проблемы формирования и выделения новых видов криминалистической экспертизы оружия и следов его применения224

§ 6. Комплексные экспертные исследования оружия, следов его применения и проблемы их проведения ...235

Глава 2. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения как компонент профессиональной подготовки эксперта-криминалиста265

§ 1. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения как учебная дисциплина265

§ 2. Формы подготовки специалистов в области криминалистической экспертизы оружия, следов его применения и пути их совершенствования281

Список литературы302

Виталий Анатольевич Ручкин

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ОРУЖИЯ И СЛЕДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ,
ПРАКТИКИ И ДИДАКТИКИ**

Технический редактор: Шафранская Е.
Верстка: Ахмадулина А.
Дизайн и верстка: Гальчук М.

Московский психолого-социальный институт
113191, г. Москва, 4-й Рощинский проезд, 9а
Тел.: (095) 234-4315, 958-1774, доб. 111, 117
E-mail: publish@col.ru

Отпечатано ООО «ПолиграфПрофи»

Подписано в печать: 22.01.03

Формат 60 x 84 1/16

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 320

Тираж 5 000 экз.